

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 5 том - «Анжелика в гневе»
Перевод с фр. П. Трануа
ПТФ «Ореол» (Санкт-Петербург), 1992г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ГЛЕЮЩИЙ ОГОНЬ**

Глава 1

Вернувшись в Марсель, господин де Бретейль, посланный королем Франции и арестовавший Анжелику в Сеуте, заточил ее в адмиралтейской крепости.

За все время пребывания в этом городе, где прежде маркиза дю Плесси-Белльер так ловко ускользала от королевской полиции, посланец Людовика не мог найти себе места.

В этой-то мрачной келье и узнала Анжелика, недавняя пленница султана Мулая Исмаэля, вырвавшаяся на волю ценой невероятных страданий, что она ждет ребенка.

Она поняла это на следующий день после того, как попала в крепость и снова отчетливо осознала себя узницей.

Неужели в этой могиле ей суждено остаться навеки?! Она билась возле неприступной двери, будто посаженная в клетку птица, наполняя камеру глухими ударами. Ее руки, на которых не зажили еще прежние раны, напоминающие о перенесенных в пустыне страданиях, падали на дверь уже бесшумно, подобно птичьим крыльям, и вот она, совсем обессиленная, опустилась на пол камеры. Взгляд ее перемещался от двери до голубого кусочка неба.

В прежнем заточении к Анжелике приходил, по крайней мере, Осман Ферраджи, позволявший прогуливаться по плоским крышам тюрьмы. Здесь же ее не вывели наружу ни на минуту. Те немногие, что навещали ее, держались подозрительно и неприступно. Из Парижа герцог Вивонн, которому не хотелось бы предавать гласности свои былые поступки, присылал все более и более жесткие распоряжения насчет ее содержания. Марсельское адмиралтейство давало полную свободу господину Бретейлю. Ни один человек не был на стороне Анжелики, ее чары оказались на этот раз бесполезными.

Ее взгляд снова остановился на двери. Сколько дверей и запретов встречала она на своем пути! И каждая новая дверь казалась толще, неприступнее. Неужели это сама судьба ставит ей на каждом шагу преграды, стараясь отомстить за ту простодушную радость, которой наслаждалась босоногая девчушка, бегавшая неутомно по лесным тропинкам, отчего местные крестьяне подозревали ее в связи с лесными духами?

«Не пройдешь!» — говорили двери. И всякий раз, когда ей удавалось

пробиться, возникала перед ней новая, более плотная стена. Когда-то ей пришлось победить бедность, неприкаянность, затем вырваться из плена короля Франции, затем проникнуть сквозь решетки гарема Мулая Исмаэля, и вот снова ей приходится вступать в поединок с королем. Кто будет сильнее?

Она вспомнила о Фуке, о маркизе де Барде, о Лозуне, которые тоже были заточены в крепости Пинероль недалеко отсюда. Им тоже пришлось заплатить за гордый характер, но их проступки были менее вызывающие.

Ощущение слабости и одиночества наполняло ее. Попав во Францию, она открыла для себя мир, в котором возможны лишь две манеры поведения: либо страх, либо любовь к королю. Что бы ты ни выбрал, тебя может помиловать или покарать он один.

На этих берегах Колин Патурель был бессилен, он был здесь лишь бедный моряк и ничем не смог бы помочь Анжелике. Даже воспоминание о нем не подкрепляет ее. Он пропал для нее, возможно, навсегда. Она была так слаба, что покрылась холодным потом. Тогда и подумала она в первый раз, что беременна от него.

В Сеуте она замечала уже ухудшение самочувствия, но объяснила его невероятно тяжелыми условиями путешествия. Теперь же, спустя долгое время, она поняла, что ошибалась. Сомнений быть не могло. Она ждала ребенка.

Ребенок Колина Патуреля! Ребенок, зачатый в пустыне!

С мыслями о предстоящем появлении ребенка она дремала на лежанке, и мало-помалу силы ее начали восстанавливаться.

Удивление, умиротворение и радость наполнили ее. Это была настоящая радость, которую не испытывала она так давно.

Свежи еще были воспоминания о пустыне, страх быть пойманной. И рядом с этими гнетущими ощущениями не угасали видения прекраснейшей ночи, отданной всецело любви.

Французские платья, в которые она облачилась в Сеуте, скрыли жестокие следы борьбы и дальних переходов. Ссадины, уколы, ожоги заживали медленно. К счастью, ноги, которым пришлось испробовать немало каменистых тропинок, почти не пострадали.

Их будущий ребенок обязательно должен узнать о той невероятной Одиссее, которая произошла с его родителями...

Он будет светловолосый, высокий, крепкий. Не беда, что незаконнорожденный. Благородство отца, который был покровителем угнетенных, вполне равняет его с теми, в чьих жилах течет так называемая благородная кровь.

Сын Колина будет иметь такие же голубые глаза и такую же силу. Зачатый в пустыне, он будет дитя солнца, такой же прекрасный, как первый новорожденный, появившийся на земле.

Она будто уже любовалась им, и своя собственная жизнь показалась ей снова привлекательной, она вновь почувствовала себя готовой к борьбе за освобождение.

Иногда она произносила:

— Пусть ты покинул меня, Колин, я смогу теперь это пережить. Ты все же остался со мной, правда?

Через несколько дней Анжелику увозила из крепости зарешеченная карета с черными занавесками, сопровождаемая десятью мушкетерами охраны. Дорога лежала на Авиньон. Вместе с Анжеликой ехал господин Бретеиль. Ему не терпелось поскорее закончить свою миссию и сбить с рук опасную пленницу.

Он не верил ее усталому виду и подозревал в стремлении удрать при первом удобном случае. Пренебрежение, которое она выказывала ему в дороге, лишь усиливало его страх. Кто знает, не караулят ли где на пути ее сообщники?!

Подчиняясь собственному беспокойству, охранник видел только один верный способ справиться со своим делом: вечную спешку. Едва остановившись для еды и непродолжительного сна, всадники гнали лошадей вперед. Постоялые дворы освобождались от посетителей на время стоянки, а их хозяева держались под неусыпным наблюдением. Измотанные дневным перегонем лошади заменялись на свежих, которых готовил заранее специальный посланец.

Анжелика, едва переносившая тряску, испытывавшая страх за будущего ребенка, пыталась протестовать:

— Вы решили убить меня, месье! Немедленно остановитесь хотя бы на несколько часов для отдыха! Я больше не могу!

Но тот лишь усмехался в ответ:

— Неужели вы такая нежная, мадам? Не приходилось ли вам испытывать большие неприятности в королевстве Марокко?

Она не могла осмелиться сказать ему, что беременна.

Однажды вечером, в конце одного из таких диких переездов, когда экипаж на полном скаку взял крутой холм, карета накренилась и повалилась, Кучер, успевший заметить опасность, вовремя отстегнул лошадей, поэтому серьезных повреждений с каретой не произошло. Однако Анжелику придавило сиденьем, и она сразу поняла, какие последствия будет иметь это падение.

Господин де Бретейль, весь бледный, склонился над ней. Если мадам дю Плесси умрет, король никогда не простит его. Он тут же почувствовал прикосновение топора на своем затылке...

— Мадам, — взмолился он, — правда, вы не сильно ушиблись? Она ответила ему приглушенным, отчаянным криком:

— Это из-за вас, все из-за вас! Вы отняли у меня последнее! Будь проклят!

Ногтями она впиалась ему в щеки.

Солдаты соорудили носилки и отнесли ее в ближайшее селение. Они были напуганы тем, что разглядели кровь на ее платье, и решили, что маркиза серьезно ранена. Однако вызванный хирург после беглого осмотра заявил, что здесь скорее поможет акушер.

Анжелику душил запах капустного супа, стоящий внутри просторного зажиточного дома. Лицо акушерки, попавшееся на глаза, красное и потное, напоминало ей заходящее солнце. Эта добрая женщина не отходила от нее всю ночь, упорно борясь за жизнь прекрасной дамы, почти неземной, как казалось крестьянке, с волосами цвета меда, разметавшимися по подушке, с лицом слишком загорелым для здешних краев.

— Подожди, моя крошка, — шептала акушерка, наклоняясь над Анжеликой, которая находилась в бесспамятстве. — Не умирай.

Анжелика безразличным взглядом обводила тени, отбрасываемые женщиной на стены. Затем ее подняли, постелили под ней свежую простыню и подложили к ней медную грелку. Ей стало лучше, и холод, который сковал ее ноги и ладони, понемногу отступил. Ее растерли и дали выпить горячего вина.

— Выпей это, крошка, мое вино восстановит твою кровь, ты потеряла ее слишком много.

Она начала различать запах вина, запах корицы и имбиря. Анжелика открыла глаза. Перед ней было большое окно с тяжелыми занавесками, а за стеклами — густой туман, будто дым.

К ней сейчас же подошла краснощекая женщина и улыбнулась.

— Уже рассвело, — сказала она ласково. — В такое утро, как сегодня, лучше оставаться под периной, а не спешить наружу. Именно в такой день вы пришли в сознание. Теперь забудьте о том ужасном падении и постарайтесь поправиться, опасности уже никакой нет.

Женщина осеклась под суровым взглядом молодой красавицы; удивленная немного, она продолжала:

— Оставьте же ваши угрызения! Для светской дамы вашего возраста ребенок был бы в тягость. Уж я-то знаю, что говорю. Не одна женщина,

вроде вас, приходила ко мне с просьбой избавиться от зачатого плода. Вас же Бог освободил без лишних хлопот. Будьте благодарны ему, что все произошло так естественно, хотя поначалу мне и пришлось поволноваться за вас.

Анжелика безмолвствовала, а женщина продолжала:

— Да поверьте же мне, сожалеть не о чем... Дети только обременяют наше существование. Если их не любишь, они в тягость. Если любишь, они опустошают тебя...

Пожав плечами, она заключила:

— Не будем больше вспоминать о случившемся. Если уж вы так переживаете, то знайте, что это не последний ребенок в вашей жизни. Уж для такой красавицы, как вы, не стоит никакого труда забеременеть вновь!

Ребенок Колина Патуреля никогда не родится!

На какое-то время ее пронзило ощущение полнейшей обнаженности, беспомощности. Но вслед за ним ее переполнила злая ненависть. Эта ненависть рвалась наружу, будто мощный поток, который еще не пробил себе постоянного пути, но который способен раздавить все препятствия на пути. Стоит жить, чтобы отомстить за себя, отомстить всем, кто виноват!

И все же, несмотря на прилив бодрости, у Анжелики хватило здравого смысла, чтобы вспомнить, что угрожающая ей опасность по-прежнему велика. Ведь скоро ее вновь повезут под конвоем к властителю этой страны, и неизвестно еще, какое наказание ей он изберет, в какой застенек бросит.

Глава 2

Прерывистый крик потряс ночь.

«Сова, — подумала Анжелика. — Охотится...»

Птица вновь вскрикнула, но это приглушил туман, стелющийся окнами. В лунном свете он выглядел таинственно, пугающе.

Анжелика приподнялась в кровати и оперлась на локоть. Пол в комнате, где она находилась, был выложен отполированными мраморными плитками, белыми и черными, в них отражалась мебель. Из глубины комнаты струился мягкий лунный свет, который проникал из открытого окошка, и вместе со светом с улицы доносился прелестный аромат весенней ночи.

Ей захотелось подойти к этому окошку, и она, сделав усилие, поднялась с кровати и неверными шагами направилась навстречу серебрящимся лучам. Она подошла к окну и замерла, очарованная возникшей среди облаков круглой луной.

Подул мягкий ветер, всколыхнувший величественную гущу листвы, отчего воздух сразу наполнился свежим ароматом.

Анжелика глубоко вздохнула. Ее иссушенные легкие жадно впивали лечебную влагу, скапливающуюся в ночном воздухе благодаря испарениям листвы и неведомым источникам.

Ее слабость почти прошла, и она смогла наконец опустить раму, на которую опиралась, и осмотреться. В комнате она увидела альков, где висела картина, изображавшая молодого Зевса, веселящегося среди богинь. Она была у себя в Плесси. Это была та самая комната, где когда-то — ей было всего шестнадцать лет в ту пору — Анжелика, любопытная шалунья, наблюдала тайком за любовными похождениями принца де Конде и герцогини де Бофор.

Это были те самые мраморные плитки, белые и черные, в полировке которых отражалась красивая мебель и на которых она лежала поверженная, опустошенная, почти как сегодня, в то время как по коридору раздавались удалявшиеся нетвердые шаги ее мужа Филиппа, ознаменовавшего жестокими пытками их свадебную ночь. Здесь же текли унылые дни после того, как она во второй раз сделалась вдовой, а впереди еще предстояло противоборство Версалью...

Анжелика вернулась к постели и вновь легла под одеяло. Она устроилась под ним наподобие зверька, вернувшегося в норку, —

привычка, приобретенная в пустыне, где ночью холодно, а укрыться почти нечем. Она чувствовала, что остатки болезни не имеют теперь прежней силы.

Когда она снова проснулась, вместо лунного света через окно пробивалось солнечное сияние. До нее донесся голос ее служанки Барбы, по-прежнему медленный, но решительный.

— Посмотрите на нее! Все такая же! Все так же спит на голом полу, как собака! Каждый вечер я укладываю ее, как приличную даму, на кровать, и каждую ночь она стягивает свой матрац на пол и спит, как какое-то животное.

— Если бы ты знала, как хорошо бывает выспаться на голой земле, Барба, — ответила ей Анжелика, — если бы ты знала...

— Что же с ней сделали? — не обращая внимания на Анжелику, разговаривая с кем-то еще, продолжала служанка. — Ведь еще недавно она была такой нежной! Всего за один год эти варвары превратили ее в изгнанницу, это невероятно! Скажите об этом королю, господа! Моя госпожа отличалась всегда такой изысканностью, такими манерами! Вы же видели ее в Версале, господа, а посмотрите-ка, что стало с ней теперь: плакать хочется.

К изголовью ложа Анжелики подошли три пары солдатских ботинок и одна пара сапог.

Она узнала ботинки с красными каблуками и серебряными пряжками, они принадлежали ее прежнему сторожу Бретейлю.

Она подняла глаза. Сапоги принадлежали незнакомому лицу, на котором был голубой офицерский мундир, облегавший внушительный живот. Толстяк был с пышными усами, рыжеволосый.

Ботинки, отороченные бобровым мехом, также с серебряными застежками, из которых торчали сухие икры, принадлежали уже знакомому ей по придворной жизни маршалу де Солиньяку.

Четвертый человек, носивший ботинки с застежками, украшенными бриллиантами, отличался кружевным воротником. У него было сухое и тонкое лицо, выдававшее военного. Этот человек, поклонившись Анжелике и опустившись на колени, заговорил первым:

— Разрешите представиться, мадам. Маркиз де Мариллак, правитель Пуату, уполномоченный Его Величеством передавать его личные приказы и распоряжения относительно вас.

— Не могли бы вы говорить погромче, — попросила Анжелика. — Ваш голос заставляет меня напрягаться.

Мариллак вынужден был опуститься на оба колена, за ним

последовали и его спутники. Анжелике доставило удовольствие лицезреть этих четверых угодников короля, опустившихся перед ней на колени. Еще больше удовлетворения испытала она, заметив на щеках Бретейля незажившие царапины от своих ногтей.

Тем временем уполномоченный достал конверт, сломал на нем печать и вынул послание. Он начал читать, откашлявшись.

«Мадам дю Плесси-Белльер, провинившейся в наших глазах, вызвавшей наш гнев, мы адресуем это послание, с тем чтобы помочь ей признать себя виновной и выразить полную покорность.

Мадам, на нашу заботу о вас вы ответили неблагодарностью и непослушанием, чем навлекли на себя нашу немилость. Вы покинули Париж, тогда как вам было запрещено делать это. Между тем, вышесказанное предписание продиктовано было стремлением избавить вас от неприятностей, в которые вы неизбежно вовлекли бы себя. Итак, вы ослушались, сбежали, подвергали себя всевозможным опасностям, и за это будете наказаны. Нам отрадно сознавать, что, сделавшись узницей исламской крепости, вы все же обратили взоры к своему прежнему покровителю.

Из уважения к значительной фамилии, которую вы носите, к дружбе, которую я испытывал к маршалу дю Плесси, из жалости к вам самой, наконец, из расположения к вам, несмотря ни на что, мы согласились помочь вам и освободить от азиатов.

Я решил дать вам возможность полностью оправиться после перенесенных невзгод, поместив вас в родное имение. Я надеюсь, что пребывание в Плесси поможет вам выбрать правильное решение. Не считайте себя пленницей. Стоит лишь вам выразить желание — дорога в Версаль всегда открыта для вас. А до тех пор посланный лично мной офицер Мариллак, правитель области, обеспечит вашему пребыванию там надежную охрану».

Господин де Мариллак указал Анжелике на толстяка.

— Представляю вам, мадам, капитана Монтадура, который, я убежден, будет вашим доблестным стражем.

Капитан тем временем страдал от неудобного положения, находиться, в котором ему мешала полнота. Он переваливался с колена на колени, упал, но при последних словах начальника вскочил и заверил женщину в полной самоотверженности.

Однако Анжелика не удостоила его ответом. Ее ресницы оставались опущенными, и она казалась спящей.

Господин де Мариллак героически продолжал свое чтение.

«Мы приводим здесь список неперемных деталей, которыми должна быть выражена покорность мадам дю Плесси-Белльер. Эти требования оправданы в связи с недостойным поведением всех членов ее семьи, один из которых недавно дошел до прямого оскорбления Нашего Величества. Покаяние мадам дю Плесси послужит хорошим примером для непокорных.

Ей предписывается:

- покаяние должно происходить публично;
- она должна приехать в Версаль в карете с черными шторками, карета должна остановиться перед воротами и ждать дальнейших распоряжений, въезд во двор запрещен;
- мадам дю Плесси должна быть одета в скромное платье темного цвета;
- в присутствии всего двора она должна предстать перед королем, опуститься на колени, поцеловать его руку и принять присягу верности и подчинения;
- кроме того, она должна сделать подношение державной власти в виде одной из своих вотчин в Турени. Контракт на передачу земель должен быть вручен главному камергеру во время церемонии как символ раскаяния и платы за прощение;
- с этих пор мадам дю Плесси будет верно служить своему господину, она будет жить в Версале, примет все знаки внимания и почести, которыми мы соизволим ее отметить; отныне ее место возле короля, будь то где-либо в королевстве, будь то при дворе...»

— Будь то в его постели, — добавила Анжелика.

Мариллак вздрогнул от неожиданности. Все это время он был убежден, что читает впустую и что его слова не доходят до больной, лежащей неподвижно, словно без сознания.

Ее реплика и насмешливый взгляд, различимый сквозь прикрытые ресницы, доказывали ему, что она все прекрасно слышала и состояние ее гораздо лучше, чем он предполагал. Пергаментного цвета щеки военного порозовели, и он произнес сухо:

— Однако сказанного вами в послании короля нет.

— Да, но уж больно ясен намек, — мягко парировала Анжелика. Мариллак еще раз откашлялся, прежде чем в очередной раз вернуться к чтению:

— Итак, где-либо в королевстве, при дворе, «то есть в любом месте, где Его Величеству могут понадобиться услуги маркизы».

— Скоро ли конец? — перебила его Анжелика. — Напомню вам, что я нездорова и нуждаюсь в покое.

— Мы тоже устали, мадам, — ответил дворянин. — Потерпите, еще два-три пункта, и письмо закончится.

На лице вельможи появилось злобное выражение.

— Вот что я вам посоветую, мадам: не злоупотребляйте терпением и снисходительностью короля, они далеко не вечны. По сути, это послание вам — последнее предупреждение, прежде чем за вами навсегда закрепится титул неисправимой мятежницы. Знайте, что в вашем распоряжении всего несколько месяцев. Его Величество разрешил вам побыть одной для восстановления здоровья. Но если к октябрю вы не явитесь к нему с повинной...

— Что же произойдет тогда?..

Вместо ответа Мариллак развернул в последний раз письмо.

— «Мадам дю Плесси будет арестована и отправлена в тюрьму или монастырь по нашему усмотрению. Все ее имущество, земли, замки, дома будут проданы, за исключением ее вотчины — замка дю Плесси с окружающими землями, который достанется по наследству Шарлю-Энри дю Плесси, сыну маршала и нашему крестнику...»

— А мой сын Флоримон? — спросила побледневшая Анжелика.

— Про него ничего не сказано.

Наступило молчание, во время которого она неотрывно чувствовала на себе тяжесть взглядов четырех мужчин, которые, впрочем, наконец испытали некое удовлетворение. Она едва знала этих людей и не сделала им ничего дурного, но как дружно и крепко объединились они, чтобы подавить ее! Людям такого сорта доставляет определенное удовольствие принизить того, кто отказывается изощряться в подобострастии, подобно им самим.

Господин Солиньяк первым нарушил молчание слащавым низким голосом. Он несколько не страдал от неудобной позы, так как в его привычки входило молиться подолгу, вымаливая у Бога силы и способности устраиваться в мире ...Он сказал еще раз, что мадам дю Плесси следует с пользой провести время, признать совершенные ею ошибки и добиться прощения. Пусть залогом ее раскаяния станет усмирение народных волнений в Пуату.

— Не станете же вы спорить, мадам, что реформистская религия доживает последние дни. Все протестанты будут возвращены в лоно католической церкви. То, что последние приверженцы ереси базируются в ваших владениях, говорит об отсталости здешних краев. Капитан Монтадур, самый непреклонный среди нас вояка, уже несколько месяцев ведет борьбу с гугенотами, и уж он-то доведет ее до конца. Вы знаете

нравы своих крестьян, да и они вам доверяют. Используйте свое влияние, подумайте, какая благородная задача ложится на вас, какую признательность выкажет король за установление порядка в его королевстве.

То, чего не смог добиться своим чтением Мариллак, добился Солиньяк. Анжелика внезапно села и широко раскрытыми глазами посмотрела на присутствующих.

— В письме так и сказано, что я должна содействовать подавлению своих крестьян?

Саркастическая улыбка обнажила желтые зубы Мариллака.

— Нет, мадам. Но если вам показался намек...

Трое из присутствующих — Мариллак, Солиньяк и Бретейль — в волнении склонились над ней. Одному Монтадуру неудобно было наклоняться: мешал живот. Однако и он старался подобраться поближе к Анжелике, влекомый другим порывом. Несмотря на строгость обстановки, его поразила красота наказанной женщины.

Четыре придвинутых почти вплотную лица напомнили ей вдруг об ужасах, перенесенных в Средиземноморье. Секундами позже память воскресила картины из жизни королевского двора, атмосферу Версаля, наполненную заговорами и угрозами, где уживались друг с другом страх быть отравленным и фанатичная жажда власти.

— Мадам, — скороговоркой твердил Мариллак, — дайте нам подтверждение своей покорности, и мы избавим вас от худшего. Мы добьемся расположения короле к вам, добьемся некоторого смягчения предписания. Избавим вас, быть может, от кареты с черными шторками, от темного платья, от унижительных слов...

Этот дворянин умел разговаривать с женщинами. Он знал, что для такой дамы, как Анжелика, во много раз тяжелее испытать публичное унижение, чем потерять часть земель. Но Анжелика надменно отвернулась.

— Вы закончили, господа? Властелин провинции поджал губы:

— Нет, мы не закончили, мадам. У меня имеется еще для вас письмо сугубо личного характера от Его Величества. Вот оно.

Слетела красная печатка, и Анжелика узнала королевский почерк.

«Несносное дитя, забываемое дитя мое...»

Буквы плясали у нее перед глазами, она опустила руку с письмом, не желая читать дальше.

Одновременно с этим посланцы короля поднялись с колен и, не прощаясь, вышли. У порога Мариллак остановился и бросил взгляд на Анжелику, которая так и осталась лежать на матраце на полу. Ему следует

предупредить Его Величество, что у женщины, вероятно, помутился разум. Лежать на полу, в то время как она могла бы стать королевой Версаля! Это помешательство, вот что! Мариллак пожал плечами. Зря он послушался Солиньяка и присоединился к парламентарской группе. Ничего, полезного из этого не удастся извлечь ни ему самому, ни королю. Кроме того, он не сомневался, что болезнь ее кончится скорой смертью.

Анжелика заставила посланцев вернуться. Они столпились у двери и остолбенело глядели на пышный ворох ее волос, который окружал голову наподобие сказочного ореола.

— Господа, передайте королю, что у него нет права оказывать снисхождение мне.

— Что означают ваши слова? — с удивлением спросил Мариллак. — Вам показалось мало доброты Его Величества?

— Нет. Я хотела сказать, что о доброте не может идти речь в наших отношениях. Его любовь неприятна мне. Потому что мы враги и не можем сделаться друзьями. Между нами возможна лишь война!

Губернатор почувствовал себя отвратительно. Ему предстоит повторить слова этой сумасшедшей Его Величеству! Посланцы поскорее покинули комнату.

— Вы сумасшедшая, настоящая сумасшедшая! — вскричала Барба, устремляясь к хозяйке. — Вам предоставили такую возможность вернуть любовь короля: три благородных старца упрашивали вас смирить хотя бы на время гордыню, и что же...

Барба не могла успокоиться от распивавшего ее гнева.

— Вам мало было стать просто отверженной, лишиться силы и влияния. Вы подвергали свою жизнь стольким опасностям и вот, когда чудом остались в живых, снова играете с судьбой.

— Оставь этот тон, — приказала ей Анжелика. — Тебе придется поменять привычки, приобретенные в мое отсутствие.

— Вам не нравится мой грозный голос? А каким еще способом я защитила бы от полиции и другой нечисти маленького Шарля-Энри? Как только вы пропали, сюда повадились полицейские агенты, которые опрашивали всех подряд, рылись в бумагах, вскрывали мебель. Стоило ли жить, считая дни, чтобы увидеть вас в таком состоянии да еще такой непримиримой? Солдаты наводнили поместье, толстый капитан творит беззакония, запасы провианта опустошаются, служанки подвергаются грубостям. Разве не права я?

Преданность и горячий порыв служанки смягчили Анжелику.

— Что же, по-твоему, я должна сейчас делать? — спросила она

слабым голосом.

— Пойдите к королю, — прошептала Барба, воспрянув духом. — Пусть все будет как прежде. Вы станете самой влиятельной фигурой в королевстве, ваш дом и ваших сыновей осыпят почестями.

Нагнувшись над лицом Анжелики, она разглядела на нем отпечаток перенесенных страданий, во сейчас же из-под усталых век сверкнули зеленые непримиримые глаза.

— Ты не понимаешь того, о чем говоришь, Барба! Пойти к королю! Для тебя, наивной крестьянки, нет ничего желаннее, чем оказаться при дворе. Но я хорошо его знаю. Легче умереть! А вот там-то умереть, действительно, очень просто. Или от скуки, или от отвращения, или от яда соперницы. Жить при дворе! Играть в такую же отвратительную игру, что и все придворные.

— Король любит вас! Сколько власти вы получите возле него.

— Он не любит меня, ему нужно мое тело. Никогда я не буду принадлежать ему. Это просто невозможно. Послушай, Барба, ты не все знаешь. Пусть король Франции всемогущ, но мне удалось сбежать из гарема Мулая Исмаэля... Ты не можешь себе представить, чего это стоит, это невозможно ни для одной женщины. Так почему же я не смогу одурачить короля Франции?

— О господи! Бедная женщина, бедная моя госпожа! Помогите вам Бог!
— служанка закрыла ладонями лицо и убежала.

Глава 3

По мере того как болезнь отступала, Анжелика стала понимать, что ее положение зависит не только от милости короля, но и тех, кому удастся поддерживать наивысший вес в королевстве. Кто эти люди и что они замышляют теперь, она не могла знать, пока оставалась под арестом в своем замке. Ей оставалось лишь по-прежнему черпать силы, стоя у окна, любуясь родным лесом. Она весело смотрела на нынешние обстоятельства, говоря себе, что все-таки она выжила и вернулась на родину. Она столько раз видела в мечтах леса Ниеля, когда с иссохшими губами, израненными ногами брела за Калином Патурелем, что невзгоды казались теперь легкими и малозначительными хотя бы потому, что она их уже преодолела.

Мало-помалу она уступила просьбам Барбы и начала спать в ест в кровати. Наконец однажды утром она решила одеться. Барба нашла в сундуке одно из старых своих платьев, так как собственные платья Анжелике были велики.

Пройдясь по всем комнатам, она обнаружила, что возле каждой двери стоят часовые. Они держались на виду друг у друга. Возле дома также стояла охрана.

Послышался раскатистый голос Монтадура. Анжелика решила уклониться от встречи. Она не доверяла еще своему здоровью и опасалась, что неожиданно потеряет сознание. Ибо даже знакомые лица ее слуг начала казаться явившимися из какого-то иного, давно ушедшего мира...

Вот эти слуги приходят друг за другом в ее маленькую комнату засвидетельствовать почтение вернувшейся госпоже: Лин Пуару, повар, со своей женой, которые служили здесь вот уже пятнадцать лет; ла Виолетт, старый слуга, который прислуживал еще Филиппу; Жозеф, заправляющий псарней; главный конюх Жанику, кучер Хадриен, старый Мальбран, по прозвищу «Укол шпагой», который чаще всего занимался созерцанием лошадей, покуривая трубку, но время от времени брался учить юного Шарля-Энри фехтованию и верховой езде.

— Но этот ваш сын не такой ловкий, как старший, — говорил Мальбран. — Ах, к чему Флоримону книжные премудрости, когда шпага его ржавеет здесь в замке?

Мальбран, старый мушкетер, много повидавший в жизни, был единственный, кто чувствовал себя в присутствии солдат непринужденно. Все же остальные слуги находились в состоянии тревоги и раздражения.

Солдаты держали себя с ними, как с жителями завоеванной страны. И в то же время все они испытывали стыд за то, что позволили врагам свободно расположиться в доме хозяев. Анжелика выслушивала их жалобы молча, наблюдая за ними пристальными зелеными глазами, и на губах ее играла легкая улыбка.

— Какие же вы пуатинцы, раз не смогли постоять за себя? У вас нет больше ножей, топоров, вил, дубинок, а ты, Лин Пуару, потерял свой шампур?

Слуги ошеломленно смотрели на Анжелику. Один Мальбран казался по-прежнему веселым. Жанику, конюх, пробормотал:

— Инструмент-то есть, маркиза, но мы не осмеливались поднять руку на Солдат короля...

— Ночью все кошки серы, не так ли? Солдат, упав в яму, свернет себе шею так же, как и любой крестьянин.

Они молчаливо потупили взоры, но глаза их хитро сузились. Намек был достаточно ясен этим слугам, родители которых еще оставались крестьянами.

Как дети слепо повинуются своим родителям, так и эти простые люди после появления своей хозяйки решили, что пойдут за ней хоть на край света. И никто из них не засомневался в том, что с нынешнего дня все изменится к лучшему.

Уединяясь в одном из гостиных залов первого этажа, Анжелика перебирала в памяти давние события, стараясь найти в прошедшем ответ на вопросы настоящего.

В этом зале шестнадцать лет назад она стойко выдержала ярость принца де Конде. Он приезжал тогда в Пуату с тем, чтобы на вербовать воинов для выступления против Мазарини и его матери-королевы, чтобы отравить юного короля и его брата.

Счастливчик принц! Несмотря на то, что заговор сорвался, он продолжал сегодня бывать в Версале.

Анжелике казалось, что пьянящий запах заговора до сих пор витает над замком, над лесом, над всей провинцией.

Анжелика посмотрела в окно. Ей виден был кусочек парка. Цветы каштанов не радовали глаз, оттого что под деревьями солдаты Монтадура пасли своих лошадей. Справа посверкивала гладь пруда. Два лебедя спешили к берегу, несомненно, они заметили возвращавшегося с прогулки Шарля-Энри с Барбой, которые кормили их часто хлебом.

Барба привела мальчика к Анжелике. Ему было сейчас около пяти лет. Гувернантка неизменно одевала его в изысканные шелковые и сатиновые

платья, как будто часом позже ему предстоит поездка ко двору.

Их встреча прошла в молчании. Мальчик не произнес ни слова, хотя она пыталась нежным голосом заговорить с ним.

— Вы не думайте, он очень разговорчивый, — пояснила Барба. — Вы бы слышали его вечером, когда он уже лежит в постели и держит в руках медальон с вашим портретом! Он любит разговаривать с ним. Дело в том, что он вас, вероятно, не узнал, ведь между портретом и вами осталось так мало общего.

— Ты находишь, что я сильно изменилась? — взволнованно спросила Анжелика.

— Вы стали еще прекраснее, — ответила Барба, стараясь польстить хозяйке. — Но посмотрите на свои истрепанные волосы, на огрубевшую кожу! А иногда вы кажетесь мне двадцатилетней. Я поняла, все зависит от выражения ваших глаз. Они у вас необыкновенные. Уже поговаривают, что вы вернулись с того света.

— В чем-то они правы.

— Красивая-то вы красивая, — подтвердила служанка, поправляя белый воротничок, — но я еще знаю наверняка, что вы стали для мужчин еще опаснее, чем раньше...

— Я не хочу слышать о мужчинах, — пожала плечами Анжелика. Она вздохнула и погладила по вьющимся светлым волосам мальчика.

Его лицо с огромными глазами, с густыми ресницами, со щеками твердыми и розовыми казалось достойным кисти фламандских живописцев. Его красота заставила ее сердце сжаться. Он был похож на Филиппа, ее второго мужа.

Она снова вздохнула и погрузилась в еще более глубокие воспоминания. Ребенок, постояв еще немного перед ней, вышел. Хотя бы за него она может быть спокойна. Шарль-Энри дю Плесси, сын маршала, крестник короля, не будет лишен наследства из-за поведения своей матери. Но старший — гордый Флоримон?.. По рождению он мог претендовать на значительные владения в: Тулузе, более мощные, чем все имения Плесси вместе взятые. Как только она оказалась в замке, ей ужасно хотелось повидать Флоримона. В первые же дни она продиктовала слабым голосом письмо своему брату, отцу Сансе. Это письмо шло долго, так как с самого начала было перехвачено Монтадуром. Капитан не умел читать, ему помог узнать содержание лейтенант, после чего письмо было на всякий случай переслано Мариллаку, а уж потом отправлено по назначению. Только сегодня Анжелика получила ответ.

Из письма она узнала, что преподобный Сансе имел распоряжение от

короля держать Флоримона в Моренсе в своем коллеже до тех пор, пока Его Величество самолично не позволит вернуть мальчика его матери, ибо ребенку вредно будет находиться под влиянием женщины, поведение которой вызывает злые толки.

Чтобы увидеть сына, ей надо исправить свой необузданный характер и завоевать расположение короля. До сих пор присутствие мальчика в религиозном коллеже казалось Его Величеству более надежным, нежели на корме судна возле его неосторожной и переменчивой матери. Мальчик на пороге юношества. Его дядя сообщал, что он достаточно способен в учебе, но ленив, отлынивает от занятий и ко всему прочему хитер, как лиса.

Брат писал в завершении, что полон горечи, что он устал нести один на плечах груз постыдных поступков своих братьев и сестер, устал от попыток восстановить в глазах короля доброе имя Сансе де Монтелупов. Разве не было достаточно Анжелике прежних уроков? Не предупреждал ли он и ее, и Гортрана, и Дени, и Альберта? Все впустую, увы! Их необузданные натуры не прислушиваются к голосу разума. Когда-нибудь Бог покарает его за них.

Это письмо взорвало Анжелику сильнее, чем все предыдущие события. Они осмелились отказать ей во встрече с Флоримонем. Как это мерзко! Флоримон, почти сирота, принадлежит ей одной! Он был для нее больше чем сын, он был ее друг.

Он один мог напомнить ей теперь о потерянной любви. Флоримон и Кантор теперь казались ей самыми близкими людьми.

Кантор был близок ей тем, что у них в чем-то были одинаковые судьбы. Их обоих мотало по свету, и они успели рассказать друг другу о самом сокровенном. И теперь, хотя сын погиб, а Мать уцелела, она продолжала думать о нем как о живом.

Ей необходим был и Флоримон, в его лице она успела заметить черты другого человека, воспоминания о котором гасли.

Она стала размышлять. Ей пришло на память высказывание Мариллака: «Это вызывающая семья, большинство членов которой меня лично оскорбили», — или что-то в этом роде. Она никогда не запоминала точно высказывания, потому что мало придавала значения словам. Сопоставляя эту фразу с тем, о чем писал брат, она заподозрила, что произошли события, в которых участвовали братья и о которых она не знала.

Глава 4

Отец Анжелики, барон де Сансе, умер в прошлом году зимой, накануне ее отбытия в Марсель. Поэтому, когда она услышала о посетителе с таким же именем, ее охватила такая слабость, что она едва успела подняться с дивана. Она увидела, что человек в такой же темной, как и у отца, одежде, в таких же огромных испачканных сапогах поднялся по ступеням подъезда.

— Это ты, Дени?

— Здравствуй, — ответил тот.

В ее памяти он сохранился военным с хорошим местом в гарнизоне пригорода Парижа. Теперь, к ее удивлению, он имел вид помещика с тяжелой походкой и озабоченным лицом барона Арманда. В смущении он мял пальцами полы своей одежды.

— Вот я и здесь... Мне был дан приказ губернатора, господина де Мариллака, чтобы я нанес тебе визит.

— Решительно, в нашей семье ничто не делается без приказов! Как это очаровательно!

— Сестра, я хочу говорить с тобой о серьезных вещах.

Дени предстояло рассказать о главном, и он совсем упал духом.

— Господин Мариллак прислал меня сообщить тебе о весьма неприятных событиях, касающихся нашей семьи, о которых ты еще не знаешь. «Пусть это наведет ее на размышления», — сказал он.

— Ну так говори скорее!

— Имей терпение выслушать все с самого начала. Еще одно несчастье постигло нашу семью. Ах, Анжелика, зачем ты уехала?

— Наша семья в немилости только потому, что я сочла возможным отправиться в путешествие без разрешения короля?

— Нет. Прямой связи здесь нет. Но если бы ты находилась тогда рядом!.. Все произошло через несколько месяцев после твоего исчезновения. Никто не знал точно причины твоего бегства, но король был явно не в духе после него. Сам я не принимал это близко к сердцу. Меня касалось только то, что мне не у кого было без тебя одолжить денег. У меня появилась возможность купить вакантную должность в гарнизоне Версаля. Я рассчитывал на твое влияние и ...на твои деньги. Так как дело горело, я начал разыскивать Альберта, так как знал о его связях в свите монсеньора. Я нашел Альберта, буквально купающегося в деньгах. Он

сказал, что сумел очаровать монсеньора, и тот осыпает его дарами: подарками, должностями — и даже собирается переписать на него доход нашего Ниельского аббатства. Этим он рассчитывал обеспечить свою жизнь до самой смерти, хитрец! Он одолжил мне в рассрочку несколько сот ливров. Он замолвил за меня словечко, и я получил желанную должность, я попал в Версаль. Для среднего офицера, каким был я и мои сослуживцы, это был блестящий ход. Однако ко многому обязывающий. Король любит парады, и мы без конца маршировали. Но еще бывали почти каждый день праздники, собрания, игры. Кстати, случались вещи и менее приятные: обуздывать восставших каменщиков и ремесленников... Ты помнишь грандиозные строительные работы в Версальском парке?

Монотонный голос молодого человека заставил ее вспомнить один из версальских пейзажей: заготовка известняковых блоков, выпадающих из-под гигантских пил, переплетение лесов и подмостков. Там собиралась целая армия рабочих, каждый из которых имел либо кирку, либо кувалду, либо лопату.

— Это было ошибкой — собрать в одном месте столько вооруженных простолюдинов. Они ночевали там же, на площади. Им запретили видеться с семьями, опасаясь, что после этого на стройку они уже не вернуться. Обострение началось летом, когда король решил продлить один из каналов до леса, к подножию каменной лестницы, ведущей к Оранжерее. Жара была невыносимая... С окружающих болот прилетели тучи комаров, занесшие лихорадку. Люди стали умирать, как мухи. И вот однажды...

Дени описал внезапный всплеск негодования, который охватил этих рабов. Надсмотрщики были тут же сброшены с лесов. Толпа, одетая в лохмотья, с брусьями и молотками в руках, захватила нижнюю часть дворцового ансамбля, перебив швейцарскую гвардию. К счастью, на парадной площади тренировалась колонна гвардейцев. Солдаты немедленно были перестроены в боевой порядок и брошены к дворцу. Они окружили очаг восстания и за два часа управились со всеми бунтовщиками. Два часа не умолкала мушкетная пальба, крики ненависти и агонии. Последние бунтовщики засели на лесах и сбрасывали на солдат каменные блоки с четырехэтажной высоты, давя их, будто клопов. Их расстреляли из мушкетов. Убитых было столько, что песка не было видно из-за тел.

Наконец рабочие сдались. На следующий день, на рассвете, зачинщиков отправили на опушку леса, где они должны были быть повешены прямо под окнами дворца. В тот момент, когда у каждого уже была веревка на шее, Дени узнал в одном из них Гортрана! Окровавленный лоб, злые глаза, одежда рваная, вся в пятнах краски, руки, изъеденные

кислотой. Гортран де Сансе де Монтелуп — его брат, оказавшийся среди ремесленников!

Молодой офицер завопил: «Снимите его!» Он бросился к старшему брату, защищая его своим телом. Никто не смеет повесить без суда одного из Сансе де Монтелупов!

Все вокруг решили, что он помешался. А на губах Гортрана гуляла странная улыбка, насмешливая и усталая.

Позвали полковника. С огромным трудом Дени удалось объяснить ему, что этот чернорабочие со связанными за спиной руками — его родной брат, который является, кроме того, братом маркизы дю Плесси-Белльер. Знаменитое имя, а вместе с тем неоспоримое внешнее сходство братьев, даже одна я та же осанка, которая в любом случае указывала на благородное происхождение, заставили полковника отложить экзекуцию. Однако об отмене королевского приказа, согласно которому все зачинщики должны быть повешены до захода солнца, не могло быть и речи. У Дени в распоряжении был только день.

— Если бы ты была рядом, Анжелика! Двумя месяцами раньше ты находилась при дворе, где король смотрел на мир твоими глазами. Тебе стоило сказать одно лишь слово... Бели бы ты оказалась рядом!

Во второй раз Дени бросился за помощью к Альберту, судьба которого, казалось, складывается удачно. Он мог бы еще обратиться к иезуиту Раймонду, но это заняло бы слишком много времени. Кроме того, их орден слишком осторожен в таких делах.

Итак, Дени вскочил на коня и понесся во весь опор в Сент-Клуд. Монсеньор был на охоте, и его фаворит сопровождал его. Дени достиг брата к полудню. Ему потребовалось время, чтобы уговорить монсеньора отпустить Альберта на несколько часов.

— Альберт умеет улыбаться ласково и требовательно, как женщина. Они все никак не могли договориться, а я думал о Гортране, ожидавшем под деревом с петлей. Мне не очень нравится Альберт, но, к его чести, могу сказать, он не из трусливых. Он сделал все, что только можно было сделать. К вечеру мы были в Версале и ломились с ним во все двери. Он поднял на ноги всех придворных. Но надо было соблюдать какие-то приличия. Пришлось ждать понемногу то там, то здесь. Наконец господин де Бриенн соизволил принять нас. Выслушав, он оставил нас одних, а когда вернулся, то сказал, что нам может представиться случай увидеть Людовика, когда он выйдет из своего кабинета.

Дверь открылась, король появился. Важный, величественный. Среди ожидавших разом умолкли все разговоры, головы почтительно склонялись,

дамы присели в реверансе.

Альберт, опередив всех, уже стоял на коленях перед королем и с отчаянием в голосе умолял:

— Сир, сжальтесь над моим братом Гортраном де Сансе.

Король посмотрел на него тяжелым взглядом. Его уже предупредили, что двое молодых людей будут умолять его о помиловании. Однако он спросил:

— Что он натворил?

— Сир, он находился вчера среди восставших и причинивших некоторое беспокойство обитателям замка.

Король притворно удивился:

— Один из Сансе де Монтелупов, из такого знатного и древнего рода — среди изменников?

— Увы, сир, это правда. У нашего брата в голове всегда были странные мысли. Он решил стать художником и, несмотря на гнев отца, который лишил его права наследства, он сделался им.

— Действительно, странная мысль.

— Наша семья долго не знала о нем ничего. Только вчера Дени узнал его.

— Мой приказ, таким образом, не выполнен? — спросил король, повернувшись к офицеру.

— Сир, но ведь это мой брат!

Король оставался холоден. Каждый из них понимал, чей образ стоял перед глазами короля, чье имя больше не произносилось в его присутствии. Образ торжествующей женщины, осмелившейся бросить его. Нет, он не может ее простить. Когда он заговорил, наконец, его голос был мрачен:

— Господа, вы имеете несчастье принадлежать к надменной и дерзкой семье, с которой я больше не желаю знаться. В ваших жилах течет кровь древнейших феодалов, гордость которых переросла в заносчивость. Уже не раз ваши родственники приносили несчастье королевству. Мы знаем человека, помилования которого вы добиваетесь. Он опасен и жесток, он добился доверия простолюдинов, чтобы использовать их в своих интересах. Мы следили за ним все это время. И неудивительно, что он оказался среди бунтовщиков. Он не был готов заплатить кровью за право называться дворянином, подобно всем благородным мужчинам королевства. Он отбросил шпагу и взял вместо нее кисть художника и долото ремесленника, пренебрег ответственностью перед своим именем и предал своих предков, растворившись в низшем классе. Ему предпочтительнее общество каменщиков, чем общество принцев! Его

можно было бы принять за помешанного, блаженного, такое случается даже в наилучших семьях... Но нет, нам довелось его слушать... Он показался нам умным, волевым, зажженным непонятной ненавистью. Мы узнали ваш наследственный высокомерный тон...

Луи Четырнадцатый прервался. В выражении его лица, помимо властности, отражалось нечто неуловимое, что наводило страх.

Серые глаза братьев, которые в свете заката поблескивали зеленым, напомнили ему другой, родственный им взгляд. Голос короля сделался еще сумрачнее:

— Он действовал как безумец, он должен заплатить за свое безумство. Пусть он будет казнен презренной казнью, достойной отверженных. Пусть он будет повешен! Не собирался ли он быть услышанным однажды в парламенте и пугать нас собственным народом, как прежде Этьен Марсель?

Последнее было сказано скорее для заправил Парижа, пришедших ходатайствовать о средствах на народные нужды, которые королю не хотелось выделять. Король пошел по коридору, опираясь на трость черного дерева с золотым набалдашником.

Альберт де Сансе бросился за ним и прокричал срывающимся голосом:

— Сир, поднимите глаза! Вы увидите на потолке Версаля роспись, выполненную моим братом-художником. Он сделал ее, чтобы прославить вас...

Король остановился и задумался. Прекрасное, которое он любил, способно было подавить в нем порывы ненависти и ревности. Кроме того, его практический ум не мог позволить, чтобы такой способный художник исчез, не оставив после себя значительного следа. Почему же ответственный за версальское строительство господин Перро, который должен был знать о таком мастере, не предупредил его и позволил приговорить к казни без суда? Из страха перед царским гневом, из-за боязни потерять должность никто не желает брать на себя дополнительную ответственность... Король переменялся внезапно:

— Прервать экзекуцию. Я буду допрашивать этого человека.

Он повернулся к господину де Бриенну и продиктовал ему приказ о помиловании.

— ...Надо поместить его в мастерскую Брюна, — пробормотал Людовик, удаляясь.

Братья со всех ног побежали через сады, уже совсем сумеречные, к каналам, к лесной опушке, где должен был быть повешен их брат. Но они

опоздали. Гортран де Сансе де Монтелуп мертвый висел на ветви дуба против Версальского дворца.

Братья сняли тело. Альберт пошел за каретой. Он привел своего слугу и кучера. На рассвете экипаж уже направлялся в сторону Пуату.

Под палящим летним солнцем они мчались весь день, лишь бы успеть захоронить в родной земле это крупное тело, руки которого отказались держать оружие.

Плача, как дети, Альберт и Дени похоронили его около церкви при деревне Монтелуп на семейном кладбище.

— Затем я вернулся в замок... — сказал Дени. — Все казалось мертвым, ни малейшего шума не раздавалось внутри, ни одного ребенка не показалось. Только кухарка Фантина на кухне со своими широко раскрытыми глазами и Марта, все такая же толстая. Там я и остался. Помнишь, что написал отец в завещании: «Завещание относится к тому из сыновей, кто останется на земле». Я купил мулов, стал следить за работой фермеров, а потом женился. На Терезе де Майлере. Без приданого, но с хорошим именем и очень доброй. У нас будет ребенок.

— Вот, что я собирался тебе рассказать, — заключил новый барон де Монтелуп, — то, что господин де Мариллак пожелал, чтобы ты узнала. То есть не о моей женитьбе, а о судьбе Гортрана.

Он наблюдал за лицом сестры, которая была старше его, к которой он всегда испытывал подсознательный страх. Его угнетала ее красота, отвага и тайна, которой окружены были ее исчезновения. Сегодня он нашел ее еще более неуловимой, опасной. Она была бледна и сурова, пораженная в самое сердце услышанным рассказом. Дени и любовался ею, и трепетал одновременно.

— Я хотел сказать, что господин де Мариллак знает тебя плохо, — произнес он, — раз он рассчитывает ослабить твой дух таким известием... Один из Монтелупов повешен именем короля!

Глава 5

Молин, управляющий всеми делами Анжелики, навещал ее каждый день с тех пор, как она вернулась в имение. Старик неторопливо шел по центральной аллее от своего кирпичного дома с черепичной крышей, зажав локтем счетные книги, к замку.

Полностью независимый, он предпочел оставаться, как и прежде, слугой у Плесси-Белльеров. По своему общественному положению он давно был крупным собственником-буржуа. Но из осторожности Молин вел свои коммерческие дела под прикрытием знатной фамилии. Анжелика, как и раньше Филипп, не интересовалась его личными предприятиями и не имела о них четкого представления. Интендант Молин со своим строгим, даже жестоким лицом, но которому старость придала черты античной мудрости, оказался первым рядом с безжизненным телом Анжелики, когда двое мушкетеров выносили носилки из кареты, в то время как Бретейль кричал непринужденным голосом слугам:

— Я привез вам вашу мадам дю Плесси. Она умирает, но проживет еще несколько дней...

На лице Молина не шевельнулся ни один мускул. Он так бесстрастно поздоровался с Анжеликой, будто она вернулась из Версаля после короткой поездки. Не обращая внимания на ее состояние, интендант с чинным видом доложил ей, что урожай в нынешнем году ожидается скудный. И только после этой встречи она поняла, где находится, и стала ощущать веяние родной земли, вспоминать прошлое. С его стороны не последовало ни одного упрека, ни даже вопроса.

Он даже намеком не коснулся тех неудобств и волнений, которые причиняли хозяйству и дому военные, не обвинил Анжелику в том, что она, удрав, свалила на него всю ответственность за свои дела и держала целый год в неведении. Он не стал рассказывать о принятых мерах, предотвративших банкротство наиболее важных ее торговых предприятий.

Теперь Молин разослал во все уголки известие о том, что госпожа вернулась. Он не стал упоминать о страже, приехавшей вместе с ней, напомнил только о дружеских чувствах, которые питал всегда к Анжелике король, поэтому вести совместные дела с ней — не только большая честь, но и верная выгода. Эти сообщения предназначались, прежде всего, коммерсантам из Парижа и судовладельцам Гавра, с которых Анжелика брала проценты.

Он продолжал также объезды владений. Все так же пунктуально навещал он фермы и хутора. Он не делал разницы между протестантами и католиками, контролируя строго и тех, и других. Во время этих поездок ему часто жаловались на солдат, располагавшихся у крестьян, как у себя дома, поедавших их сыры и окорока, оставлявших пастись своих лошадей в молодых овсах. Это были «защитники веры» Мариллака. Молин не отвечал на такие жалобы. Он требовал от фермеров лишь полной подотчетности.

— Что же нам делать, мэтр Молин? Разве вы не исповедуете, как и мы, учение Кальвина? — спрашивали его гугеноты с горящими, воинственными глазами. — Что нам выбрать: покориться власти и сохранить имущество или бороться и все потерять?

— Наберитесь терпения, — отвечал он.

К нему также навевались драгуны, подвергая расхищению его зажиточный уют. Чтобы он не имел возможности отдохнуть, они колотили по ночам в кастрюли и кричали:

— Отрекись, старый лис, отрекись!

Все это происходило до возвращения Анжелики. Так как сама она не исповедовала ереси и являлась, помимо этого, одной из ярчайших красавиц королевства, Мариллаку пришлось оставить жителей Пуату в покое. Молин начал регулярно бывать в замке, и Монтадур, который видел в нем самого яркого гугенота этих мест из-за сильного влияния на крестьян, кричал ему вслед:

— Скоро ли будет ваше сорище, старый еретик?

Когда же интендант впервые увидел Анжелику в сидячем положении и понял, что она выздоравливает, он не удержал радостного вздоха. Он разглядывал ее порозовевшие щеки несколько мгновений, затем опустил свои усталые веки, и Анжелике показалось, что он воздает хвалу Богу. Это так противоречило его сдержанным манерам, что она не растрогалась, а испугалась за него.

В этот день Молин впервые заговорил с ней о беспорядках и угнетении, которые угрожали провинции с того момента, как Мариллак взялся за восстановление веры в Пуату.

— Нашу провинцию используют как пробную мишень, мадам. Если применяемые против протестантов методы окажут быстрое и ощутимое действие, они будут привиты во всем королевстве.

— Разве здесь кроется опасность для меня? — спросила Анжелика, глядя в окно.

— Кроется, — коротко и сухо ответил Молин.

Раскрыв перед ней счетные книги, он легко доказал ей, что хозяйство почти всей провинции, находящееся в умелых руках протестантов, заметно потеряло производительность. Им мешали выходить на поля, ухаживать за скотом.

— К кому нам отправлять жалобу, если сам губернатор устраивает эти погромы? Королю? Честно говоря, я очень надеялся на ваше возвращение, мадам, потому что вам по силам прекратить нажим на гугенотов. Если вы пойдете к королю... Это единственный путь, который спасет и вас, и провинцию, и, кто знает, может быть, всю страну.

Анжелика смотрела на него грустными глазами и не могла произнести ни одного слова, хотя родилось в ней множество. Молину казалось, что он неплохо знаете эту удивительную уроженку Пуату, умеющую смотреть в глаза смело и грозно, но с момента ее возвращения он чувствовал в ней что-то неуловимое. Поэтому он старался говорить жестко и коротко, как в тот день, когда она пришла к нему за советом, выходить ли ей замуж за графа де Пейрака. — Ступайте к королю.

Но все те доводы, которые он приводил, Анжелика слышала уже несколько раз и не один раз опровергала их. Поэтому она лишь отрицательно покачала головой.

— Мне известна ваша гордыня, — настаивал интендант, — но мне известен и ваш здравый смысл. Забудьте свои обиды. Разве вы не воззвали к королю, когда попали в Барбаресскую тюрьму, и разве король не ответил вам? У вас еще есть возможность восстановить потерянное могущество, если вы проявите должную ловкость. Вы будете иметь теперь более сильное влияние на короля, учитывая, как долго он тосковал по вам.

Анжелике привиделось повешенное тело в сумрачном зале Версаля... затем — последнее прощание со своим вторым мужем Филиппом. В тот последний вечер, перед тем как добровольно подставить себя под вражеские пушки, он смотрел на нее своими грустными и прекрасными глазами:

— Прощай, моя любовь. Мой долг зовет меня туда...

Король отнял у нее все.

Она покачала головой, и ее непокорные волосы, которые она только что уложила в прическу, свободно рассыпались. Она уступала прежде доводам управляющего, но на этот раз он получил окончательный отказ.

Она рассказала ему всю правду о том, каким было ее путешествие и возвращение домой. Она не называла прямо цели своего бегства, но в отдельных фразах она произнесла несколько раз «он».

— Я не нашла его, Молин, поймите меня. Может быть, он и вправду

уже умер... от чумы или от чего-то еще... На Востоке так легко встретить смерть. Там меня постигла неудача, а здесь мне не нужна былая слава. Пусть я останусь узницей.

Ее худая, почти прозрачная после болезни рука, которую ей невозможно было украсить кольцами, сделавшимися слишком широкими, остановилась напротив лица, будто Анжелика хотела защититься от пугающего видения.

— Вы хотите сказать, что для вас нет выбора: покориться или сопротивляться?

— Я не собираюсь покоряться.

— Значит, сопротивление? — с насмешкой спросил он. — У вас есть войска, оружие?

— Есть все же вещи, которых боится и король, даже самый могущественный: заговор вассалов, восстание провинций.

— Все это может напугать короля, если только примет большой размах, если польется много крови. Не этого ли вы хотите? По-моему, дни, проведенные в Барбаресской крепости, ожесточили вас, вы перестали ценить человеческую жизнь.

Она усмехнулась при воспоминании:

— Мулай Исмаэль любил отрубать две-три головы до завтрака, чтобы улучшить себе аппетит. Жизнь со смертью были переплетены так тесно, что каждый день доводилось задавать себе вопрос, чего же больше хочется: жить или умереть?

Соглашаясь, старый слуга покивал головой. Если женщина сомневается в себе, то ее еще можно переубедить. Но, если это уже зрелая женщина с твердыми убеждениями, рассчитывать не на что.

«Может быть, она не хочет ехать в Версаль потому, что ей неинтересно завоевывать его во второй раз? — размышлял Молин. — В те времена она выглядела совсем счастливой, здоровой, вкушала власть и роскошь... Отпечаток ее таинственного путешествия замечен стал не только во внешности Анжелики. Беспристрастность сделалась ее силой. И вместе с тем она не научилась подлаживаться под людей. Она не сможет войти в общество людей, которыми окружил себя король».

— Как хорошо вы меня знаете, Молин! — воскликнула Анжелика, так пронзительно прочитав его мысли, что он вздрогнул.

«Бог знает, что за дар приобрела она в тех таинственных странах!» — подумал он, все больше наполняясь беспокойством.

— Правда, мне не надо было уезжать. Все оказалось бы проще, я продолжила бы беззаботную жизнь при дворе, пусть с повязкой на глазах.

Там можно делать все, что захочется, но только не жить. Может быть, я старею, но меня совсем не привлекают блестящие безделушки, от которых в восторге версальские марионетки. О! Сидеть рядом с королем — какая честь! Сидеть за одним столом с королевой, чтобы сдавать карты, — сколько радости! Пресные, фальшивые страсти, они имеют только одну цель: сковать вас змеиной хваткой и задушить. Вот только танцы мне нравились и еще красивые сады, но они не стоят такой дорогой цены. Грязные компромиссы, притязания скучающих глупцов, которым нужна лишь твоя плоть... Их глаза еще омерзительнее изъеденных лиц прокаженных, которых я встречала на Востоке. Неужели для этого, Молин, я с таким трудом сохранила свою жизнь, неужели я благодарил провидение за то, чтобы вернуться к этому ничтожному времяпровождению?!

И, всматриваясь в ее лицо, еще очень бледное, не избавившееся от следов близкой смерти, будто серая вуаль скрывала ее красоту, Молин внезапно почувствовал, что он вынужден уступить этой женщине, ее смелости и духу. Ее взгляды противостояли его доводам; он понял, что никакого примирения не будет, и не сумел подавить тяжелого вздоха.

Они стояли на пороге катастрофы, которая грозила порушить все опоры, на которых базировалось благополучие. Молин думал не о своих сбережениях: его капитал был вложен так продуманно, что в любой ситуации остался бы невредим. Счастье Молина составляли мощь и богатство Плесси-Белльеров, процветание провинции, благополучие его единоверцев.

— Вы подумали о своих сыновьях? — спросил он.

Молодая женщина сжала губы и отвернулась к окну. Она как бы просила у леса поддержки и ответа на неразрешимые вопросы. Ее веки вздрагивали.

— Да, мои сыновья... Ради них я должна сдать королю. Ради их будущего...

Она бросила на него насмешливый, презрительный взгляд:

— Как странно, Молин: добродетель пользуется моими детьми, чтобы отправить меня в постель к королю!

Управляющий не сумел возразить ей.

— Бог свидетель, что я боролась за своих сыновей, когда они были беззащитными малышами, — продолжала она. — Но сегодня они уже не беспомощные. Средиземноморье отняло у меня Кантора, король и иезуиты забрали у меня Флоримона, которому уже двенадцать лет и которому по силам начинать самостоятельную жизнь. Наследие Плесси остается за

Шарлем-Энри, и никогда король не посмеет отнять у него замок.

— Вы снимаете с себя ответственность перед сыновьями, чтобы по своей прихоти свободно распоряжаться судьбой! — вскричал Молин.

— Чтобы быть свободной от рабства.

Он переменял тактику:

— Между тем, мадам, вы преувеличиваете жертвы, связанные с примирением. Королю нужно от вас лишь публичное покаяние, двор должен увидеть проявление вассальской покорности. Я думаю, что для женщины, а особенно такой умной, как вы, не составит труда отделаться внешними формами вежливости.

— Да что вы! — она покрылась мурашками при мысли о короле. — С ним такое не пройдет! Это невозможно. Уж заполучив меня, он во второй раз меня никуда не отпустит.

Анжелика представила себя идущей по галерее в черном платье под насмешливыми и недобрыми взглядами куртизанок и короля, спокойно ожидающего ее с видом унижающего величия. Коленопреклонение, словно прошение, стыдливый поцелуй... Разве сможет она остановить его, когда, оставшись один на один, он кинется на нее, словно на врага!

Она утратила уже понемногу непорочную гордость, которая так помогает противостоять самому хитроумному искушению.

Слишком много плотских радостей она познала, чтобы не разбираться во всем многообразии любовных нюансов, в скрытой гармонии влюбленных. Она знала о неуловимом согласии, о силе, толкающей женщину к покорившему ее мужчине.

Стыдливость не позволила ей произнести это перед Молином.

— Король далеко не глуп, — сказала она с беззаботным смехом. — Мне не удастся объяснить вам, Молин... Я не могу быть рядом с королем, иначе я уже была бы в Версале. Я не могу и не должна ехать к нему. Был человек, которого я любила, который избрал меня своей дамой сердца. Если бы я осталась с ним, моя жизнь не была бы перевернута, как теперь, мы жили бы счастливо бок о бок... Теперь я знаю, что самое страшное на свете. Жив он или мертв, но наши пути разошлись навсегда. У него были другие женщины, а у меня — другие мужчины, мы предали, таким образом, друг друга. Наша совместная жизнь только зародилась, когда король вмешался в нее. Это по его вине мы разошлись, и я не могу простить его. Я не могу позабыть... Я не должна — это было бы самым наибольшим предательством.

Она оживилась:

— Вы говорите, что заботитесь о моих интересах. А ведь мне придется

подставлять свой кубок во время обеда мадам Монтеспан, которая уже пыталась отравить и меня, и Флоримона.

— Теперь вы сильнее ее, мадам, у вас хватит ловкости противостоять ей. Говорят, что влияние ее значительно упало. Говорят также, что он пускается в долгие разговоры с мадам Скаррон, в прошлом она протестантка. Теперь ей нужно предстать в хорошем свете, и она всячески подстегивает короля на борьбу со своими недавними единоверцами.

— Мадам Скаррон? — изумилась Анжелика. — Но ведь она гувернантка его детей!

— Да... Но королю это не мешает заниматься ею.

Анжелика пожала плечами. Бедная Франсуаза происходила из знатной семьи Обине. Анжелика вспомнила, что все мужчины, тщетно пытавшиеся, пользуясь ее бедностью, устраивать свои дела с помощью ее связей, называли Франсуазу с чувством и восхищения, и злобы «прелестной индианкой».

— Я рассказал вам о мадам Скаррон, чтобы вы поняли, что вам не следует больше опасаться мадам де Монтеспан. Мы наступали, когда ее власть была в зените.

— Я не собираюсь погружаться в прежнюю борьбу с придворными фаворитками. Я предпочитаю другую борьбу, — глаза ее внезапно заискрились. — И если уж придется драться, то пусть все происходит на моей земле. Это единственное место, где я твердо стою на ногах. Мне казалось всегда — даже в тот день, когда граф де Пейрак увозил меня отсюда на юг, мне было тогда семнадцать лет — мне казалось, что есть какое-то предначертание свыше, обязывающее меня, пройдя через невзгоды, всегда возвращаться в Пуату.

Она внезапно замолчала и смутилась. Собственные слова взволновала ее, и она покинула Молина, медленно поднялась по винтовой лестнице на башенку, откуда можно было обозревать окрестности до горизонта.

Нет, она не будет сегодня спускаться даже в собственный сад, чтобы не вызывать подозрений. Придет день, и она легко проберется в лес, а ее ленивый страж с огненными усами ни о чем и не узнает, будет продолжать спать, убежденный, что узница не может от него сбежать.

Но, прежде чем идти на прорыв, одевшись в зеленые одежды, чтобы обмануть глаза охотников, ей предстоит тщательно взвесить свои возможности.

Выходило так, что заполучить свободу здесь, на родине, еще труднее, чем бежать из гарема Мулая Исмаэля. Тогда ей помогало, что она женщина. Кроме того, достаточно было скользнуть в тень и довериться

ночи, тишине, перенять повадки слабых животных — мастеров прятаться. Здесь эти хитрости не действовали, их было мало.

Ей пришлось признать, что среди людей равного ей общественного ранга друзей она не найдет. Как сумел этот молодой король сплотить вокруг себя весь цвет дворянства! Нет ни одного сильного и смелого дворянина, который не преклонялся бы перед ним. Она машинально стала перечислять их имена: Бриенн, Кавуа, Лувуа, Сент-Энян... Лозун был в тюрьме. И будет оставаться там еще много лет, выйдет глубоким стариком, ему будет уже не до борьбы.

Заостренная башенная крыша посверкивала на солнце металлом. Ветер доносил с болот влажный воздух, и флюгер указывал его путь. В чистом небе распластал крылья сокол.

Зачем судьба вернула ее в фамильные владения, к деревьям и воде, которым принадлежала ее душа? Может быть, для того, чтобы попытаться в последний раз преподать ей урок, который она так упорно не хотела УСВОИТЬ?

Какую правду она должна была узнать после рождения на этом Удаленном от цивилизации зеленом острове?

Когда Анжелика была ребенком, она была уверена, что всякий человек не из этих мест — иностранец, почти враг. Она испытывала к ним подозрительность. Она не доверяла их мыслям и поступкам, ей казалось, что они покушаются на устоявшиеся порядки, хотят нарушить мирную жизнь.

Сегодня ее наполняли прежние чувства. Нет, край не выдаст ее. Леса, простирающиеся до горизонта, не пропустят солдат короля, посланных за ней. Охраняющие ее солдаты, которые от скуки потрошили табачные кусты, были одинокой, беззащитной горсткой, отрезанной от своих. Как только по Пуату раздастся сигнал о восстании, они будут легко смяты, точно так же, как и их товарищи, охотившиеся в лесах за протестантами. Их уже находили заколотыми в лесных ямах, а женщины деревень Морвей и Мелль, когда их пытались силой тащить в церковь, встречали солдат пеплом и пылью.

Герцог Самюэль де ля Мориньер со своими братьями Уге и Ланселотом — знатные гугеноты — уже объявили войну солдатам. Они убили лейтенанта драгун, стремившегося занять их жилье, и укрылись в одном из гротов.

Вечером, в сумерки, издали доносился звук рога. Он извещал об окончании охоты. Это обменивались сигналами спрятавшиеся гугеноты и их единоверцы, оставшиеся в деревнях. Один из них, барон Исаак де

Рамбург, жил в старом, обветшалом замке недалеко от Плесси, его башня выступала над листвой и чернела на фоне красного заката. Далекая труба отвечала на его сигналы, и слышно было, как внизу ругался бессильный Монтадур. С тех пор как руководитель еретиков обосновался в лесу, случаев обращения в католичество стало намного меньше. Несмотря на то, что многие храмы были закрыты и опечатаны, а многие протестанты вели себя днем добропорядочно в глазах властей, ночью они уходили в леса на потайные службы.

Чтобы поймать этих людей на месте преступления, нужно было отправлять солдат ночью в лес. Но солдаты боялись его, и было бесполезно брать кого-либо с собой проводником.

Глава 6

Анжелика бежала под кронами деревьев. Она сняла туфли и ступала по мягкому мху. Потом она остановилась и прислушалась, очарованная и внимательная одновременно. Она убедилась, что не сбилась с пути, и побежала дальше. Пьянящая свобода! Она засмеялась во весь голос. Оказалось, что так просто спуститься в погреб и отыскать среди бочек небольшой лаз, ведущий в подземный ход, который должен иметь в своей крепости каждый сеньор.

Это не был тот удивительный подземный коридор, идущий из ее дома в Париже, который, начинаясь в колодце, выходил к сводчатым сточным каналам и мог вывести далеко за город. Нет, здесь была простая подземная труба.

Выбравшись в кустарнике у леса, она оглянулась на замок и заметила на фоне его светлых стен красные мундиры солдат, совершающих обход. Затем она пустилась в путь, осторожно раздвигая перед собой переплетенные ветви зарослей.

Сердцебиение Анжелики улеглось. Вдохновленная первым успехом, она перестала волноваться и побежала легко и весело. К ней вернулись ее силы. По сравнению с каменистыми дорогами Марокко, которые она преодолела, эти лесные тропинки, ведущие к ручейкам, заваленным почерневшими старыми листьями, казались мягкими и дружелюбными.

Анжелика остановилась во второй раз. Она натолкнулась на знакомый ей заколдованный камень, на который падал свет сквозь густые ветви дубов. Этот камень напоминал стол, покоящийся на четырех камнях поменьше.

Эта часть леса с заколдованным камнем, Волчьим ущельем, перекрестком Трех Сов, где зажигался факел умерших, была ареной ее детски А игр. Прислушавшись, она различила вдали принесенные ветром глухие удары дровосеков из деревушки Жербье, которые уходят на лето в леса и живут там среди деревьев.

Она выбрала направление от Монтелупа. Тропинки, ведущие в Плесси, были ей меньше знакомы, хотя она часто пробиралась и туда, чтобы издали полюбоваться на белый замок и пруд.

Отдохнув, она осторожными шагами начала спускаться по ступенькам, выточенным в скале, покрытым теперь глиной и перегноем. Визит, который ей предстояло нанести, настроил ее на торжественный лад,

Всякий раз, когда ей приходилось идти этой дорожкой, ее охватывала непреодолимая робость, так мало присущая ее смелому характеру. Только здесь, в лесу, Анжелика позволяла себе проявлять замкнутость и послушание.

Она вынуждена была теперь цепляться за стволы, настолько спуск сделался крутым. Волосы падали ей на глаза, и она терпеливо отбрасывала их. Различив впереди широкий солнечный просвет, она воспряла духом и стала спускаться, нащупывая подо мхом твердую почву для опоры, пока не выбралась на узкую площадку, возвышавшуюся прямо над рекой, журчание которой она уловила раньше.

Все так же осторожно она наклонилась и отодвинула рукой завесу плюща, открыв вход в пещеру. Она не могла вспомнить, какие слова служили здесь паролем, напрасно напрягала память. Изнутри послышалось шуршание. Крадущиеся таги, сухая рука скользнула вдоль перегородки, и Анжелика увидела лицо очень старой женщины.

Ее часто моргающие глаза изучали Анжелику.

Анжелика произнесла по-пуатински:

— Это ты, колдунья Мелузина?

— Да, я. Что тебе нужно, девушка?

Она протянула старухе сумку, в которой лежали нюхательный табак, кусок ветчины, немного соли, сахара, топленого сала, а также кошелек с золотыми монетами.

Старуха внимательно перебирала подарки. Затем, повернувшись скрюченной спиной, на которой сидела чахлая кошка, она пошла внутрь пещеры. Там оказалась круглая комната, пол которой был посыпан песком вместо ковра, едва освещенная светом, проникающим через удаленное отверстие в своде. В это отверстие уплывал дым от маленького очага, над которым висел чугунный котел.

Молодая женщина села на плоский камень и стала ждать. На том же самом месте, где сидела во время предыдущих посещений пещеры. Только раньше здесь жила другая колдунья Мелузина. Та была гораздо Старше, вся почерневшая от времени. Ее повесили на дубе крестьяне, обвинив в том, что она наслала порчу на их детей. Когда же они узнали, что в пещере поселилась новая старуха, они по привычке стали называть ее тем же именем — Мелузина.

— Что ты ждешь от меня, дочь моя? — спросила наконец старуха надтреснутым, но важным голосом. — Я могу предсказать твою судьбу или помочь покорить твоего любимого. Хочешь, я приготовлю снадобье, которое восстановит твои силы после долгого путешествия?

— Откуда ты знаешь о моем путешествии? — быстро проговорила Анжелика.

— Я вижу вокруг тебя необъятные просторы и палящее солнце. Дай мне свою руку, и я узнаю твое будущее.

Но молодая женщина отказалась.

— Ты можешь оказать мне менее сложную услугу. Ты знаешь обо всем, что происходит в лесу. Ты можешь показать мне место, где спрячутся люди, которые объединяются иногда с крестьянами, ушедшими с хуторов, чтобы вместе молиться и распевать свои гимны? Над ними нависла опасность. Я хочу предупредить их, но не знаю, где их искать.

Колдунья встрепенулась. Она привстала со своего места и стала размахивать скрюченными руками.

— Зачем тебе выручать этих сыновей тьмы — тебе, дочери света? Пусть их накажет рок.

— Значит, ты знаешь, где они спрячутся?

— Еще бы мне не знать! Могла ли я их не заметить, если они ломают ветки деревьев, топчут травы? Если это продолжится, мне не из чего будет делать смеси для лечебных микстур. Их становится все больше и больше, они пробираются бесшумно, как волки, а когда собираются вместе, начинают хором петь. Животные разбегаются, птицы замолкают, камни дрожат от их пения, и я сама вынуждена уходить подальше. Зачем, скажи, эти люди наполняют лес?

— Они ищут защиты у леса. Солдаты короля за ними охотятся.

— У них три предводителя. Три охотника. Самый старший — весь черный и твердый, как железо, — верховодит надо всеми. Он говорит мало, но уж когда скажет, то словно пронзает горло кинжалом. Говорит он всегда об одном и том же: о крови и о Всевышнем.

Послушай...

Она придвинулась так близко, что Анжелика почувствовала ее дыхание на своем лице.

— Послушай, крошка. Однажды вечером за деревьями я наткнулась на этих людей и решила послушать, о чем они говорят. Их главарь стоял в центре, под дубом, и говорил. Вдруг он посмотрел в мою сторону. Не знаю, заметил ли он меня. Но я видела, что в его глазах был огонь, потому что сейчас же зажглись мои собственные глаза, и я должна была убежать — я, которая не отводит взгляда перед волком и кабаном... Вот до чего он силен. Вот почему другие приходят на его голос и готовы ему покориться.

— Это герцог Мориньер, — сказала Анжелика с улыбкой, — знатный протестантский сеньор.

Эти слова ничего не значили для Мелузины. Он был для нее дикий медведь. Но мало-помалу она повеселела, и улыбка обнажила ее беззубые десны. Оставшиеся зубы были крупными и твердыми, будто она ухаживала за ними.

— Почему бы не отвести тебя к нему? — спросила она вдруг. — Он не заставит тебя опустить глаз. Ведь ты такая красавица, а он...

Анжелика не считала опасным для себя знакомство с суровым герцогом, которого еще называли Патриархом. Но в любом случае следует действовать быстро.

— Что ж, пойдём, — пробормотала Мелузина, — я тебя отведу, крошка. Твоя судьба такая ужасная, жестокая и все равно такая прекрасная! Дай-ка свою руку.

Что она прочла по руке?

Она отпустила руку со странным выражением лица, ее старые глаза засветились лукавством.

— Ты пришла ко мне, принесла соль, табак. Ты моя сестра, моя дочь. Ах! Какими возможностями ты обладаешь!

Прежняя колдунья предсказала Анжелике будущее, когда та была еще девочкой. Она помнила страх и любопытство, которые испытывала тогда, слушая волшебные слова, ее переполняла наивная гордость за те достоинства, которые открыла в ней прорицательница. Ей было обещано, что настанет час и она приобретет самое желанное: счастье, красоту, богатство...

— Скажи мне... Скажи мне вот что, Мелузина, одержу ли я верх над королем? И еще скажи, вернется ли когда-нибудь ко мне моя любовь?

Но на этот раз уже колдунья отказалась от ответа.

— Разве я могу рассказать тебе больше, чем ты сама сможешь почувствовать своим сердцем?

— Что ж, ты не осмеливаешься поведать мне о поражении, чтобы не лишать меня веры...

— Пойдем, пойдём, девушка. Должно быть, страшный бородач уже ждет тебя, — усмехнулась она.

Прежде чем покинуть грот, старуха протянула Анжелике мешочек с сушеными травами:

— Возьми эти снадобья. Ты будешь заваривать их каждый вечер и оставлять на окне под луной, чтобы выпить на рассвете. К тебе вернутся утраченные силы, твоя плоть снова нальется, и груди поднимутся, словно наполненные молоком. Но их наполнит не молоко, а кровь молодости...

Они шли друг за другом через лес, пока не достигли глубокого оврага.

Колдунье не нужна была тропинка, она выбирала дорогу по известным одной ей приметам.

Анжелика вспомнила о своем стороже Монтадуре. Заметил ли он уже ее отсутствие? Это было маловероятно. Он считал достаточным видеть ее один раз в день я приходил навещать по утрам, так велели ему Мариллак с Солиньяком. Впрочем, капитан не отказался бы видеть ее почаще. Его останавливал ледяной взгляд хозяйки замка, когда он с ней заговаривал. Обычно разговор ограничивался тяжеловесным приветствием толстяка, который сообщал затем, что с утра намерен отправиться на поиски еретиков, что составляло его вторую обязанность. В полдень он взбирался на своего крепкого, в яблоках скакуна и уводил с собой группу драгун, чтобы присутствовать при обращении крестьян в новую веру. Иногда он приводил в замок упрямец-гугенота я занимался им лично, и тогда по замку разносились удары бича и раскатистый крик: «Отрекись! Отрекись!»

Напрасно он надеялся, что ревностное служение Богу и королю возвысит его в глазах маркизы дю Плесси. Он глубоко ошибался. Ее ужасала его жестокость. И напрасно он пытался заинтересовать ее своими рассказами о расправах.

Но когда утром она услышала о некоем пасторе, приехавшем из Женевы, о котором предупредили Монтадура его шпионы и которого он собирался схватить тем же вечером в замке Грандье у хозяев-гугенотов, она насторожилась. — Пастор из Женевы, вы сказали? Что же ему нужно?

— Чтобы подбить этих безбожников к восстанию. К счастью, меня вовремя предупредили. Сейчас он находится в лесу в гостях у Мориньера, но вечером отправится в Грандье, тут-то я его и подстерегу, сможет быть, и самого герцога впридачу! Поверьте мне, мадам, к следующему году в Пуату не останется ни одного протестанта! Она позвала ля Виолетта, старого слугу Филиппа. — Ведь ты протестант, ля Виолетт, ты должен знать, где прячутся Мориньер и его братья. Надо предупредить их, иначе они попадут засаду.

Слуга ничего не знал. Он признался после колебания, что имел однажды послание от герцога, которое принес сокол. Он отправил мятежникам некоторые сведения о действиях солдат. Кроме этого, ему нечего больше рассказать.

Монтадур также не обмолвился больше ни словом о плане операции, несмотря на свою болтливость. Он был не таким простаком, как казался.

— Солдаты ничего не знают о пасторе, — сообщил ей вскоре ля Виолетт, — я пробовал заговорить с каждым.

Она отправила слугу в Грандье, но там ничего не знали о месте

встречи Мориньера и пастора. Места собраний часто менялись. Сам господин де Грандье отправился в лес, но его перехватили драгуны, следившие за его жилищем.

Вот когда Анжелика вспомнила о Мелузине.

Колдунья остановилась и подняла свой костлявый указательный палец.

От возвышения до них доносился сквозь листву шум, напоминавший завывание ветра. По мере того, как они приблизились, он обрел тусклую мелодию: пели псалмы.

Протестанты собрались на берегу речушки Венды рядом с ущельем, которое называлось Великаньим Горлом. Его, по преданию, сотворил одним ударом плеча Гаргантюа и сам пропал в трещине.

К огню вышел человек, и Анжелика сразу узнала его. Это был герцог Самюэль. Он издавна был в натянутых отношениях с королем, еще с тех пор, как он появился в Версале с намерением участвовать в придворных интригах. Немилость короля вернула его в вотчину.

Его огромные сапоги, камзол из черного сукна, стянутый широким ремнем и портупеей, пышная старомодная шляпа, украшенная перьями, производили сильное впечатление на гугенотов провинции, они делали его похожим то ли на Кальвина, то ли на Лютера. Огромный рост Мориньера вызывал трепет. По своему виду это был человек из стародавних суровых и безжалостных времен, это был грубый феодал, враг всего изящного и изысканного. Когда голос его вознесся над рекой, эхо подхватило его, сделав тверже, тяжелее, — и Анжелика почувствовала, что тело ее цепенеет.

— Братья! Придет однажды тот день, когда после годов молчания нам придется поднять головы и понять, что служение Господу требует от нас решительных действий...

Голос его звенел. Анжелику охватил озноб. Она хотела посмотреть, как чувствует себя колдунья, но увидела, что та пропала.

Над вершинами деревьев, где пряталась Анжелика, небо еще оставалось светлым, но в ущелье Великанье Горло уже царили мрак и атмосфера ненависти.

Чей-то голос крикнул:

— Что сможем мы сделать против солдат короля?

— Король слишком далеко отсюда, что сможет он сделать с провинцией, занявшей оборону?

— Нас предадут католики!

— Католики, как и мы, боятся драгун. Их так же душат налогами. А

кроме того, их гораздо меньше здесь, чем нас. В наших руках самые богатые земли...

Совсем рядом раздалось завывание совы.

Анжелика вскочила на ноги. Над Великаньим Горлом сейчас же повисла тишина. Она увидела, что взгляд герцога направлен в ее сторону. Из глаз его будто исходило пламя, они поблескивали красным из-под черных век.

Вой совы снова разнесся над рекой, бархатистый и грустный. Сигнал тревоги? Предупреждение об опасности, нависшей над сборищем? Анжелика закусила губу. «Надо решаться, — сказала она сама себе. — Моя последняя карта!»

Она пошла вперед, раздвигая руками ветви с шипами, чтобы спуститься к месту, где притаились гугеноты. За эти последние метры, отделяющие ее от женевского пастора, она окончательно поняла, что дороги назад у нее уже не будет.

Самюэль де ля Мориньер, по прозвищу Патриарх, был единственным, кто способен восстать против короля.

Он был вдовец и отец трех дочерей, которых очень любил. Он жил в семейных владениях со своими братьями Уге и Ланселотом, женатыми и имевшими много детей. Весь клан вел старомодный образ жизни под предводительством старшего брата. Мужчины в основном молились и охотились. Религиозные праздники отмечались пышно и торжественно. Женщины там говорили приглушенными голосами и никогда не улыбались. За детьми следили многочисленные наставники, которые с ранних лет обременяли их изучением латыни, греческого и Священного писания. Мальчиков учили владению шпагой и кинжалом.

С первой встречи герцог проникся доверием к Анжелике. Эта женщина, вышедшая к ним из сумерек, с золотыми волосами под пастушеским капюшоном, с босыми ногами, но изысканным языком светской дамы, высказавшая столько презрения к монарху, жаждущая активных действий, должна была сделаться его верной союзницей.

Глава 7

В юности Анжелика и ее сестры посмеивались над долговязым парнем с выступающим кадыком, которого встречали на деревенских сборищах или на городских ярмарках. С годами барон де Рамбург отрастил длинные унылые усы, завел перманентно беременную жену и выводок бледных ребятишек. В противовес большинству своих единоверцев, он был очень бедный. Люди говорили, что на его семью издавна было наложено проклятие за то, что один из рыцарей его семьи пытался поцеловать спящую красавицу в замке на берегу Севра. Исаак жил в башне, овитой плющом, и единственным своим делом считал гудение в рог. Весь край приглашал его на охоты, потому что его рог мог передавать самые разнообразные звуки и своим звучанием потрясал охотников.

Но в последний год охоты стали редкими. Протестантские и католические господа жили каждый в своем углу, ожидая окончания нашествия солдат. И тогда барон Рамбург стал служить герцогу Мориньеру, отказать которому никто не отваживался.

...Мориньер шел к ней через поляну в развевающемся на ветру черном плаще. Его черная фигура на фоне голубого неба производила еще более разящее впечатление, чем в сумерках ущелья. Его сопровождали братья.

Место встречи было назначено на вершине возвышенности. На этом неприступном месте, поросшем дроком, располагался когда-то римский лагерь с небольшим развалившимся храмом Венеры. Римляне как бы противопоставили богиню воинственным богам диких галлов, которые таились в окружающих лагерь лесах. О тех временах свидетельствовал теперь лишь сохранившийся портик с двумя колоннами, покрытый вырезанными латинскими письменами.

Герцог сел перед ней на квадратный каменный блок. Братья остались стоять по обе стороны от него. Римский лагерь был одним из мест их встреч. С этого места обзревалась вся округа, и никто не мог неожиданно напасть на собравшихся.

Герцог поблагодарил ее еще раз за то, что она помогла уберечь женевского пастора. Ее жест доказывает, сказал он, что иная вера не может быть преградой там, где союзников объединяют гаев перед несправедливостью и стремление свергнуть власть тирана. Он знает, что она много вытерпела от короля.

Трудно было уходить от вопросов герцога де ля Мориньера. Его глаза,

глубоко сидящие, грозно глядели из-под густых черных бровей. Зрачки — как две золотистые точки. Их отсвет держал в напряжении и быстро утомлял. Анжелика отвела свой взгляд и вспомнила о Мелузине, которая боялась этих глаз.

Для сегодняшней встречи она надела платье, достойное своего положения. Платье из темного, но дорогого сатина, которое с большим трудом удалось сохранить непомятым после подземного хода и лесных троп. Слуга ля Виолетт сопровождал ее, держа в руках плащ госпожи. Анжелике хотелось придать встрече оттенок торжественности, чтобы она могла говорить с герцогом на равных.

Она сидела непринужденно под римским портиком, ее ноги были обуты в туфли красной кожи, которых касалась фиолетовая юбка, и ее волосы, тщательно причесанные, слегка колыхались на ветру. Она внимательно приел ушивалась к тяжелому голосу герцога и чувствовала себя ослабевшей и взволнованной.

— Что вы хотите от меня, господин де Мориньер?

— Я хочу, чтобы мы сохраняли наш союз и впредь. Вы — католичка, я — реформист, но мы можем действовать сообща. Монтадур сидит сейчас в вашем замке. Следите за ним и сообщайте нам о своих наблюдениях. Кроме того, ваши крестьяне-католики...

Он наклонился к ней, чтобы слова звучали весомее.

— Дайте им понять, что им выгоднее сейчас быть на нашей стороне, ведь они такие же жители Пуату. У нас общий враг — король и его солдаты, которые сжигают наш урожай. Напомните им о сборщиках налогов, об обмерах пашни. Не лучше ли жить под общим господином, как раньше, чем трудиться на далекого короля, который отплатит им войной?

Его руки в кожаных толстых перчатках, которые не дают царапать кожу когтям сокола, опирались о массивные колени. Сидя в отдаленных лесах, подбивая крестьян к восстанию, он напоминал ей великана, связанного по рукам, который делает отчаянные попытки освободиться. И вместе с ним агонизировал его народ, крестьяне, пытавшиеся защититься от смертельной петли, которую набросил двор. Все богатства, порожденные землей Пуату, поглощались ненасытным Версалем, который погряз в удовольствиях и бесперывных войнах за Лотарингию и Пикардию. И вот разруха и голод вползали, как змеи, в провинцию, распространяемые королевской армией, посланной, как утверждалось, восстановить справедливость. Их жертвами становились те, кто выращивал пшеницу, косил траву, — крестьяне и католики, и гугеноты.

Она знала обо всем этом, но слушала молча. Прядь волос вырвалась из

прически и трепетала под дуновениями. Ля Виолетт подошел к Анжелике и протянул плащ. Она тщательно закуталась в него. Внезапно она стиснула под плащом руки и подняла на Мориньера злые глаза.

— Хорошо, я помогу вам, — вскричала она. — Но в таком случае я жду от вас, что ваши действия станут решительнее и беспощаднее. Чего добиваетесь вы вашими молитвами, сидя по оврагам? Вам пора захватывать города, перекрывать дороги, превращать провинции в неприступную крепость и готовиться к дальнейшим походам. За вами должны пойти соседние провинция. Король должен увидеть в вас другого короля, он должен принимать ваши условия...

Герцог де ля Мориньер поразился ее речи. Его лицо потемнело, глаза вспламенились. Женщины никогда не разговаривали с ним таким тоном. Ему вдруг пришло в голову, что он сможет хорошо использовать силу этой решительной женщины, которую до того он не принимал всерьез, как и других женщин. Но он хорошо помнил слова одного из своих дядьев, служивших у Ришелье, который широко использовал прекрасный пол для шпионажа и интриг. Женщина обладает двойной силой по сравнению с мужчиной, когда речь идет о защите своего гнезда. «Нет ничего опаснее женского коварства», — так говорил Ришелье.

Он с усилием выдохнул воздух.

— Вы говорите справедливые вещи, мадам. Да, у нас впереди большие и трудные свершения. Но надо подождать. Придет день, когда мы выступим, а вам обещаю!

Глава 8

Восстание набирало силу. Ненависть к драгунам переполнила чашу терпения крестьян. По всему краю на них стали совершаться нападения. Началось с того, что у перекрестка Трех Сов были повешены четверо солдат, на груди которых прикрепили таблички с надписями: «За пожары», «За разбой», «За голод». Их товарищи не осмелились подойти и снять тела, они боялись чащи, в которой прятались вооруженные протестанты. Тела висели, покачиваясь, как призраки, напоминая всем проходящим мимо об угрозе, нависшей над провинцией.

Монтадур, вне себя от ярости, жаждал нанести решающий удар. «Он нашел протестанта, согласившегося провести его к лагерю Мориньера. Он взял самых смелых солдат и углубился с ними в лес. После многочасового перехода в полнейшем мраке и тишине они утратили наступательный порыв и остановились. Рядом раздался совиный крик.

— Это сигнал, капитан. Они здесь, за деревьями. Они готовы напасть на нас.

Потеряв порядок, драгуны двинулись назад, разыскивая просвет. Едва успев до сумерек выбраться из леса к полям, они находились в таком ужасе, что многие из них пали на колени и стали благодарить Бога за спасение. Начальник гугенотов был кем-то предупрежден.

Монтадuru не приходила в голову мысль о связи ряда его неудачных начинаний с той любезностью, которой неожиданно стала встречать его маркиза. Она держала себя теперь так мило, что он осмелился пригласить ее к «своему» столу. Он решил, что дама скучает без общества, и снова пошел в наступление. Все-таки такая роскошная женщина — не пара простому драгуну, поэтому надо изрядно потрудиться, чтобы овладеть ею. Монтадuru стало доставлять удовольствие постепенное завоевание, он даже почувствовал себя молодым поэтом. Он написал Мариллаку письмо, в котором просил подкрепления. Невозможно одновременно обеспечивать охрану большого замка и воевать. Ему послали отряд, который должен был разместиться недалеко отсюда, в местечке Сент-Мексен. Лейтенант Роне, командовавший им, прислал вскоре сообщение, что не может попасть в указанное место, так как вооруженные гугеноты захватили укрепление, прикрывающее дорогу и реку.

— Вы уже покидаете меня, капитан? — спросила Анжелика ласковым голосом.

Она сидела напротив него. Ей только что принесли корзину с первыми вишнями, и она их с аппетитом ела. Губы ее были покрыты вишневым соком, и белые зубы поблескивали.

Монтадур решил, что Роне разберется сам, что ему следует передвигаться немного выше бастиона — к Портэнею. Бандиты до того обнаглели, что уже рассыпали гвозди под копыта его лошадям. Крестьяне все одинаковы, будь они католики или гугеноты. У всех у них спрятаны в погребах горшки, полные золотых экю, и все они боятся извечных своих трех врагов: волка, солдата и сборщика налогов.

Уже бывали случаи, когда пожар, устроенный в хозяйстве протестантов, перекидывался на поля и дома католиков... Солдат возненавидели все. Уже никого не волновали противоречия религий. Эти непокорные пуатинцы, с арабскими глазами, с кулаками за пазухой!..

— Отправьте ко мне самых зlostных, я сама займусь ими, — сказала Анжелика.

В замок стали попадать пленные. Господин де Круассек, еще больше растолстевший, влюбленный в нее многие годы, беспрекословно выполнял все ее поручения. Супруги Фейморон, Мермено, Мент-Обен, Мазьер...

Монтадур был в восторге от этих посещений. Он докладывал Мариллаку, что вместе с мадам дю Плесси они на вербовали целую армию шпионов.

Он находил, что сближение их протекает успешно, и прилагал к этому все больше усилий. Анжелика, переменявшая скромный туалет на нарядные платья, снова почувствовала себя хозяйкой в своем замке.

Была ли она обязана порозовевшим лицом и посвежевшими волосами тому волшебному снадобью, которое подарила ей колдунья? Она чувствовала опьянение, которое охватывает того, кто начинает трудное, но желанное дело. Но она продолжала держаться настороже. Каждую минуту обстановка могла измениться.

Лето было в разгаре. Пришло время сенокоса. Но работы часто прерывались. Драгуны разгоняли женщин, тащили их к мессе, и, если те отказывались идти, жгли им пятки каленым железом... Но теперь крестьяне встречали их цепями.

Волнение в провинции усиливалось.

Глава 9

Мориньер обменивался сообщениями с Анжеликой с помощью сокола, которого принимал на крыше ля Виолетт.

Птица принесла письмо. Герцог обычно назначал, встречи ночью у римского лагеря, или у Лугового Камня, возле святого креста, или в гроте, в Светлице Умерших.

Анжелика пошла одна. Она не испытывала страха во время этих ночных прогулок, они доставляли ей удовольствие. Узнал бы Монтадур свою элегантную пленницу в этой скромной женщине в крестьянской юбке, которая выскользнула из подземного хода в лунном свете?

Никогда не испытывала она страха при мысли встретить хищное животное. Лес был ей ближе, чем общество людей. Лес будто возвращал ей невинность, которую она ощутила еще в пустыне.

Когда она приблизилась к месту встречи, радость покинула ее. Она ждала герцога с ощущением тревоги. Шаги его людей она различила издали, их доносила шуршащая листва: Затем между деревьями показались огни факелов.

Раньше Мориньера сопровождали братья. Позже он стал приходить один, и это беспокоило ее. Когда он приходил один, то уже не брал с собой факела. Казалось, что он видит в темноте и угадывает все лесные тропинки. И, когда он появлялся, ломая сухие ветви огромными сапогами, освещенный яркой луной, она не могла сдержать дрожи. Голос Патриарха был резким и низким, почти загробным, а его горящие глаза, казалось, проникали в душу. Она читала в них высокомерное презрение. Даже Мулай Исмаэль казался ей более попятным, хотя это был зверь, но она как женщина его не боялась.

Мулай Исмаэль любил женщин, ему нравилось приручать их.

Он был чувствителен к их красоте, слезам, хитростям и обольщениям. Маленькая, но ловкая рука могла управлять этим властителем пустыни...

Герцог де ля Мориньер делил женщин на две категории: грешных и добродетельных. Он был знаменит своим презрением к версальским красоткам и никогда не замечал того, что его собственная жена была некрасива. Овдовев, он так и не женился снова. Его строгая жизнь — охоты, покаяния — помогала ему сдерживать порывы плоти. Он презирал женщин, эти порочные существа.

Анжелика чувствовала неприязнь Мориньера. Однако ей была

необходима сейчас его сила, чтобы противостоять королю. Этот человек пойдет до конца.

Они уже столкнулись однажды ночью, когда двигались по гребню скалы, чтобы обогнуть болото. Анжелика вела герцога к пастору, приехавшему из Ниорта. Лес был хорошо освещен луной, и они скоро увидели над кронами поблескивающие аметистом крыши колоколен монастыря. Представший перед ними монастырь, его изящные постройки были точно вычеканены по серебру. Это было Ниельское аббатство.

Анжелика затаила дыхание от восхищения. Снова довелось ей попасть в этот затаенный монастырь с его добрыми монахами. Она была здесь еще ребенком, ее привел монах брат Жан, чтобы очистить от вредного влияния монаха Томаса. Он отвел ее в свою келью, где она почувствовала себя в безопасности. Он смотрел на нее с нежностью и говорил: «Вас зовут Анжелика... Анжелика, дочь ангелов!..» Он показал ей на своем теле шрамы: «Посмотрите, что сделал со мной сатана!»

Чары той волшебной ночи вновь завладели ее сердцем.

Вдруг раздался полный ненависти голос Мориньера:

— Будь проклято это место с его греховодниками и идолопоклонниками! Придет день, когда гнев, идущий с небес, порушит эти стены и не оставит камня на камне...

Анжелика обернулась к нему в гневе:

— Замолчи, еретик! Еретик!.. О! Как я ненавижу вашу отвратительную секту!

Эхо разнесло ее крик над лесом, и она вдруг остановилась и замерла, скованная гневом и одновременно страхом.

Герцог приблизился к ней. Она слышала его тяжелое дыхание. Он опустил свою пудовую кисть ей на плечо и сжал его, будто тисками. Он навис над нею, из-за темноты она не могла различить его лица, ей оставалось неподвижно стоять перед ним, вдыхая запах войны и охоты, исходящий от этого мужчины.

— Что вы сказали? — выдохнул он. — Вы ненавидите? Ну и что же! Все равно вы будете нам помогать.

— Я никогда не предавала никого! — ответила она, сдерживая слезы, но с достоинством.

Ноги не держали ее. Она боялась, что потеряет сознание, боялась сказать лишнее слово. Она была в тисках рук, готовых ее убить.

— Отпустите меня, — сказала она слабым голосом. Тиски разжались, он медленно снял руку с ее плеча.

Она пошла вперед. Ее сердце стучало, ей было страшно. Она боялась

его самого и боялась своего желания ускользнуть от него в глухую темноту леса.

На рассвете, когда небо над деревьями посветлело, они достигли лагеря угольщиков. Анжелика замерзла, она куталась в свою накидку.

— Эй! Деревенщина! — крикнул герцог. — Готовьте угощение! Несите сюда хлеб, сыр!

В одной из почерневших комнат они сидели на расшатанных скамьях за столом, на который женщина поставила кувшин с молоком. Потом она принесла блюдо горячей фасоли с салом и луком. Дети, вымазанные углем так, что видны были одни глаза, с изумлением смотрели на двух непривычных гостей, которые ели в полном молчании. Мужчина с черной бородой и женщина с золотистыми волосами, возникшие из предрассветного тумана, как призраки.

Анжелика украдкой бросала на герцога внимательные взгляды. Он напоминал ей осанкой Колина Патуреля, поэтому внешне он был светлым образом, образом утерянного рая. И этот же человек казался ей злой силой тьмы.

Когда она вернулась в Плесси, служанка доложила ей:

— Монтадур стоял под дверью вашей комнаты. Он скребся, стучал, звал... Но вы не ответили ему.

На следующую ночь он опять пришел. Он позвал:

— Маркиза! Маркиза!

Его руки шарили по закрытой двери, она слушала постукивание пуговиц мундира на его толстом животе.

Она прислушивалась, приподнявшись на локте. Она ничуть не боялась, что он проявит агрессивность. А его испугало странное молчание за этой дверью, он вспомнил истории о перевоплощении, которые рассказывали о хозяйке замка: будто по ночам она становится ланью и убегает в лес...

Яблоки наливались спелостью. Пришло время, когда братья Мориньер разъехались по провинции. После этого от Тифожа до Монконтур волнения крестьян приняли неслыханные размеры.

«Оставайтесь там, где вас оставили, — писал Монтадuru Мариллак. — Район, в котором вы находитесь, является очагом неповиновения. Постарайтесь захватить главаря этой банды».

Он добавил в постскрипуме: «Следите за той, которую вы сторожите. Я считаю, что она причастна к этому».

Сам губернатор находился во главе своих частей на севере Пуату. Четыре протестантских села, жители которых, обремененные постоем

солдат, оказали сопротивление, были сожжены, мятежники повешены. Бежавшие пополнили войско Мориньера. Они забрали с собой женщин и детей, после того как властями был провозглашен эдикт: «Женщинам-гугеноткам сел Науретер, Пьерефит, Кинже, Арбак запрещается оказывать помощь, давать пристанище, продукты...»

После этого отряды губернатора углубились в провинцию. Стало известно, что братья Мориньер собрали значительные силы, поэтому губернатор вызвал к себе милицию из Брессюира. Этот город, более чем наполовину состоящий из протестантов, поставил ему ничтожное количество солдат. Тотчас же Мариллак узнал, что горстка повстанцев Мориньера была направлена в город, отбросила защитников и носилась по улицам с криками: «Город взят! Город взят!» После чего опустошила оружейные магазины.

Мариллак пренебрег возможностью отбить город. Он не хотел признаваться себе, что вооруженные столкновения уже приняла характер религиозной войны. Он отправился в Плесси, чтобы обсудить все с Монтадуром.

С лесистого хребта Ниеля повстанцы наблюдали, как по старой римской дороге серой змеей двигается колонна войск, ощетинившихся пиками. Всего один день армия оставалась в Плесси. Оставив Монтадуру несколько человек, Мариллак увел отряды, опасаясь новых возмущений крестьян. Даже католики отказывали солдатам в хлебе и вине, встречая их камнями. Он вывел свои силы из Пуату и пошел на Париж для переговоров с министром Лувуа.

Глава 10

Анжелика бежала, как безумная, царапаясь о ветки, одергивая с тростью свою зацепившуюся накидку, не обращая внимания на прутья, хлеставшие ее по лицу.

— Вы предали наш союз! — закричала она, как только увидела Самюэля де ля Мориньера.

Он расположился у Волшебного Камня, черный, будто доисторическое рукотворное изваяние. Он казался ей олицетворением зла. И чем больше ужаса он ей внушал, тем яростнее она становилась.

— Вы обманули меня! Вы заключили союз с католиками, чтобы затем раздавить их! Вы человек без чести!

Она осеклась и задохнулась, голова ее гудела, и круглая луна. Выставшая над кронами дубов, заплясала у нее в глазах. Она должна была опереться о валун, чтобы не упасть. Прохладный камень вернул ее к жизни.

— Вы ударили меня! — вскричала она.

Он ударил ее голой рукой, сжав кожаную соколиную перчатку.

— Так учат дерзких и слабонервных женщин. Ни одна из них не осмеливается говорить со мной в таком тоне.

Ему показалось, что она почувствовала себя униженной, но он заблуждался. Анжелика уже придумала, чем пронять его надменность.

— Вы говорите о женщинах! Поверьте, что любая из них предпочла бы отдаться сатане, нежели вам!

Она тут же пожалела о сказанном, такое действие произвели на него ее слова. Он схватил ее руками и, рыча, начал трясти.

— Отдаться! Отдаться! Кто говорит об этом?! Грязное, порочное создание! Роковое создание!..

Он тряс ее с силой сумасшедшего, его огненное дыхание обжигало ее лицо. Теперь она нашла объяснение своим прежним страхам перед ним. Она подсознательно чувствовала, что этот дьявол убьет ее, что она умрет от его руки. Он раздавит ее или задушит.

Но она продолжала вырываться. Она ободралась о пряжки его пояса, о кожу его портупей. Тут боязнь быть убитой сменилась другим защитным порывом Анжелики. Она ощутила плотское желание, идущее от этого мужчины, ее силы были на исходе.

Он повалил ее на землю, она хрипела, задыхаясь, в лицо ей слепила

круглая луна. Ее движения стали терять резкость, она перестала ощущать реальность, забыв, кто она сама и кто этот зверь над ней. Ее обнаженная поясница ощутила холод земли. И в тот момент, когда она вот-вот могла потерять сознание, ее ум внезапно обрел ясность, освободился от злых чар, наведенных волшебной поляной и предсказаниями старухи. Она закричала. Диким усилием она разорвала объятия, вскочила на ноги, отпрыгнула в сторону и бросилась за деревья.

Она долго бежала, гонимая ужасом. Ноги сами вынесли ее на знакомую тропу, по которой она столько раз возвращалась домой за последний месяц. Иногда она останавливалась и давала волю слезам, прижавшись лбом к стволу дерева. Ей хотелось возненавидеть лес, этого слепого защитника, который одинаково прячет молящихся монахов, изгнанников, преступников, волков и колдуний.

Она была ранена в сердце, как ребенок, потерявший доверие к этому миру. Была еще глубокая ночь, когда она появилась у замка дю Плесси.

Она издала два раза клич совы, сложив ладони; слуги ответили, с башни долетел ответный клич. Мальбран — Укол Шпагой дожидался ее в подвале со свечой в руке.

— Так не может дальше продолжаться, мадам, — сказал он. — Бегать ночью одной по лесам — это безумие. В следующий раз я пойду с вами.

Старый вояка наверняка заметил беспорядок в ее одежде, прическе, следы слез и царапины на лице. Она отвернулась, пряча лицо, доставая платок из кармана накидки.

— Хорошо, в следующий раз вы будете сопровождать меня. Нет, лучше это будет ля Виолетт.

Они поднялись к ней в комнаты в полном молчании. Там она спросила с улыбкой, кивнув в сторону двери:

— А этот второй людоед не появлялся?

Она налила в кувшин прохладной воды и обтерла тело. Затем, надев ночную рубашку, она стала причесываться, освобождая волосы от мелких веточек.

Боль во всем теле не покидала ее. Она все возвращалась к событиям этой ночи. «Я думала, худшее уже позади», — подумала она. Подойдя к зеркалу, поставила рядом с ним свечу.

Наклонившись она стала рассматривать свое лицо и обнаружила в нем изменения, происшедшие за несколько недель. Гладкий овал гаек, глаза уже не провалившиеся, губы налились, как лесная земляника. Только на скулах появились сухие тени — отпечаток грусти, нанесенный страданиями и не свойственный юной девушке.

Открыла дверцу столика, где хранились в ониксовых баночках пудры и кремы. Рядом была шкатулка сандалового дерева, инкрустированная перламутром, которую она пододвинула к себе и открыла... Ей захотелось перебрать уцелевшие реликвии, которые напоминали ей о разных периодах жизни: испачканное чернилами перо поэта, кинжал Родогона-Египтянина, деревянное яйцо-игрушка Кантора, кольцо женщин дю Плесси-Белльер, которое всякий раз вызывало у нее «ощущение близкой битвы», когда она его надевала... Два турецких кольца — принца Бахтияра-бея и Османа Ферраджи. Не хватало золотого кольца с ее первой свадьбы. Она потеряла его, когда находилась во Дворе чудес, и подозревала, что Николая украл его ночью, когда она спала.

Тяжелые воспоминания, точно падение в пропасть, были связаны с вмешательством короля в ее жизнь. Он сделал ее вдовой без имени, без прав и надежд на помощь. Ей было тогда двадцать лет.

Несколько позже, во время ее замужества за Филиппом, до отъезда ее в Канди, годы, которые она провела при дворе, можно было считать вполне сносными. Это была насыщенная, полная торжества жизнь знатной дамы, имеющей дом в Париже, комнаты в Версале, жизнь дамы, существовавшей от праздника к празднику. Можно, пожалуй, вспомнить еще об интригах, в которых она была замешана, и о капканах, которые ставили на нее...

Разрыв с королем поверг ее жизнь в хаос.

Она вспомнила о Самюэле де ля Мориньере и рассердилась на себя за страх перед этим безумцем. Этот мужчина, который старше ее на двадцать лет, еретик по убеждению, не покидал мыслей Анжелики.

Она не могла понять, действительно ли он обладает этой необузданной животной силой, которая ее завораживает? Когда она вспоминала некоторые моменты их борьбы, горло ее сжималось.

Она взяла кончиками пальцев розовый крем и стала легкими движениями втирать его в виски. Зеркало, мерцающее, как вода лесного озера, отражало золото ее волос. Краем глаза она увидела, что в нем появляется новое отражение — сигнал приближающейся опасности. Она различила рыжий цвет усов капитана Монтадура.

Подкравшись к ее комнате, он повернул ручку двери и с удивлением обнаружил, что она не заперта. Окрыленный надеждой, он вошел в комнату и долго приглядывался, потом заметил в отдалении Анжелику, стоящую у зеркала.

Ночная рубашка облегла ее стройную фигуру. Волосы рассыпались по плечам, как капюшон. Она слегка наклонила голову, пальцы рождали на ее щеках розовый румянец.

Анжелика резко обернулась.

На лбу его выступил пот, глаз почти не было видно за красными шарами его скул: так сильно он улыбался, стараясь выглядеть игривым. Руки его дрожали под действием выпитого вина.

— Идите ко мне, моя милая, разве вы не достаточно меня помучили? Вы сами от этого устали, вы ведь такая молодая и красивая. Я думаю, что мы оба заслужили...

Он не был особенно изыскан в выражениях и знал это. Но язык не повиновался ему. Тогда он решил перейти к действиям и обхватил женщину своими жирными ручищами.

Мужские руки, повсюду мужские руки хотят сцапать ее: король, солдафон, гугенот — множество мужских рук и мужских тел, льнущих к ней...

Она выхватила из ларчика тонкий кинжал Родогона-Египтянина и быстро выставила его перед собой так, как учила ее де Поляк.

Капитан отступил на два шага, широко раскрытыми глазами смотрел он на невероятное зрелище.

— Что? — пробормотал он, уверенный, что она сделает это. Его взгляд переместился с поблескивающего лезвия на не менее ярко сверкавшие глаза Анжелики.

— Вы не так поняли меня...

Он обернулся и заметил слуг, толпившихся в дверях и загораживавших ему путь к отступлению. Мальбран держал обнаженную шпагу, лакеи и слуги были вооружены палками и ножами, а у Лина Пуару, который прибежал из кухни в белом колпаке, в руках был вертел — каждый захватил свое любимое оружие.

— Чем могу служить вам, господин капитан? — спросил с угрозой в голосе мушкетер.

Монтадур посмотрел на открытое окно, затем снова на дверь. Его возмутило, что эти презренные слуги вмешиваются в его личные дела.

— Пошли вон! — пригрозил он.

— Мы выполняем лишь приказания мадам, — с усмешкой ответил Мальбран.

Ла Виолетт тем временем скользнул к окну и закрыл его. Монтадур теперь не мог позвать своих солдат. Он понял: ничто не помешает этим злодеям убить его и замести следы. Холодный пот выступил у него на висках, стекая на складки шеи. Повинуясь кодексу чести военного, он не мог отступить и схватился за рукоять шпаги, намереваясь как можно дороже продать свою жизнь.

— Пусть он уйдет с миром, пропустите его, — вступилась Анжелика, потом прибавила с усмешкой: — Капитан Монтадур — мой гость. Если он будет вежливым и впредь, ему ничто не угрожает под моей крышей.

Он вышел от нее с негодующим видом. Он больше не чувствует себя в безопасности в этом отдаленном районе.

Тишина парка, в котором парили с шуршанием совы, потрясла его еще сильнее. У двери своей комнаты он поставил часового.

Глава 11

Силуэты двух подростков появились в освещенном солнцем дверном проеме. Подростки были худыми, одетыми в черное. — Флоримон! И вы, господин аббат де Лесдигьер!..

Они пошли навстречу друг другу, улыбаясь. Флоримон встал на одно колено и поцеловал руку матери. Молодой аббат сделал то же. — Но почему ты здесь?.. Кто?.. Как тебя отпустили? Твой дядя сказал, что...

Аббат объяснил, что узнал слишком поздно о ее возвращении во Францию. У него были еще невыполненные дела с господином де ля Форс, у которого он состоял на службе после ее отъезда. Как только освободился от дел, он отправился в путь. Одной из его остановок был коллеж в Клермонте, куда он заглянул проведать Флоримона. Отец Раймонд де Сансе поспешил пристроить к нему своего ученика, сказав, что как раз собирался отправить его домой и что он очень рад, что Флоримон отправится не один.

— Но почему? Почему? — повторяла Анжелика. — Мой брат писал мне, что...

Аббат де Лесдигьер смущенно опустил глаза.

— Мне кажется, что Флоримон не слишком оправдал возлагавшиеся на него надежды, — пробормотал он. — Вот его и отослали обратно...

Анжелика перевела взгляд с любезного лица аббата на своего сына. Она едва узнавала его. Худой и высокий, как гвоздь, в черной форменной блузе. Его талия, стянутая поясом, на котором висели чернильница и футляр с перьями, была тонкой, как у женщины. По движению, которым он откинул назад упавшие на лоб вьющиеся локоны, она поняла, чем взволновал ее вид сына. Он все более походил на своего отца. Сквозь его детские черты вырисовывался отчетливо профиль Жоффрея де Пейрака. Немного впалые щеки, насмешливые губы. Таким было когда-то его лицо до того, как его исказили шрамы. Волосы Флоримона были, как ей показалось, еще чернее, еще гуще.

Прислуга торопилась с приготовлениями. Все были рады вновь увидеть молодого господина, который долго жил в Плесси вместе с братом Кантором. Гостям быстро подали легкую закуску из фруктов и сыра.

— Может быть, вы удивились, увидев на мне шпагу, — повторил аббат, мягкий голос которого не вязался с его рассказами. — Но господин де Форс морщится всякий раз, когда видит дворянина без шпаги, даже будь

это священник.

Он объяснил еще, аккуратно помахивая позолоченной ложечкой, что маршал, отправляясь в поход, имел обыкновение устраивать такие же пышные мессы, как и у себя в замке. Случались живописные зрелища, например, когда служба проходила в осажденном городе и дым от ладана соединялся с пушечным дымом. «Месса под стенами Жеришо!» — очарованно восклицал маршал.

Пока молодые люди завершали завтрак, Анжелика расположилась у окна и стала читать послание от отца де Сансе. Иезуит писал о Флоримоне. «Ребенок не дает отдачи, — писал он, — Он не любит книжного труда, может быть, ему не хватает изначальных знаний. У него дурная привычка ускользать от занятий и возиться в это время с глобусами и астрономическими приборами. Он также предпочитает верховую езду занятиям математикой. Короче, ему чуждо понятие о дисциплине, и он не испытывает ни малейшего раскаяния». Анжелика подумала: «Я знаю, что означает это письмо».

Она посмотрела на лес за стеклом. Увидела, что деревья парка стали желтеть и что вишневая роща за несколько дней сделалась серой и мрачной, как вода в пруду.

Все слова этого письма не отражали сути. Флоримон не смог бы покинуть коллеж без разрешения короля.

Ее охватила лихорадка. Она подошла к священнику.

— Необходимо, чтобы вы немедленно уехали отсюда. Вы не должны были приезжать сюда сами и привозить с собой Флоримона.

Священник хотел возразить, но в этот момент появился Мальбран.

— А, мои ребятишки! Где же ваши шпаги? Они заржавели, как и вы сами, в вашем скучном монастыре. Но мы возобновим занятия. Держите, вот три лучшие лезвия из тех, что мне удалось сохранить, я так и чувствовал, что вы должны приехать!

— Что вы говорите, мадам? — с надеждой в голосе спросил молодой священник. — Разве у вас не найдется для меня места? Я могу давать, как и раньше, уроки латыни Флоримону, учить азбуке вашего младшего сына. У меня есть разрешение читать мессы, я буду служить в вашей часовне, исповедовать ваших слуг...

— Мессы! Вы с ума сошли! В моем доме полно солдат. Я женщина, я унижена, я проклята...

Она говорила низким голосом, сурово глядя прямо в глаза молодого человека с лицом ребенка, будто подозревала его в нечестных помыслах. На смиренном лице аббата появились следы страстного порыва.

— Тем более я должен читать здесь мессы, — гордо сказал он.

Он взял одну руку Анжелики и сжал ее, как бы в доказательство своей решимости. В ее красивых глазах он прочитал снисхождение и печаль. Побледнев, она отошла в сторону и покачала головой, точно хотела откинуть мешавшее наваждение, затем сказали.

— Решено! Оставайтесь... Читайте здесь свои мессы, мой молодой аббат. Может быть, все уладится со временем.

Это было время, когда скитальцы возвращались под ее кров. На следующий день вернулся из Италии Флино, где он учил языку сына итальянского синьора, нанявшего его в Ливурне. Путешествие на родину на муле заняло у него шесть месяцев. Из своей службы во дворах на побережье Адриатики он вынес облик слуги из комедий, пышно одетого, длинноволосого. Пройдя по альпийским перевалам и пропыленным дорогам Франции, он загорел и раздался в плечах.

— Почему ты не остался в Париже? — спросила Анжелика. — С твоим нахальством ты нашел бы хорошее место.

— Я предпочитаю служить у вас, маркиза.

— Здесь небезопасно, Флипо. Я в немилости у короля. Ты — дитя Парижа, твое место там.

— Значит, вы прогоняете меня? — печально проговорил выходец из Двора чудес. — Кроме вас у меня никого нет. Вы заменили мне мать, с тех пор как защитили от побоев в Тур де Несль. Ну что ж! Я вернусь в Пон-Неф и снова начну срезать кошельки.

— Я надеялась, что ты отказался от этой привычки.

— Это особый вопрос, — сказал Флипо. — А кроме того, мое ремесле помогло мне выжить во время многомесячного перехода. Но вы правы: когда кроме этого тебе нечем больше заняться, быстро попадешь за решетку. Еще во Дворе чудес, помните, с нами жил старик, кажется, его звали Урлуро, так он повторял нам каждое утро: «Мальчишки, не забывайте, что вы рождены для того, чтобы быть повешенными». Только это не по мне.

— Оставайся, раз так. Все-таки, Флипо, нам есть что вспомнить вместе.

Тем же вечером в замок заглянул незнакомец, имеющий, по его словам, известие от Гортрана. Анжелика, побледнев, просила несколько раз повторить его слова. Человек дожидался на кухне, разложи» перед слугами товары, которые разносил для продажи. У него были с собой принадлежности художника.

— Вы сказали, что пришли по поручению моего брата Гортрана? —

спросила его Анжелика.

— Да, госпожа маркиза. Ваш брат, который был моим напарником, когда узнал, что я отправляюсь в путешествие по Франции, сказал мне: «Когда ты будешь в Пуату, найди замок дю Плесси-Белльер в округе Фонтеней. Спроси хозяйку замка и передай ей это от имени брата Гортрана».

— Как давно это было?

— Более года назад.

Все объяснилось. Рассказывая о своих долгих переходах через Бургундию, Прованс, Руссильон, о подъемах на Пиренеи, о пути вдоль побережья Атлантического океана, он вынул из кожаной сумки и протянул ей тщательно завернутый в промасленную ткань рулон.

У себя в комнате она развернула сверток, в ее руках оказалось прекрасное полотно с изображением трех ее сыновей. На первом плане сидел Кантор со своей гитарой в зеленом костюме цвета его глаз. Художник воссоздал то особенное выражение лица мальчика, которое не могла забыть Анжелика: мечтательное и одновременно веселое. Ее ребенок умер, но на картине он казался настолько реальным, что в смерть его не было сил поверять.

Флоримон был в красном. Гортран своим художественным чутьем предугадал, каким будет лицо повзрослевшего Флоримона. С портрета на нее смотрело тонкое, умное, страстное лицо двенадцатилетнего подростка. А рядом — розовые краски другого детского лица, золотой шелк кудрей Шарля-Энри. Он располагался между своими старшими братьями, еще младенец, одетый в длинную белую рубашку, и был похож на ангела. Он тянул свои пухлые ручки, чтобы дотронуться до Кантора и Флоримона, но те, казалось, не замечали его. Их строгая неприступность подразумевала нечто символическое, отчего сердце Анжелики сжалось. Ей казалось, что Гортран хотел подчеркнуть различное происхождение братьев: два старших, сыновья графа де Пейрака, стоят впереди, отважные, будто освещенные лучами жизни; младший, сын маршала Филиппа дю Плесси, утонченно красивый, но одинокий.

Картина была настолько живой, что казалось, будто тени облаков шевелятся, наползая друг на друга. Так и в ее жизни сумрачные дни чередовались с лучезарными, напоминая, что многое еще осталось нераскрытым, что счастливое время, возможно, ждет ее.

Флоримон не задавал ей вопросов. Он принял как нечто естественное присутствие солдат в парке и толстого капитана под кровом матери.

С тех пор, как люди Анжелики до смерти напугали его, поведение

Монтадура состояло из смеси ярости, высокомерия и мрачного самоуглубления. Он пропадал по целым дням, доверив охрану замка лейтенанту, охотясь в это время за гугенотами. Но те прятались в зарослях, оставляя на дорогах трупы зазевавшихся драгунов. По истечении дня капитан вешал первого попавшегося крестьянина, и не раз оказывалось, что это был католик.

Часто он бывал пьян. В эти часы его страхи усиливались, на него находили приступы бешенства. Монтадур блуждал по вестибюлю, взмахивая шпагой, как бы защищая себя от глядевших из позолоченных рам предков Плесси-Белльер. Он замечал иногда, что в замочную скважину кто-то наблюдает за ним, несколько раз он слышал смех маленького Шарля-Энри, которого служанка Барба приводила посмотреть на веселое зрелище. Тогда он начинал громогласно ругаться и его оставляли в покое. Но бедняга уже не мог успокоиться: его преследовали видения.

— Шлюха! — кричал он, обращаясь к верхнему этажу. Он стоял перед лестницей и тщетно пытался одолеть первые ступеньки. — Я знаю! Она бежит по ночам по лесу в поисках своего самца!..

Анжелику немного настораживали его слова. Откуда он знает о ночных вылазках? Но однажды во время одной из своих тирад он получил сильный укол в зад. Обернувшись, он увидел Флоримона, угрожавшего ему своей шпагой.

— Вы упомянули о моей матери, капитан? — спросил он. — Если это так, то вам придется ответить.

Монтадур выругался и попытался отобрать у мальчика шпагу. Но руки и глаза его уже не были верными, острое плясало у него перед лицом и ускользало от его рук. Волчонок был достоин своей волчицы. Монтадур порезал руку, отбросил свое оружие и позвал на помощь. Прибежали солдаты; Флоримон, показав им язык, скрылся.

Судя по всему, Флоримон не относился всерьез к происходящему. Он фехтовал со своим старым наставником, разыгрывал бесконечные дуэли, охотился на белок или пропадал в неизвестных местах. Иногда он сажал на плечи маленького Шарля-Энри и скакал с ним по коридорам. Было странно слышать счастливый смех. Они любили оседлать вдвоем лошадь и уехать за пределы имения, не обращая внимания на часового, который сначала бежал следом, но потом возвращался на пост, потому что не знал точно, распространяется ли строгий распорядок жизни маркизы на ее детей.

Однажды вечером возле крыльца раздался взрыв. Что-то воспламенившееся поднялось в воздух и грохнулось на газон. Солдаты похватили ружья и стали кричать: «Тревога!» Монтадура не было на месте.

Окна распахивались. Неподалеку нашли перемазанного сажей Флоримона, державшего в руках странный собранный им прибор, и рядом с ним Шарля-Энри в длинной ночной рубашке, который в восторге хлопал в ладоши, радуясь, что ракета оторвалась от земли. Все стали хохотать, включая военных.

Проклятие, казалось, снималось с замка. Очевидно, этому способствовали мессы аббата де Лесдигьера...

На следующее утро в башню залетел сокол, и Флоримон принял его на ловчую перчатку. Вместе с аббатом он принес матери записку, которая была закреплена на лапке птицы. Анжелика потемнела при виде послания. Размашистый почерк герцога де ля Мориньера гласил о свидании этой ночью у Волшебного Камня. Зубы ее сжались. С каким презрением он должен к ней относиться, чтобы назначить такое место! Она не пойдет. Нет, она никогда больше не окажется с ним один на один в таинственном лесу, среди запахов осени, шума, идущего от речки. Что она сделает, если он попробует еще раз тронуть ее? Хорошо ли она запомнила предыдущий урок, чтобы не поддаться больше его властной силе? Напрасно пыталась она избавиться от мыслей о Патриархе. Его мрачная тень, казалось, витала возле ее кровати. Сон Анжелики в эту ночь был тяжелым.

Пришла осень. Анжелика так и не выполнила приказа короля. Но стража, которая должна была приехать за ней, должно быть, не могла прорваться через оборону крестьян. Патриарх уже поднял на ноги всю провинцию. Из парка, где играли дети, видны были дерущиеся женщины, горящие нивы, отряды крестьян, готовые на все, Флоримон с молодым аббатом посматривали иногда на нее с любопытством, она ловила эти взгляды повсюду, если она недалеко от них находилась. Король неспроста прислал к ней Флоримона, он знал, насколько сговорчивее станет она, когда на карту будет поставлена не только ее собственная судьба...

— Мадам, вас ждут... — умолял ее ля Виолетт, задыхаясь от бега. Он прибыл из замка Рамбурга. — Женщины из протестантских деревень Гатина... Те, что были изгнаны и оказались без крова несколько дней назад... Их приютил господин де Рамбург. Если Монтадур узнает об этом, они погибнут! Рамбург ждет вашего совета...

Анжелика спустилась в подземный ход. Вскоре она достигла еще зеленых садов на склоне возле замка де Рамбург, За каменной стеной расположились изгнанные женщины. Они сидели прямо на земле вместе с худыми детьми. Их взгляды были сумрачны. Они рассказывали барону о бесцельно пройденном пути по католическим деревням, жителям которых местным кюре было запрещено оказывать им какую-либо поддержку.

Питались они редькой, собранной ночью в полях, и спали под открытым небом. Их травили собаками, их преследовали солдаты, отрезая от протестантских деревень, которые могли послушаться эдикта. Наконец они решили идти на Ля Рошель — старое убежище протестантов, где их приняли бы под защиту. Пока они шли по территории, где хозяйничал Мориньер, им давали приют на лесных фермах. Но крестьяне старались побыстрее отделаться от них, их запасы и без того были скудными. У речки Венды они снова наткнулись на драгун Монтадура. Испугавшись, они убежали в лес. Оказавшись в тупике, они узнали, что самый грозный их палач загородил им путь к последнему прибежищу. Обессиленные до предела, они добрались до замка де Рамбурга.

Сопливые дети де Рамбурга смотрели на прибывших. Анжелика заметила среди них Флоримона возле старшего сына Рамбурга Натаниеля. Волнение охватило ее.

— Что ты здесь делаешь? Почему ты вмешиваешься в дела протестантов?

Флоримон улыбнулся. В коллеже он научился не отвечать на упреки старших. Его нельзя было пронять руганью. Баронесса де Рамбург, которая была на седьмом месяце беременности, раздавала женщинам хлеб, черный и зачерствелый. Ей помогала одна из дочерей, несшая короб.

— Что нам делать? — спросила баронесса. — Мы не можем оставить их у себя, у нас нет для них пищи.

Появился барон де Рамбург со своим охотничьим рогом через плечо.

— Отправить их в путь — значит погубить их. Еще до того, как они достигнут Секондини, Монтадур нагонит их.

— Нет, — сказала Анжелика, у которой уже родился свой план. — Они должны отправиться к Аблеттской мельнице, что затерялась в болотах. Оттуда на лодках они доберутся до земель господина д'Обине, где будут в безопасности. По водному пути в сопровождении проводников они почти достигнут Ля Рошели.

— Но как им добраться до мельницы?

— Надо идти напрямик через лес. Это займет два или три часа.

— Кто их поведет?

Анжелика окинула взглядом усталые лица женщин, которые с тревогой прислушивались к их разговору.

— Я поведу.

Мшистый лес кончился. Начинались болота. Они напоминали зеленые луга, на которых кое-где росли ольха и осина, и только плоскодонные лодки, привязанные цепями к пенькам, указывали на обманчивость зеленой

поверхности.

Анжелика привела с собой троих слуг, которые должны были помочь женщинам переправляться через топи.

— Не думаю, что мы переправимся без затруднений, — сказал один из них. — На берегу хозяйничает мельник. Он взимает плату со всех, кто собирается пересечь болота, а нас, протестантов, он и за деньги не пропустит. У него ключи от лодок. Наши жители ходят всегда в обход, чтобы не связываться с ним.

— У нас нет времени идти в обход. Это наш единственный выход. Я попробую уговорить мельника, — сказала Анжелика.

Они вышли до темноты, захватив светильники, которые освещали им путь между деревьями. Когда они добрались до мельницы, солнце опустилось за кроны.

Слева из-за тумана едва различалась мельница со своим водяным насосом.

Дети кашляли, но широко открытыми глазами смотрели на загадочное строение. Анжелика пошла вперед. Она прошла по мосту, источенному червями, затем по знакомому мостику через подводящий воду желоб, рука ее нащупала красноватую стену, увитую плющом.

Дверь была открыта. Мельник при свете лампы считал монеты. Это был человек с низким лбом, его жесткие волосы свидетельствовали о несговорчивом характере. Одетый, как все мельники, в серый фартук и бобровую круглую шапку, он выглядел состоятельным. На ногах были красные носки и подкованные железом башмаки.

Анжелика бегло осмотрела комнату, грубая мебель в которой была покрыта тонким слоем муки. Вдоль стен стояли полные мешки, распространяющие густой запах пшеницы. Она улыбнулась тому, что за много лет обстановка здесь совсем не изменилась.

Она произнесла:

— Валентин, это я... Здравствуй.

Лодки двигались вдоль темного тоннеля. Круглые желтые светильники на носу каждой лодки освещали путь. На первой лодке находился Валентин. Он иногда наклонялся к воде и передавал распоряжения другим проводникам. Слышался приглушенный смех детей. В сердца этих людей после многодневных тягот наконец вселился покой, навеянный незыблемыми просторами болот.

Мельник Валентин сразу отозвался на призыв Анжелики. Он не очень удивился, увидев ее. Она разглядела в этом тяжеловесном мужчине того молчаливого и упрямого паренька, который когда-то звал из зарослей

«мадемуазель де Сансе», чтобы убежать с ней к себе на болото, и ужасно ревновал, когда слышал такой же зов пастуха Николя: «Анжелика! Анжелика!..» Пастух бежал к ней по лужайке, держа в руке свой посох, а за ним неслись его собака и барашки.

Валентин находил растение, называвшееся «анжелика», и жевал его веточки. «Чтобы ты всегда была со мной», — говорил он.

Он не был болтлив, как Николя. Он легко краснел или впадал в гнев. Еще тогда, неизвестно по какой причине, он люто ненавидел протестантов. Вместе они подкарауливали детей гугенотов, возвращавшихся из школы, и пугали их криками, а те в испуге вопили: «Дьявол!»

Валентин и сегодня не любил протестантов, но его прельстили золотые экю, которые принесла маркиза дю Плесси-Белльер. Он достал ключи и отвел женщин и детей к лодкам.

По усилившемуся дуновению ветра они поняли, что водный путь расширился. Первая лодка уткнулась в твердый берег. Над деревьями появилась луна в радужном ореоле. Она осветила спящее поместье сеньора д'Обине, окруженное тополями. Замок был построен на одном из многочисленных островов старого пуатинского залива, на месте которого когда-то было море. Зимой вода поднималась здесь до каменных ступеней, ведущих за стену замка.

Залаяли собаки. Вышли слуги старого маркиза и его кузина, госпожа де Коэме, держащая над головой подсвечник. Она со строгим видом выслушала рассказ Анжелики о брошенных на произвол судьбы женщинах, большинство из которых овдовели и которых она привела сюда в надежде, что их здесь примут и помогут им достичь Ля Рошели.

Женщина отнеслась подозрительно к тому, что католичка проявляет такое участие в судьбах протестантов. Тем не менее, она впустила приехавших крестьянок на кухню. При свете лампы она разглядела простое одеяние Анжелики; ее холщовую юбку, испачканные ботинки и черную накидку, прикрывавшую волосы во время ночного путешествия.

Старая дева, поджав губы, предупредила гостью;

— У нас в замке находится герцог де ля Мориньер.

Это сообщение заставило вздрогнуть Анжелику. Она почувствовала, что краснеет, и быстро ответила, что не хотела бы беспокоить герцога.

— Он приехал к нам весь в крови, — прошептала мадемуазель де Коэме, которую волновали происходящие события. — Он наткнулся на драгун Монтадура, их было больше, чем людей в его отряде, и им пришлось укрыться на болотах. Он сожалеет, что не смог повидать вас.

Анжелика в сильном волнении ожидала герцога, но как только она

услышала его шаги по ступеням лестницы, она взяла себя в руки и встретила его холодно и строго.

Глубокая рана пересекла его лоб. Лоскуты кожи были измазаны запекшейся кровью. Этот рубец еще больше обезобразил, утяжелил его лицо.

— Приветствую вас, мадам, — сказал он. — Вы считаете меня своим драгом?

Анжелика отвела взгляд. Она указала ему на окно, откуда лился свет из кухни и были слышны голоса женщин.

— Посмотрите туда.

Он не принес ей извинений за случившееся. Был ли он оскорблен, безмерно гордый, что она отвергла потом два его вызова?

— Нами взяты Пузог, Брессюир. Мы разоружили гарнизоны и раздали оружие крестьянам. Войска, которые Мариллак бросил на север, оттеснены на восток, мы заняли их полиции в Гатине. Войска Горма и Монтадура отрезаны от своих, они еще не догадываются об этом.

Она живо взглянула на него, лицо ее загорелось.

— Возможно ли такое? Я ничего не знала...

— Как вы могли об этом узнать, ведь вы не поддерживали связь.

— Значит, — тихо проговорила Анжелика, — король все еще не может до меня добраться.

— Через несколько дней я выйду из болот и выгоню Монтадура с вашей земли.

Она выдержала его взгляд.

— Вы заслужите мою благодарность, господин де ля Мориньер.

— И прощение?

Должно быть, это слово стоило ему нечеловеческих усилий, потому что лоб его покраснел от напряжения и на ране выступила кровь.

— Не могу обещать, — сказала она, отвернувшись. — Я возвращаюсь в Плесси.

У крыльца он нагнал ее и спустился вместе с ней. Как только она вошла в аллею, он внезапно схватил ее за талию.

— Прощу вас, посмотрите на меня, мадам!

— Осторожнее! — тихо предупредила она, оглянувшись в сторону причала, где ждал Валентин.

Мориньер увлек ее за тополь, продолжая держать в железных объятиях. Тот же наплыв отвращения и беспомощности охватил Анжелику, чувства ее сметались: покориться Патриарху? Она сжимала его плечи, не отдавая себе отчета, отталкивает ли герцога или принимает его как

неизбежный, неукротимый рок.

— Вы хотите разубить наш союз... Зачем? — бормотала она.

— Потому что вы должны быть моей!

— Но кто вы? Я не понимаю вас, у вас репутация дикого человека. Вы презираете женщин!..

— Женщин? Да. Но вы... Вы казались мне Венерой под тем римским портиком. Тогда я понял... Вы не представляете, что со мной произошло! Сколько лет потребовалось мне, чтобы понять, что такое женская красота!

Он ослабил свои объятия.

— Женщины всегда боялись меня. Я признаюсь вам, мадам, что мне страшно стыдно за это. Бывали случаи, что моя жена, когда я входил в спальню, умоляла, сложив руки, не трогать ее. Тем не менее мы долго прожили с ней, и она родила мне троих дочерей. Но почему она боялась?

Анжелика знала ответ. Причиной тому была примесь мавританской крови, которая странствовала из поколения в поколение семьи де ля Мориньеров и проявилась с наибольшей силой в этом суровом протестанте, сделав его таким устрашающим любовником.

Появление Анжелики потрясло его. Он увидел, что существует другая сторона жизни и она может стать доступной ему. Анжелика, казавшаяся ему беззащитной, слабой, разжигала его чувства. Он наслаждался своей силой возле нее, но сам боялся ее взгляда. Ему нравилось также, что чувства его противоречили их общим стремлениям, лежащим в основе союза. Они были мятежниками, их толкала друг к другу необходимость сопротивляться.

— Все-таки вы будете моей, — повторил он глухо. — Я не отпущу вас.

Сидя в лодке, она чувствовала себя опустошенной, будто уже испытала безумное насилие. Что ей предстоит пережить, если она примет любовь этого тирана? Она качнула головой, чтобы разогнать гнетущие мысли, и заснула.

Ей приснилось, что ночью охотник загнал ее, будто свою добычу, в лес, повалил в колючий мох и придавил своим неуклюжим телом. Она отбивалась из последних сил, давясь его бородой, пока ее не охватила ответная страсть, полное забвение...

Она вскинула голову, удивленно посмотрев вокруг.

Луна, как огромная жемчужина с перламутровым отливом, уже не светила так ярко, как глубокой ночью. Валентин стоял на носу лодки и равномерно взмахивал веслом. С ближайшего берега доносился запах мяты. По дну лодки иногда скребли затонувшие ветви, но мельник хорошо

знал дорогу.

Она спросила его:

— Валентин, ты был уже хозяином этих болот, когда мы приходили сюда ловить угрей?

— Да, был.

Он замолчал, тишину нарушали только всплески лягушек. Лодка уже неподвижно покачивалась у берега.

— Вот и приехала.

— Давай пойдем на мельницу и выпьем по стакану вина.

— Спасибо, Валентин. У меня впереди еще долгий путь. — Он довел ее до деревьев.

— Возле вон того дуба, помнишь, пастух Николая ждал тебя с лесной земляничкой, сложенной на листе.

— Ты знаешь, что стало потом с Николая? Его сослали за разбой на галеры. Знаешь, как он умер? Во время бунта, который он поднял, офицер столкнул его в море...

Валентин не ответил ей.

— Ты удивился, что я так долго храню память о нем?

Он покачал головой.

Глава 12

Голос капитана Монтадура сотрясал стены. Анжелика услышала его еще в подвале.

«Кажется, он заметил мое отсутствие», — забеспокоилась она.

С предосторожностями она поднялась на первый этаж.

— Отрекись! Отрекись!

Навстречу ей бросилось оборванное существо, закрывавшее лицо рулами, и упало в ноги Анжелике.

— Госпожа! Вы всегда были добры к протестантам... Защитите!

Она опустила руку на крупную голову крестьянина, и тот зарыдал, Уткнувшись в складки ее платья.

— Они все сдохнут у меня, как собаки! — закричал Монтадур, выхода из комнаты. — Я раздавлю их, как клопов, а заодно и всех католиков, которые им помогают!

— Как может небо допустить подобное в нашей просвещенной стране! — воскликнула Анжелика. — «Отрекись!» — те же слова я слышала в Микенах. Вы такой же, как те мавры-фанатики, которые обращают в свою веру пойманных христиан!

Анжелика вполголоса заговорила с крестьянином на пуатинском наречии:

— Скажи ему, что ты согласен сменить веру, а сам отправляйся к Мориньеру. И пусть за тобой последуют те, кто сомневается, стоит ли им защищаться. Идите к перекрестку Трех Сов. Там вы его встретите. Герцог даст вам оружие и примет в свои ряды.

— Я верю, госпожа маркиза, — у крестьянина загорелись глаза. — Я сделаю так, как вы сказали.

Его крестьянская расчетливость заставила Анжелику улыбнуться:

— Я подпишу отречение на два дня, чтобы они отпустили меня. Не такое уж это большое преступление перед Богом, правда? А за эти два дня я верну ему долг тем, что буду воевать за свою веру.

Через день, в то время, когда Монтадур патрулировал округ, оставив в замке несколько солдат, в конце аллеи показался всадник, склоненный к луке седла. Это был раненый драгун. Покачиваясь, он доехал до своих и сполз па гравий. Он успел прохрипеть: «В ружье! Они идут...» — и испустил дух.

В саду началась паника. Солдаты бросились к мушкетам, а в это время

из-за стволов рощи показались Мориньер со шпагой в руках, его брат Ланселот и отряд вооруженных крестьян. Один драгун выстрелил из пистолета в герцога, но промахнулся. Протестанты схватили солдат и казнили их на месте. Их тела протащили по гравию к подъезду замка, который солдаты осквернили своим вторжением, и герцог велел бросить их к ногам Анжелики...

— Вы должны отправиться к королю! — в который раз шептал ей Молин, схватив ее за запястье. — Поклонитесь ему, умоляйте его! Вы одна можете предотвратить ужасное кровопролитие...

Непривычная тишина стояла над замком и парком. Не фыркали лошади, не раздавались голоса драгун. Но эта тишина не радовала сердце.

— Мне сообщили, — не умолкал интендант, — что войска, отправленные военным министром Лувуа, уже недалеко от Пуату. Подавление будет ужасным. Разумеется, герцога казнят, а потом начнется расправа над протестантами.

Анжелика молчала. Она сидела за инкрустированным столиком, потеряв счет часам, проходившим друг за другом в бездействии. Дни стояли ясные. Из леса доносился запах пожухлой листвы.

— Банды герцога Мориньера будут разбиты. Напрасно он надеется, что его поддержат за пределами Пуату. Католики не будут препятствовать войскам, потому что они боятся наказания и ненавидят протестантов, имущество которых не прочь захватить. Вы увидите, вы сейчас уже могли в этом убедиться, что сгорят остатки урожая, детей будут бросать на пики... Наша провинция умрет на долгие годы, станет проклятым местом кровопролития.

Она бросила на него хмурый и загадочный взгляд, но промолчала.

— Это вы довели до этого, — продолжал управляющий. — У вас был выбор. Но вы послушались голоса своей страсти, а не рассудка. В вас продолжают бродить мятежные чувства этой бунтарской земли. Как легко вы сошлись с Мориньером. Одно ваше появление взбудоражило их.

— Разве я виновата в том, что мужчин воспаляет присутствие женщины? Но согласитесь, я давно владею этими землями, я живу здесь с того момента, как овдовела, и никаких потрясений здесь за это время не случилось.

— Тогда вы были придворной дамой... Такой же, как и все... Вы не даете себе отчета в том, как сказывается ваше нынешнее положение на живущих здесь людях. Одно вашего взгляда достаточно, чтобы вызвать... Это на Востоке вас научили этим вещам, это там вы приобрели свою власть. Я не знаю, волшебница ли вы, но рассказывают, что в хижинах, где

вы побывали, раздаётся теперь звон колокольчика, что вас видели одновременно в разных местах, что урожай родится обильнее там, где вы пройдёте... А теперь эти бедняки верят, что ваши ночные прогулки по лесу принесут краю процветание...

— Вы говорите словами мельника Валентина.

— Скупой болван, — поморщился Молин. — Ещё один ваш наивный поклонник, который водил вас к Волшебному Камню, когда вам было десять лет. Должно быть, он до сих пор влюблен в вас.

— Молин, вы заходите далеко! — Анжелика поднялась из-за столика, с достоинством откинув голову.

Но, вместо того чтобы продолжать сердиться, как Молин ожидал, улыбка расцвела на ее губах.

— Не пытайтесь взывать к моей совести намеками на мой испорченный нрав. Я была чистым ребенком, и вы это хорошо знаете. Вы продали меня девственницей графу де Пейраку. Я никогда не забуду эту сделку... Букеты незабудок, которые собирал для меня Валентин, земляника Николя, наши танцы под луной вокруг Волшебного Камня — чистота всего этого несравнима ни с чем. Следов ее не осталось. Только кровь, смерть, алчность. Была ли я виновата?.. Я верила в то, что родная земля защитит меня.

— Земля, как и женщина, — она служит тем, кто ухаживает за ней, а не тем, кто не бережет ее. Послушайтесь, дитя мое.

— Я давно вам не дитя.

— Все же я старше вас. Пойдите к королю, пусть воцарится в нашем краю мир.

— Вы ведь протестант, а толкаете меня совершить предательство по отношению к людям вашей веры, которым я обещала поддержку.

— Не совершить предательство, а спасти их. Уже сейчас нельзя сосчитать количество повешенных, которые раскачиваются на ветвях. Детей забирают из колыбелей и бросают в огонь. Во многих местах полностью уничтожен урожай, люди там обречены на голодную зиму. Солдаты тоже затравлены. Когда подоспеет помощь, они отомстят за свой страх. Сам король никогда не узнает об истинных размерах расправы. Ни он, ни жители соседних мест не будут знать о действиях карателей-католиков, которые будут рады случаю вырезать побольше протестантов. Вы же сможете открыть ему на это глаза, рассказать, как поступают с его подданными. Он выслушает вас и поверит вам, вам одной, потому что, несмотря на ваши поступки, он безгранично доверяет вам, он ценит вас за правдивость.

Он вплотную подошел к ней.

— Вы велите повесить Монтадура и прогнать с должности Мариллака, мы заменим его добропорядочным губернатором... Тогда провинцию оставят в покое, восстановятся справедливость, мирный труд...

— Молин! — взмолилась она, — Вы заставляете меня согласиться на худшее!

Она смотрела на него тем же нерешительным взглядом, как в тот раз, когда он убеждал ее спасти свою семью удобным замужеством, выйти замуж за неизвестного дворянина, прославившегося замкнутостью и жестокостью.

— Вы будете всемогущи, — повторил он. — Назначьте час, когда вы предстанете перед королем. Вы знаете лучше меня, что вас ожидает самый ласковый прием.

Она покачала головой в растерянности.

— Это ужасно. Как если бы вы предложили мне умереть. Или отняли бы у меня последнюю надежду.

Эта сцена с Молином напомнила ей похожий разговор с Османом Ферраджи, который уговаривал ее отдаться Мулаю Исмаэлю... А потом перебили всех заложников-евреев и рабов посадили на колья, потому что она не уступила... Так было повсюду — во всех странах — тиран-правитель и закабаленный народ, истребляемый по его прихоти. Этот закон был непреложен.

Снаружи застучал по стеклам дождь, деревья зашумели под ветром. Вдруг раздались крики Флоримона и Шарля-Энри, которые бежали под ливнем.

Интендант принес от своего секретаря лист бумаги, перо и чернильницу. Все это он положил перед Анжеликой.

— Пишите, пишите королю. Я отправлю сегодня же вечером, сейчас я принесу конверт.

— Что ему написать?

— Правду. Что вы придете к нему и покаетесь. Не из-за сожаления о том, что вы совершили, не из-за угрызений совести, а потому что видите вокруг бессовестные нарушения его воли. Что вы не можете поверить, что происходящее совершается по его приказанию. Что вы вернетесь в Версаль при условии, что он отзовет драгун Мариллака из Плесси, а также войска, посланные Лувау. Что ваше покаяние будет смиренным, в срок, угодный Его Величеству, потому что вам хорошо известны его милость, справедливость и терпение...

Она стала лихорадочно писать, увлеченная обвинительной речью

против совершавшегося в Пуату насилия. Она описала все методы, которые применялись против жителей края до восстания, рассказала, как пьяный солдафон устраивал пытки под ее крышей, назвала а письме Монтадура, Мариллака, Солиньяка и Лувуа извергами, указала точное расположение королевских войск в данный момент, сообщила о разрастающемся восстании крестьян, просила смилостивиться над ними. И по мере завершения письма перед ней все отчетливее появлялось важное и внимательное лицо короля, изучающего ее послание в своем рабочем кабинете ночью.

Когда она закончила писать, то почувствовала себя разбитой, но успокоенной. Молин упаковал письмо и запечатал его. Анжелика проводила управляющего до его дома.

В тишине полей чудилось что-то подозрительное. Иногда ветер доносил запахи дыма.

— Горят или догорают последние нивы, — сказал Молин, взбираясь на свою лошадь. — Монтадур со своими людьми отступает к Секондини и сжигает все на своем пути. Ланселот мешает им, но если его отряды не выдержат... Патриарх, должно быть, поднимается к Гатину, чтобы встретить войска Лувуа.

— Вам удастся проскочить невидимым, Молин?

— У меня есть с собой оружие, — он поднял полупальто и показал ей рукоять пистолета. Его сопровождал старый слуга, поехавший следом на муле.

Перед замком она увидела Флоримона, который собирал камешки. Он побежал навстречу ей, лицо его было радостным, точно он собирался сообщить ей какую-то веселую новость:

— Мама, нам надо уезжать! Далеко, очень далеко, — сказал мальчуган, махнув рукой в сторону горизонта, — в другую страну. Мы не можем здесь оставаться. Скоро вернутся солдаты, а у нас нет оружия, чтобы защищаться. Я разыскал на чердаке старые пиццали, но это лишь игрушки, притом ржавые, они не в состоянии выбросить даже самого маленького ядра. Я пытался привести их в порядок, но безуспешно. Значит, нам надо поскорее уезжать отсюда.

— Ты боишься войны?

Он покраснел, не ответив ей, и она увидела в его черных глазах блеск удивления и гнева.

— Я не боюсь сражаться, если ты это имела в виду, мама, но, видишь ли, я не представляю, с кем мне сейчас придется драться. То ли с протестантами, которые не хотят подчиниться королю и сменить веру; то

ли с солдатами, которые придут надругаться над тобой в твоём собственном доме. Ничего хорошего нет в этой войне. Вот почему я предпочитаю скрыться.

Он никогда не говорил с ней так долго. Она считала, что он не знает забот в Плесси и не понимает, что происходит.

— Не преувеличивай опасность, Флоримон, — ответила она. — Мне кажется, все устроится. Скажи мне... Как ты отнесёшься к тому, чтобы вернуться ко двору?

— Ни за что! — порывисто ответил ребенок. — Все, кто там находился, готовы были угождать мне за то, что моей матери покровительствовал сам король, и все они на самом деле желали мне зла. Теперь будет то же самое, с меня довольно! Мне скучно в этой стране, я не люблю ее.

Я никого не люблю здесь, кроме Шарля-Энри.

«А меня?» — чуть было не вскрикнула она. Это была его неосознанная месть за то, что по ее вине он оказался в этом безвыходном положении. Не ответив ему, она пошла к крыльцу. Ее нервы были измотаны разговором с Молином и составлением письма. У нее не нашлось сил, чтобы переубедить сына.

Перед отъездом на Средиземное море она не волновалась на этот зачет, она была уверена в себе. Но вот он уже достиг того возраста, когда необходимо задумываться о его будущем. Если ислам так сильно повлиял на Анжелику, почему этот год, проведенный Флоримоном у иезуитов, не мог его так же переделать? Душе случается оказываться на перепутье, потом ее нельзя вернуть в прежнее состояние. Она услышала поспешные шаги Флоримона, который бежал за ней.

Он взял ее за руку и остановил:

— Надо ехать, мама!

— Куда же ты собрался ехать, мой мальчик?

— Куда угодно. Я уже обсудил план отступления с Натаниелем. Мы возьмем с собой Шарля-Энри.

— С Натаниелем де Рамбургом?

— Да. Это мой друг. Мы были неразлучны еще тогда, когда я жил здесь до коллежа, до нашей жизни при дворе.

— Ты никогда мне об этом не рассказывал.

— Если мне не удастся уговорить тебя... Тем хуже. Но я беру с собой Шарля-Энри!

— Флоримон, Шарль-Энри не может покинуть эту землю, потому что он наследник. Когда он достигнет совершеннолетия, он унаследует замок,

парк, лес, все земли вокруг.

— А что достанется мне?

Сердце ее сжалось. «Ничего тебе не достанется, мой маленький, гордый сын!..»

Он с волнением ждал ее ответа. Каждая секунда молчания давила на него всей тяжестью приговора, который был вынесен ему еще до рождения.

— Ты будешь получать те деньги, которые я верну с торговли...

— Но я спросил тебя не о твоих деньгах, а о своем законном состоянии. Каждый имеет право унаследовать имя, земли...

Внезапно он отвернулся от нее, устремив взгляд вдаль.

— Вот почему я собрался уехать.

Она обняла его за плечи, и они медленными шагами вошли в замок. «Я поеду к королю, — решила она, — я пройду через центральную галерею, одетая в черное, под насмешливыми взглядами куртизанок, я встану на колени... Я покорюсь королю... Но я верну тебе титул и наследство. Я виновата перед тобой, сын, теперь у меня нет другого выхода». Она сильнее прижала его к себе. Он посмотрел на нее пристально, и они в первый раз со дня его возвращения тепло улыбнулись друг другу.

Анжелика смотрела через окно на изрытую копытами лужайку, на редкие деревья, порубленные драгунами для костров...

Ее жизнь напоминала этот парк. Она не в силах была управлять ее течением. Всегда находился кто-то, чьей жертвой она рано или поздно становилась, от кого ей приходилось бежать, ломая сложившийся уклад. Здесь, рядом со своим сыном, еще таким хрупким и беспомощным, которому никто другой не окажет поддержки, она в полную силу ощутила, что значит быть одинокой слабой женщиной.

Итак, она должна принадлежать королю. Худший шаг для нее лично, предательство по отношению к самой себе, к своему прошлому, к человеку, которого не могла забыть...

— Мама, — отвлек ее Флоримон, — советую тебе, если ты мне доверяешь, пойти королевой.

Анжелика ответила слабой улыбкой и пошла королевой. Флоримон обдумывал свой ход, потом поднял на нее глаза:

— Я не могу сказать, есть ли здесь твоя вина, — голос его был сейчас мягким и проникновенным, таким он любил разговаривать после коллежа, — нелегко находиться возле людей, которые хотят причинить тебе зло, потому что ты красивая. Но я считаю, что надо уехать, пока не поздно.

— Мой дорогой, все действительно не так просто, как ты сам только что сказал. Ты не представляешь, куда хочешь уехать. Я только что вернулась из длинного путешествия, Флоримон. Я избежала опасностей, и все-таки мне пришлось вернуться, не найдя того, чего я искала.

— А я найду его, — вскочил Флоримон.

— Не будь самонадеянным! За это можно дорого поплатиться.

— Я не узнаю тебя, — сказал он сурово. — Не я ли показал тебе подземный ход и провел по нему, когда ты решила искать моего отца?

Анжелика засмеялась.

— Если бы я знал, зачем ты поехала, я удрал бы с тобой, вместо того чтобы сидеть в этом монастыре. Вдвоем мы нашли бы...

— Мой дорогой! — с нежностью прошептала она.

Ей вспомнились жестокие картины Средиземноморья: юные рабы, часто кастрированные, которых продавали на рынках; бури, стычки с пиратами, торговля человеческой плотью. Слава Богу, что ей не пришлось в голову взять с собой Флоримона. Сколько раз она упрекала себя за то, что с беспечностью доверила Кантора герцогу Вивонну, отправившемуся биться с турками.

— Ты не подозреваешь об опасностях и трудностях такого путешествия. Ты еще слишком молод.

— Хорошо, — сказал Флоримон уязвленным тоном. — Я все понял. Я не буду брать с собой Шарля-Энри, потому что он слишком мал, чтобы перенести трудности дороги, и еще потому, что у него здесь наследство. Но я хочу разыскать нашего отца, я знаю, где он сейчас.

— Что ты сказал?

— Да, я знаю, где он, потому что видел его сегодня ночью во сне. Он живет в стране, над которой повисла радуга. Всюду зависли грозовые тучи, ничего не было видно, кроме разноцветной радуги, а в тумане стоял мой отец. Я хотел броситься к нему, но туман совсем скрыл его от меня. И вдруг я почувствовал, что стою в воде. Повсюду море. Я никогда не видел моря, но я узнал его по волнам. Волны становились все выше и выше, и на самой высокой волне я увидел Кантора, который крикнул: «За мной, Флоримон! Знаешь, как здесь здорово!»

Анжелика поднялась, опрокинув стул. Мурашки побежали у нее по спине. Слова Флоримона подтвердили ее прежнюю уверенность в том, что они оба мертвы. Два любимых ею человека мертвы и находятся в царстве теней.

— Не говори больше ни слова, — воскликнула она. — Я не могу этого слышать!

Она убежала к себе в комнату и села за столик, обхватив голову руками. Немного позже дверная ручка мягко повернулась, и к ней подошел Флоримон.

— Я все обдумал, мама. Я поплыву искать это незнакомое море. Кроме Средиземного есть другие моря, я узнал об этом у иезуитов.

— Флоримон, — попросила она, — прошу тебя, давай поговорим об этом позже. А теперь иди к Барбе...

Угрюмый, он вышел из комнаты и хлопнул дверью.

Анжелика несколько мгновений пыталась взять себя в руки, боясь разрыдаться. Открыв ящик стола, она вынула письмо короля, которое обещала себе не перечитывать.

«...Моя незабываемая, не слушайте больше свое безумное сердце. Возвращайтесь, Анжелика. Вы написали мне издалека, прося помощи, вы принесли свои извинения через отца Волебреза. Но я хотел бы убедиться в искренности этих слов, я хотел бы услышать их из ваших уст. Вы такая неуловимая, Анжелика, столько предубеждений таится в вас. Я наделю вас своей властью, никому не будет позволено напоминать вам о прошлом. Вам нечего бояться. Потому что я знаю, что вы можете быть искренним другом, равно как и искренним недругом».

Она продолжала чтение, и ее удивило, что король не пытается заманить ее в ловушку, не пытается подкупить чем-либо. Он писал ей:

«Вы будете моей любовницей, но лишь вы одна открыли мне, как много означает это слово. Я верю в вашу честность, а вы должны поверить в мою. Расскажите мне о себе — я выслушаю. Вы будете повиноваться мне, а я — вам».

Она закрыла глаза, усталая и побежденная. Она правильно сделает, что подчинится. Завтра несправедливость будет повержена, она сделает все, чтобы так и было.

Когда она вышла в сад, Флоримон куда-то исчез. Она заметила одного Шарля-Энри, который сидел на краю пруда и наблюдал за лебедями. Его костюм из белого сатина был так же ослепителен, как и перья изящных птиц.

Что-то в поведении трех лебедей, держащихся у берега, взволновало ее. Эти птицы отличаются злым нравом, и они легко могут стащить ребенка в воду и утопить его. Она быстро подошла и взяла Шарля-Энри на руки.

— Не подходи так близко к воде, мой милый, лебеди бывают злыми. Она опустила его на землю. Он засеменял мелкими шажками возле нее, заглядывая ей в лицо. Она всегда считала, что сын похож только на

Филиппа, но, похоже, Гортран был прав. На мордашке, подставленной солнцу, она узнала черты, напомнившее ей Кантора. Пухлые губы, изгиб подбородка были такими же, как у многих представителей де Сансе.

Анжелика села на мраморную скамью и взяла ребенка на колени. Поглаживая его по волосам, она спрашивала, был ли он послушным, играл ли он с Флоримоном, и влезал ли он уже на осла.

Он отвечал нежно и взволнованно: «Да, мама. Да, мама».

Будет ли он умен? Да, конечно. Его взгляд, немного строгий из-под густых бровей, казался загадочным, в нем явно угадывалась меланхолия его отца. Мальчик будет таким же, как и Филипп в юные годы: молодой господин, живущий в своем имении в одиночестве. А имение Шарль-Энри рано или поздно унаследует. Она прижала его к себе.

Анжелика вспомнила о Канторе, который так мало ласкался у нее на коленях, а теперь ему не суждено лхнуть к матери — он мертв.

Жизнь ее проходила в сплошных интригах и переездах, ей некогда было проявить себя хорошей матерью. Когда она была еще бедной, до Филиппа, у нее находилось время для игр с Кантором и Флоримоном в ее маленьком домике в Франк-Буржуа. Но с тех пор ей все чаще приходилось отсылать от себя сыновей, особенно Шарля-Энри. Ему досталась лишь любовь Филиппа, короткая, но она успела задеть воображение ребенка, передать ему невидимые связи с предками, с родной землей.

Между деревьями показался Флоримон, подошел к ним.

— Знаете, что мы сделаем завтра? — произнесла Анжелика. — Мы наденем старые браконьерские костюмы и отправимся втроем ловить раков.

— Bravo! Эвива ля мамма! — вскричал Флоримон, которого Флино обучил итальянскому языку.

Глава 13

В лесу на обратном пути они встретили колдунью Мелузину. Она собирала грибы, вытягивая их из земли скрюченными пальцами. Ее черная фигура с ниспадающими белоснежными волосами казалась естественной в этом глухом месте среди желто-красной листвы.

Анжелика позвала:

— Эй, Мелузина!

Старуха подняла голову и пошла к ней навстречу. Но, вместо того чтобы обрадоваться встрече с той, чьи волшебные возможности, как ей было известно, не уступали ее собственным, она вдруг обозлилась и вытянула вперед свою сухую руку, чтобы остановить их.

— Уходи! Уходи! Ты проклятая мать! И, убегая, бросилась в кустарник.

Вдруг пошел дождь, и маленький отряд укрылся под плитой Волшебного Камня. Под ним можно было удобно разместиться на еловой хвое. На толстых опорах этого свода кем-то были высечены хлебные колосья — символ изобилия.

Сидя в полумраке, пахнущем смолой и вереском, Флоримон сказал, улыбаясь, что это место напоминает ему давнишний отпуск в подземелье.

— Я люблю подземелья, — пояснил он. — Люблю узнавать тайны, скрытые под землей, находить тайники, спрятанные от наших глаз. Один раз в коллеже я спустился в подвал и стал долбить стену киркой. Там оказалась пустота, и я нашел в ней столько интересного!

Он пустился в рассказ о необыкновенном приключении, которое произошло с ним, рассказ, наполненный латинскими названиями, химическими формулами, о тех таинственных веществах, которые нашел он в тайнике и которые должны были помочь ему в приготовлении взрывчатки.

— В лаборатории коллежа я взорвал подряд все тигли и был за это наказан. Но, поверьте мне, я был совсем близок к тому, чтобы сделать открытие, которое перевернуло бы всю науку. Я объясню вам свои опыты.

— И иезуиты говорили мне, что ему не хватает знаний, — сказала Анжелика. — За что же их считают хорошими воспитателями?

— Флоримону не удалось преуспеть в классическом образовании — вот что они утверждали, — ответил аббат.

— Если уж они неспособны были привить ему любовь к учению, так

не надо было наказывать мальчика, — она повернулась к Флоримону. — Я отправлю тебя учиться в Италию. На побережье Средиземного моря можно познать любую науку. Особенно у арабов ты сможешь найти то, о чем только что рассказывал. Они большие знатоки алхимии, они владеют секретами, дошедшими к ним из Китая.

И она рассказала ему в первый раз о своем путешествии на остров Левант, а затем объяснила, почему ей пришлось послушаться короля.

— Его Величество запретил мне покидать Париж, но, как ты знаешь, я все же ускользнула. Но теперь все встанет на свои места. Король прощает меня. Он просит меня приехать в Версаль. Я послала с Молином для него письмо. Пройдет немного времени, и солдаты, которые творили все эти ужасы, уберутся отсюда.

Флоримон слушал ее, не перебивая.

— Тебе больше не угрожает опасность? Ни тебе, ни Шарлю-Энри?

— Нет, можешь мне поверить, — ответила она, стараясь подавить грусть, которая переполняла ее сердце.

— Ты успокоила меня, — сказал он со вздохом облегчения.

— Ты раздумал уезжать? — с надеждой спросила она.

— Нет, нет. Тем более, что у вас тут все устраивается.

Они вернулись в замок очень поздно. Барба уже начала волноваться. В это время года, но ее мнению, незачем так долго оставаться в лесу, там уже можно встретить волков, А в каком виде одежда на Шарле-Энри! Ее ангелок еле держался на ногах! Он привык ложиться несколькими часами раньше...

— Барба, не причитай, — сказала ей Анжелика, — Мальчик устал от этих стен, ему нужен простор. Не волнуйся, он еще выспится...

Глава 14

Анжелика едва успела раздеться, как ей показалось, что она расслышала стук копыт недалеко от замка. Она замерла, прислушиваясь. Потом, взяв накидку, подошла к окну и выглянула. Перестук копыт звучал отчетливо, она различила в темноте силуэт всадника, который удалился по центральной аллее, огибая пруд.

«Кто же это?» — подумала она.

Она закрыла окно, постояла немного и пошла к лестнице, чтобы спуститься в гостиную, где, должно быть, был кто-то из прислуги. Потом, передумав, она с полдороги повернула и стала подниматься в комнату Флоримона. Подойдя к рей, она ласково позвала его:

— Ты спишь?

Войдя в комнату, она подошла к его кровати. Постель не была разобрана. Кружевная подушка — не тронута. Она ожидала увидеть спящего ребенка, сморенного усталостью, но в комнате никого не было. Анжелика заметила, что отсутствует также одежда Флоримона, нет его шпаги. Она выбежала из комнаты и бросилась в соседнюю, где спал аббат де Лесдигьер.

— Где Флоримон?

Молодой человек смотрел на нее сонными глазами.

— Но... должно быть, в своей комнате...

— Его там нет! Вставайте, надо разыскать его!

Они разбудили Лина Пуару и его жену, храпевших в закутке возле кухни. Но они ничего не слышали, ведь было уже за полночь.

Анжелика набросила на плечи плащ и, сопровождаемая наспех одетыми слугами, побежала в конюшню. Молодой конюх что-то напевал, грызя миндаль. Перед ним стояла полная сумка орехов.

— Откуда это у тебя? — вскричала Анжелика, догадавшись обо всем.

— Меня угостил господин Флоримон.

— Ты помог ему запрячь лошадь? Он уехал?

— Да, госпожа.

— Дурак! — крикнула она, отвесив ему пощечину. — Господин аббат садитесь на коня и задержите его.

Аббат не успел надеть сапоги и плащ. Он побежал в замок, в то время как Анжелика бранью подгоняла конюха седлать для Лесдигьера лошадь. Потом она выбежала на аллею, стараясь услышать вдали стук копыт. Но

ветер носился за сухими листьями, не давая из-за их шелеста расслышат! другие звуки. Она позвала:

— Флоримон! Флоримон!

Звук ее голоса исчез среди спящих деревьев.

— Быстрее! — умоляла она, торопя аббата. — Как только вы минете парк, приложите ухо к земле, вы угадаете его направление.

В этот момент в тишине раздался звук рога Исаака де Рамбурга, зычный и грустный. Барон все трубил и трубил, эхо вторило ему. Анжелика стояла замерзшая, думая о Флоримоне, который, вероятно, сейчас встречается с Натаниелем возле башни де Рамбурга.

Всадник, которого она не услышала из-за рога, появился внезапно сбоку, освещенный светом факела, горевшего у подъезда. Это был аббат.

— Вы нашли Флоримона?

— Нет. Солдаты преградили мне дорогу, и я вынужден был вернуться. Их очень много, ведет их Монтадур. Они движутся к замку де Рамбурга.

Анжелика поняла, что произошло. Драгуны, оказавшись в окружении, прорвали слабую линию протестантов. Они решили отступить в места, хорошо им знакомые, устроив гугенотам встряску, пока те не успели спрятаться на болотах.

— Рамбургам понадобится помощь, надо спешить к ним, — сказала она.

Мысли вновь вернулись к Флоримону. Влекомый своими безрассудными планами, он оказался в самом пекле.

Сопровождаемая молодым священником, она вскарабкалась на холм, где стояли дома протестантов. Сквозь листву на них блеснул луч света, послышался чей-то топот. Вскоре они наткнулись на бежавших людей. Это была госпожа де Рамбург со своими детьми и прислугой.

— Мадам дю Плесси! Мы бежим к вам, чтобы укрыться от драгун. Они нагрянули с факелами, пьяные и бесцеремонные. Мне кажется, дело кончится пожаром.

— Флоримон был здесь? Он с Натаниелем?

— Флоримон? Я его не видела. Я не знаю даже, где Натаниель. Повернувшись к детям, она потребовала от них ответа:

— Где Натаниель? Где Ребекка? Я думала, что ты держишь ее за руку, Жозеф.

— Я держу за руку Сару.

— Значит, она осталась там, бедная крошка. Надо вернуться за ней. А где ваш отец?

Бедную женщину шатало: через несколько дней ей предстояло родить.

— Идите ко мне, — решила Анжелика. — Господин аббат вас проводит. А я поднимусь к башне, посмотрю, что там происходит.

Она поднялась на вершину утеса и притаилась под стеной замка. Слышались вопли драгун, которые наводнили дома. Им отвечали крики истязаемых мужчин и женщин. Рог уже молчал.

Анжелика стала осторожно красться, не высываясь из тени, вдоль левого крыла. Вдруг она наткнулась на распростертое тело, лежавшее в странной позе, будто стянутое блестящим поясом. Это был барон де Рамбург, на плече которого висел умолкнувший рог. Она наклонилась над ним и увидела, что он пронзен рогатиной, точно раненый зверь, побитый охотниками.

Недалеко от нее пробежала группа солдат. Анжелика укрылась за деревьями. Показались драгуны, они выкрикивали проклятия и поднимали свои алебарды вверх к окнам: — На пики! На пики!

Из самого верхнего окна с силой бросили вниз небольшое тельце, точно куклу, которое перевернулось в воздухе. Ребекка!..

Анжелика закрыла лицо руками. Потрясенная ужасным зрелищем, она побежала сквозь заросли и вскоре достигла Плесси.

Слуги столпились у парадного входа и молча наблюдали за соседним замком, охваченным пламенем.

— Вам удалось найти Ребекку? — спросила госпожа де Рамбург. — А барона?

Анжелике потребовалось усилие, чтобы придать лицу спокойное выражение.

— Они... убежали в лес. Нам надо сделать то же самое. Скорее, парни, забирайте одежду, припасы. Где Барба? Поторопите ее, пусть оденет Шарля-Энри.

— Мадам, посмотрите туда, — сказал ли Виолетт.

Он указал ей вереницу огоньков, спускающуюся с горы в их направлении, то были факелы драгун.

— Вот они! — закричали слуги.

Из глубины каретной аллеи показалась следующая цепочка огней. Драгуны неторопливо двигались к замку.

— Запремся в доме, — решила Анжелика. — Заприте за собой все двери и окна! Проверьте все выходы, слышите?

Сама она проверила запоры на главной двери, засовы и дубовые ставни на окнах первого этажа. Многие из них защищали решетки. Только два окошка по обеим сторонам главного входа оставались без прикрытия.

— Пусть каждый вооружится чем-нибудь, надо защитить эти окна.

Аббат де Лесдигьер спокойно вынул свою шпагу. Подбежал Мальбран, таща связку мушкетов и много пистолетов.

— Где вы это раздобыли?

— Знаете, мадам, у нас так беспокойна. Я запасся...

Он начал раздавать мушкеты слугам. Даже служанкам он дал по пистолету, они с ужасом приняли эти тяжелые страшные предметы.

— Если вы не понимаете ничего в заряде, то всегда можете взять их за ствол и стукнуть кому-нибудь по черепу.

Госпожа де Рамбург укрылась в гостиной, собрав вокруг себя свой выводок. Потемневшими глазами она пристально смотрела на Анжелику.

— Что стало с моей Ребеккой? Что с мужем? Вы что-то скрываете от меня, мадам...

— Прошу вас, мадам, сохраняйте спокойствие. Хотите, я помогу разместить ваших детей, чтобы они смогли отдохнуть? Они и так сегодня переутомились.

Баронесса встала на колени и сложила руки:

— О мои дети! Теперь я поняла, пришел скорбный день, о котором говорил Бог: «Я пошлю испытание слабым духом, найду на них зло».

— Мадам, драгуны!

Слуги столпились у одного из окон и взволнованно смотрели во двор.

В свете факелов Анжелика увидела Монтадура, въезжавшего по ступенькам на своем грузном коне в яблоках. За неделю у него отросла рыжая щетина, лицо его сделалось еще тире и напоминало обожженный красный горшок.

За ним выстроились всадники и пехотинцы, одни держали пики, другие мушкеты. Казалось, что они держат совет.

— Открывайте, нечего прятаться! — прорычал Монтадур. — Или я выломаю дверь!

Никто не пошевелился. С холма уже спустились остальные драгуны и присоединились к Монтадуру. Они стали подстрекать друг друга, вспоминая, что Мориньер измывался здесь над трупами четырех их товарищей.

По сигналу капитана к двери побежали двое, вооруженные огромными топорами. Здание сотрясилось под первыми ударами по массивной кованой двери. Один из детей де Рамбурга заплакал, но вскоре перестал всхлипывать и забормотал слова молитвы, как велела мать.

— Мальбран, — прошептала Анжелика.

Мушкетер медленно поднял ружье и навел его через окно. Прогредел ; выстрел. Один из солдат рухнул на ступеньки крыльца. Второй выстрел —

повалился другой солдат.

Драгуны зарычали от ярости. Еще трое стали бить в дверь прикладами мушкетов.

Мальбран перезарядил ружье. Из другого окна два раза выстрелил ля Виолетт, убив двоих. Еще одного снял Мальбран.

— Укройтесь, болваны! — прокричал Монтадур. — Они расстреливают вас в упор!

Солдаты попятились, как голодные волки при виде сторожа. Монтадур поодаль построил их для стрельбы. Прозвучал залп. Ля Виолетт, не ожидавший залпа, упал. Аббат де Лесдигьер поднял его мушкет и встал к окну. Из-за свинцовых решеток можно было различить искаженные злобой лица приближающихся драгун. Офицеры устроили короткий совет.

Анжелика на коленях подползла к ля Виолетту, она взяла его за плечи и оттащила в угол залы. Он был ранен в грудь, и на его ливрее, голубой с желтым, расплзлось большое красное пятно.

Молодая женщина устремилась на кухню за спиртом и бинтами. Она наткнулась на кухарку Орелье, которая сидела перед котлом у очага и разжигала огонь.

— Что ты здесь делаешь? Ты варишь суп? — поразилась Анжелика.

— Нет, госпожа маркиза, я нагреваю масло, чтобы вылить его им на головы, как в старые добрые времена.

Увы, замок дю Плесси строился в другую эпоху, он не был предназначен для осады.

Вдруг Орелье вскочила и прислушалась:

— Они там, за дверью! Я слышала стук, разрази их гром!

Действительно, солдаты обогнули здание и стали ломиться в двери кухни. Они пытались проломить их деревянными чурбанами. Затем послышались удары топора.

Один из слуг попробовал подобраться к солдатам по водостоку, но не сумел.

— Поднимайтесь на второй этаж и стреляйте в них из окна! — велела Анжелика трем слугам, у которых были пистолеты.

— У меня только арбалет, — показал ей свое оружие старый Антуан, — но он еще работает.

Анжелика подбежала к ля Виолетту. Весь этаж был заполнен дымом, от которого резало глаза. Встав перед раненым на колени, она поняла, что помощь ему уже не нужна.

— Госпожа маркиза, — шептал ля Виолетт, задыхаясь от крови, идущей горлом, — самое яркое впечатление моей жизни осталось от той

ночи, когда я нес вас на своих руках...

— Не трать силы, дорогой ля Виолетт, — она решила, что он бредит.

— В ту ночь господин маршал послал меня, чтобы похитить вас. Я схватил вас и зажал вам рот, чтобы вы не кричали, а потом тащил на себе и все смотрел на вас... Теперь я знаю, что это мое самое, самое дорогое воспоминание. Потому что другой такой женщины...

Его голос прерывался, он захлебывался собственной кровью. Она взяла его за руку:

— Я не сержусь на тебя за то, что ты сделал той ночью. Позвать к тебе аббата де Лесдигьера, чтобы он отпустил твои грехи?

Слуга нашел в себе последние силы для отказа:

— Нет, нет, я хочу умереть, оставшись в своей вере.

— Он прав, — прошептала она, положив руку на его холодеющий лоб.
— Ведь ты протестант.

В углу стонала раненая служанка. Лицо Мальбрана почернело от порохового дыма. Лакеи переносили боеприпасы с этажа на этаж.

«Надо остановить это кровопролитие», — подумала Анжелика. Она поднялась на второй этаж и открыла одно из окон.

— Капитан Монтадур!

Капитан драгун вывел своего коня поближе к входу, чтобы лучше рассмотреть ее. Появление маркизы вызвало в нем смешанное чувство страха и триумфа. Значит она все-таки в замке! Попалась птичка! Теперь уж он отомстит.

— Капитан, по какому праву вы ломитесь в дом католиков? Об этом будет известно королю.

— Ваш так называемый католический дом — гнездо гугенотов. Отдайте нам еретичку с ее потомством, и мы оставим в покое вас и ваших сыновей.

— Вам приказали охотиться не за женщинами и детьми, а за бандами Мориньера!

— Вашего сообщника, мадам! — подхватил Монтадур. — Вы полагаете, я ничего не замечал? Вы предали нас, вы продались дьяволу! В то время как я защищал святое учение, вы убегали в лес, чтобы предавать нас этим бандитам! Я заставил говорить одного из этих выроdkов.

— Я расскажу королю и господину де Мариллаку о вашем поведении. Помните, что при разногласиях крупных фигур первыми всегда страдают более мелкие.

Несколько секунд Монтадур колебался. В том, что она сказала, была большая доля правды. Уже сейчас, сражаясь с крестьянами без получения

приказов и несогласованно с другими частями, он имел все основания сомневаться, что его похвалят. Но солдаты должны были убивать и совершать поджоги, чтобы не потерять доверия командиров. Кроме того, ему уже никогда не представится случай сквитаться с этой женщиной, столько времени издевавшейся над ним, Монтадуром!

— Подпалите-ка это логово! — приказал он, взмахнув рукой. И, поднявшись в стремянах, он разразился диким хохотом, полным ненависти и торжества.

Она спустилась вниз. Все помещение было заполнено дымом, но это уже был дым не от пороха, а от пожара. «Они подожгли ворота!» — закричала Орелье.

В одну из дверей высунулась сонная голова Барбы:

— Что за погром в доме? Вы разбудите малыша!

— Сейчас нас захватят драгуны. Скорее бери Шарля-Энри, заверни его в одеяло и спускайся в подвал. Я пойду проверю, свободен ли путь.

Подземный ход! Это была последняя возможность. Им удастся отвести женщин и детей, а они будут молить Бога, чтобы в лесок не сунулись солдаты.

Анжелика спустилась в подвал, но, когда она уже пробиралась между бочками, ее пронзила страшная догадка. Она услышала стук каблуков и гулкие голоса из-за двери, ведущей в тоннель. Они нашли его, их провел человек, которого пытал Монтадур. Застыв с подсвечником в руках, она ошеломленно глядела на дверцу, сотрясаемую ударами, будто в нее рвалось страшное чудовище.

Анжелика выскочила из подвала и заперла его на засов. — Оставайся здесь! — крикнула она Лину Пуару, сжимавшему свой вертел. — И коли каждого, кто сунется в эту дверь. Под стены замка кидали зажженные вязанки хвороста. Ставни лопались от огня. Через окна валил едкий дым. Слуги спустились к верхнего этажа, они ничего не могли разглядеть из-за дыма, у них кончились заряды.

Домочадцы окружили Анжелику, в их глазах отражался ужас.

— Госпожа! Госпожа! Что делать?

— Надо послать за помощью — раздался чей-то голос.

— Что вы говорите, за какой помощью?! — вскричала в ответ Анжелика.

Все услышали пение:

Прими и прости нас, Господь.

Ты знаешь о нашей преданности...

Это пели ее слуги-гугеноты и дети де Рамбурга, прижимавшиеся к

своей матери. Их лица, искаженные страхом, при пении приобретали выражение смирения и надежды.

Еще раз, как безумная, Анжелика взбежала по винтовой лестнице на пашню и осмотрела подходы к замку.

— Откуда помощь?! Нам никто не поможет! — вскричала она еще раз.

Ей показалось, что замок содрогнулся от взрыва, она решила, что обвалилась одна из стен. Но это был вопль несчастных защитников, когда первые драгуны прорвались в залу.

Анжелика спустилась до второго этажа и посмотрела вниз через перила лестницы. Перед ней открылась дикая картина. Крики отчаянно сражавшихся слуг, крики преследуемых женщин, крики детей, которых вырывали друг у друга грубые руки драгунов, крики солдат, которых Орелье удалось облить кипящим маслом. И среди этого хаоса во весь голос молилась, стоя на коленях и сцепив пальцы, баронесса де Рамбург.

Мальбран, держа за ножки стул с массивной спинкой, сбивал им каждого, кто приближался к нему.

Раздался призыв: «На пики!» Один из солдат бросился вверх по лестнице, сжимая одного из детей де Рамбурга. Она заметила валяющийся рядом мушкет и сумку с зарядами. Не зная, успели ли его зарядить, она выстрелила наудачу. От отдачи ее отбросило на ступеньки, солдат с простреленной головой упал под лестницу.

Анжелика успела сделать еще несколько выстрелов по красным теням, пока чьи-то руки не обхватили ее.

Три видения пронеслись перед ее глазами: залитое слезами лицо служанки Бертиллы, с которой срывали одежду три разъяренных драгуна; убегающая по коридору Барба, сжимающая Шарля-Энри; открывшееся окно, у которого суетились красные мундиры.

Затем она перестала ощущать, что творилось вокруг, но царапалась, вырывалась, осыпала бранью навалившихся на нее людей. Никогда не испытывала она такого животного ужаса, даже когда ее тащили на пытки. Сейчас у нее было только одно желание; вырваться любой ценой из этого ада. И чем сильнее она вырывалась, тем больше ее охватывало паническое осознание своего бессилия.

Ее обжигало яростное дыхание, она уклонялась от мокрых рыл, тянущихся к ее губам, старающихся заглушить ее крики; ее кожу царапали скользкие пальцы, разрывавшие на ней одежду. Ее тело распластали на полу, чьи-то руки держали ее лодыжки железными тисками. Она захлебнулась собственным криком, как захлебывается им тонущий человек увлекаемый на дно непреодолимой тяжестью.

Глава 15

Анжелика подняла голову и осмотрелась. Она лежала на каменном полу, ее щека еще хранила его холод. Туман смешался с остатками дыма эта муть скрывала от взгляда окружающий мир. С трудом она поднесла к глазам руку, сплошь покрытую царапинами и ожогами. Это были следы стрельбы из мушкета, которые она не заметила прежде. Память стал: возвращаться к ней. Она хотела подняться, но смогла только встать на колени, издав тяжелый стон, Она стояла так, опираясь руками о пол, и не могла прийти в себя от боли. Ее спутанные волосы безжизненно свисали перед лицом — это напомнило ей тот путь по каменистым дорогам Рифа, когда она так же упала на колени без сил.

Женщина, опираясь на стену, с огромным трудом встала на ноги и посмотрела отрешенным взглядом вокруг себя. Она уже никогда не ощутит себя прежней гордой красавицей, которая всегда боролась, надеялась непрерывно возрождалась в новой любви.

Ее руки дрожали, когда она машинально поднимала с пола разодранную одежду. При воспоминании о том, что произошло, она едва снова не потеряла сознание. Ее душил висевший всюду запах разыгравшейся трагедии, все тело болело.

На полу в разных местах валялись тела людей, среди них — драгуны в красных мундирах. Она не могла понять, все ли тела мертвы. Страх что кто-нибудь поднимется и увидит ее, заставил Анжелику поспешить лестнице. Она начала спускаться, едва передвигая ноги. На ступенька наткнулась на лежавшую Барбу.

Шарль-Энри спал на руках умершей Барбы. Безумная радость затопила Анжелику. Она склонилась над ним, не смея поверить в свое призрачное счастье. Он спал так безмятежно, как может спать только ново рожденный среди порушенного мира, Его глаза были прикрыты длинным ресницами, губы замерли в полуулыбке.

— Просыпайся, — тихо сказала она, — мой маленький Шарль-Энри.

Но он не просыпался. Она нежно погладила его, чтобы он открыл глаза от этого движения его головка откинулась назад, как у мертвой птицы, обнажив на шее глубокую рану, через которую и ушла вся его жизнь.

Анжелика с большим трудом разжала руки служанки и притянула к себе ребенка. Его маленькое тельце показалось ей совсем легким, она с

нежностью прижала его к себе.

Солнце уже развеяло туман над прудом, оно отражалось в его ряби бесчисленными огоньками. Анжелика шла вперед, ничего не замечая вокруг себя, не чувствуя боли в своем теле, она смотрела лишь на крохотное существо, лежавшее у нее на руках.

— Ты самый чудесный ребенок на всем свете... Она не помнила, где слышала эту фразу.

Его неподвижность, прохлада и восковая бледность щечек, отчетливая, как белизна его ночной рубашки, наполнили ее дрожью.

— Мой ангел... Идем со мной, мы отправимся далеко-далеко, будем всегда вместе, я буду играть с тобой...

Лишь его волосы золотого шелка казались живыми, шевелясь от дуновения ветра.

— Бедный мальчик!..

Крестьяне, крадучись возвращавшиеся из леса, заметили Анжелику, идущую им навстречу. Они забрали у нее из рук дитя и повели ее к дому управляющего. Дом был разграблен, но драгуны не стали его поджигать. Она не хотела входить в дом. Ее заставили выпить немного разбавленного водой спирта и оставили сидящей у крыльца.

Вся округа, все крестьяне, оставшиеся на фермах и хуторах, стекались к разоренному замку Плесси. Их потрясенные лица, пораженные взгляды были прикованы к облаку дыма, нависшему над парком. Все Правое крыло здания, прилегающее к кухне, сгорело. Из обломков вывели Мальбрана, которого во время сражения завалило мебелью, и трех служанок, подвергшихся жестоким истязаниям, но не убитых. Они плакали, не смея опустить прижатые к лицу ладони.

— Пойдемте, пойдемте отсюда, — утешали их пожилые женщины. — Кто вам сказал, что такого не бывает в жизни? Все бывает... Вы живы — и это самое главное.

Чуть позже среди собравшихся замелькал беличий нос Флипо. В разгар пожара он сумел выпрыгнуть в окно вместе с еще одним слугой.

Взлохмаченная голова склонилась к ногам Анжелики, она опустила пустые глаза и узнала аббата де Лесдигьера. Его плечи вздрагивали от рыданий, голова была забинтована, запекшаяся кровь проступила сквозь бинты.

— О мадам! Простите! Я потерял сознание и не мог до конца защищать вас... И вашего бедного сына...

Солдаты не добились его — помогло монашеское облачение.

Анжелика продолжала отрешенно смотреть мимо. Вдруг она

спросила:

— Где Флоримон?

— Не знаю. Его не нашли, ни его, ни Натаниеля.

Отрешившись от окружающего, она вдруг увидела улыбающегося Флоримона, играющего с Шарлем-Энри в тот момент, когда Гортран писал их портрет.

— Что за стук раздается из парка? — Анжелика внезапно поднялась.

— Госпожа, это люди копают землю, они готовят могилу...

Она направилась туда, поддерживаемая Лесдигьером. На опушке парка, у решетки, уже вырыли несколько могил и опустили в них тела Давших. На траве лежали Лин Пуару и его жена Орелье, которых хоронили последними, так как они были самыми тучными.

— Юный господин погребен вон там, — сказал один из крестьян, показывая на земляной холмик в стороне от других могил. Он добавил извиняющимся голосом: — Положили пока здесь, потому что нельзя медлить. А потом уж перенесем его в часовню дю Плесси со всеми почестями. Только ее надо заново отстроить, она сожжена...

Ее голос сделался вдруг твердым, приковавшим к себе внимание всех присутствующих.

— Крестьяне, слушайте! Солдаты убили последнего из Плесси-Белльеров... последнего наследника этого края. Фамилия умерла навсегда... Убили вашего последнего господина. У вас нет больше господина...

Крики горечи, стоны утраты огласили окрестность. Анжелика продолжала:

— Это преступление совершили солдаты короля. От них вы не получили ничего, кроме зла. Ничего, кроме виселиц, поджогов и насилия. Они убивают наших детей — неужели мы им простим это? Они прикрываются именем короля, но сам король приказал бы их повесить за произвол. Мы отомстим им. Мы не дадим им уйти из нашего края. В погоню! Отомстим им за своего господина!

Весь день они шли по следам драгун Монтадура. След отыскивался легко, к концу дня крестьяне вышли к реке и узнали, что солдаты не смогли переправиться через нее и остались в их округе. Без сомнения, драгуны не догадывались, что их преследуют, они были затравлены зловещей тишиной края, безмолвием деревень.

Упала ночь, ярко светила луна. Крестьяне срезали часть пути и оказались недалеко от врага. Охотничий инстинкт подсказывал им, что добыча близка и что она от них не улизнет. Ковер из опавших листьев приглушал их приближение.

Анжелика первая различила фыркание лошадей, которые паслись на широкой поляне. Она подача знак отряду остановиться и пошла вперед, прячась за кустами. В свете луны она увидела лагерь солдат. Они спали, плотно прижавшись друг к другу, обессиленные бессонной ночью и длинным дневным переходом. Часовой дремал у костра.

Мартин Жене, фермер, руководивший погоней, тотчас оценил положение. Его приказ был передан шепотом по цепочке, и часть отряда бесшумно отошла назад. Через некоторое время с противоположной стороны лагеря раздался крик совы.

Часовой шевельнулся и прислушался, потом снова опустил голову на грудь.

С четырех сторон к лагерю быстро и неслышно приближались черные тени. Ни одного крика не раздалось, лишь короткий хрип просыпавшихся солдат, которые тут же засыпали вечным сном.

На следующий день лагерь драгун настиг лейтенант Горма. Драгуны казались спящими, на самом же деле у всех были перерезаны горла. Монтадура можно было узнать лишь по животу, потому что головы его не оказалось.

Так началось Великое восстание в Пуату.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ОНОРИНА

Глава 1

Король опоздал с решением отозвать Мариллака и назначить его управляющим в провинцию Бавиль. Письмо, привезенное старым интендантом Молином, переданное королю тотчас после его прибытия во дворец, пришло слишком поздно.

Пока Его Величество, скучая, ждал к себе с докладом Лувуа и Мариллака, чтобы выявить настоящую картину в области, все Пуату было охвачено восстанием.

В Париже никто не сомневался, что причиной столь яркой вспышки бунта послужило убийство маленького белокурого наследника, однако обстоятельства были настолько странные, что долгое время разорение замка и исчезновение маркизы с сыном приписывалось бандам гугенотов. Но первые же королевские части, пытавшиеся пересечь Гатин, с удивлением натолкнулись на сопротивление католиков, которых вел Гордон де ля Гранж — представитель старой благородной фамилии, не пользующейся расположением короля. Одновременно на юге от Бокажа Самюэль де ля Мориньер, гугенот, возобновил широкое наступление.

Королевские войска были остановлены у линии, идущей от Лудума до Ниорта через Партеней. Началась зима, которая свела боевые действия до мелких стычек. Деревья сбросили листву, большие скопления людей были издалека хорошо видны, поэтому крестьяне разбрелись по лесам и деревням, действуя по ночам небольшими группами. Край словно вымер, Юн выглядел так, будто все люди по загадочным причинам покинули свои жилища и ушли навсегда.

С началом зимы в Пуату пришёл голод. Катастрофа, прямой причиной которой явилась неудавшаяся кампания господина Мариллака по отречению гугенотов, усугублялась неурожаем предыдущего года и повышенными налогами, отнявшими у жителей последние запасы. Сборы налогов продолжались и во время первого этапа восстания. В то время как жители протестантских деревень изгонялись из домов, в их жилища забирались сборщики, отбирая в качестве неуплаченного долга кровати, одежду, скотину, все вплоть до последней опоры — караваяв ароматного хлеба, огромных, как колеса телеги, которые крестьяне выпекали осенью для запасов на шесть снежных месяцев.

Целые деревни голодных выходили на дороги с целью любой ценой добыть себе пропитание.

Обозы с провиантом, направляемые для нужд армии, не могли пройти и половины пути, люди набегали и набрасывались, как саранча, их не могла остановить никакая охрана.

Мало-помалу вырисовывалась роль отверженной женщины, сумевшей соединить во имя одной цели несоединимое: католиков и протестантов, богатых и бедных.

Новой предводительнице удалось повести за собой множество благородных имен Пуату, большинство из которых были отвергнуты издавна королевским двором, кто — из-за бедности, кто — из-за гордого нрава. Они позвали за собой и вооружили своих крестьян, используя самое разное оружие: мушкеты и копья, алебарды и старые фитильные аркебузы, шпаги и мечи. В ход гало и то оружие, которое собиралось на полях сражений и накапливалось веками у людей, привыкших быть всегда готовыми к боевым действиям. Использовались даже луки со стрелами — бесшумное оружие браконьеров.

Анжелика объезжала Пуату из конца в конец, навещала по очереди всех дворян: бедных и состоятельных, гугенотов и католиков, старых и молодых — цвет своей земли, потомков древнего рыцарства.

Анжелике не составляло труда подыскивать нужные слова для этой потускневшей с годами знати. Она напоминала им о прежних победах, о том, как величаво звучали когда-то их имена.

Она просила этих сеньоров собрать у своих замков крестьян, выходила к ним на каменный балкон или подъезжала верхом на лошади, одетая в черное, и говорила спокойным голосом, понятным языком, который заставлял этих простых людей забыть обо всем и ждать ее распоряжений.

То, о чем она напоминала им, исстари вьелось острой занозой в их сердца. Она вспоминала два ужасных неурожайных года — 1662 и 1663, когда им приходилось есть сено и листья, древесную кору и корневища, когда они дошли до того, что мололи ореховую скорлупу и подбавляли ее к последней пригоршне овса или ржи. Она напоминала им об умерших детях и массовом бегстве крестьян из деревень (в тот год пастух Николя проник, подобно волку, вместе с другими крестьянами в Париж). В том же году в Париже состоялся невиданный по роскоши карнавал, когда король, его брат и принцы появлялись на вечерах, усыпанные драгоценными камнями. А на следующий год, едва они пришли в себя от голода, министром Кольбером был введен налог на соль.

Уже ощутив начало грядущей голодной зимы, крестьяне видели в восстании, к которому она призывала, возможность просуществовать долгие месяцы без налогов. Кроме того, зимой они не были заняты на

работах, и им легче было в этот период сняться с места и бродить по лесам, вылавливая сборщиков налогов и отправляя их в колодцы.

Она говорила им:

— Сеньоры, которые живут рядом с вами, на одной с вами земле — вот ваши настоящие хозяева. Когда вы голодны — они голодают вместе с вами. Сколько раз им приходилось платить десятину, подушную подать и другие налоги — лишь бы не трогали их крестьян.

— Правильно, так оно и есть... — бурчали крестьяне.

— Будьте сегодня с ними. Все вместе вы добьетесь новой справедливости, которая избавит от нищеты.

За оружие взялись многие места: Массой де ля Гионньер, Гуаляр, д'Амбуаз, Шесбрэн де ля Фульер, Обери д'Аспремон, Гросбуа, Гинефоль и другие, менее значительные центры.

Такие города, как Партеней, Монтерей, Дарош, занимавшие выжидательную позицию, в конце концов были втянуты в восстание под воздействием армии протестантов. В них жило большое количество состоятельных людей, недовольных политикой короля. Анжелика сумела подобрать ключ к их сердцам. Из лавок исчезло продовольствие, удерживаемое поставщиками перед голодной зимой. Никакое правительство не могло обеспечить теперь горожан необходимым, и им пришлось примкнуть к восставшей провинции.

Это был район добычи соли, здесь остро сошлись интересы частных предпринимателей и короны. Подпольные торговцы солью Сабля, Понс-ле-Палюда выживали королевскую монополию со своей территории. Теперь же перевес на их стороне казался неоспоримым. В Пуату стало поступать контрабандное продовольствие. Оно беспошлинно провозилось с побережья по лесным рекам. За продукты платили золотом, запасы которого в провинции еще не обеднели. Люди, убедившиеся, что деньги ничего не значат, когда ты умираешь с голоду, спокойно расставались с нажитым.

Власти без особой тревоги ждали вестей из Пуату. Ситуация складывалась в их пользу. Провинция осталась без продовольствия. Но жители Пуату не вымирали.

Все эти долгие снежные месяцы Анжелика переезжала с места на место, не задерживаясь подолгу на каждой стоянке. То были вечера в крестьянских хижинах, у камина возле фамильного герба в старом замке, в домике фермера, в лавке влиятельного торговца. Со всеми она находила общий язык, ее находчивость и сообразительность позволяли повести разговор так, что по его завершении человек неизменно остановился

убежденным сторонником восстания.

Но истинным ее домом, где она могла остаться один на один со своими тяжелыми мыслями, где она могла свободно предаться воспоминаниям, все это время оставались промерзшие лесные просеки, по которым цокали копыта ее лошади и свиты. В числе сопровождавших ее людей был барон де Круассек. Барон дал приют ей и ее уцелевшим слугам. С тех пор этот грузный человек повсюду сопровождал ее вместе с несколькими своими подчиненными.

Крестьяне-протестанты, проживавшие на землях Анжелики, из тех, которые дольше других не решались вступить на путь борьбы, — все присоединились к армии Мориньера. Другие, оставшись под началом Мартина Жене, сформировали некий независимый корпус. Он был устроен так, что каждый его воин жил в своем доме, но в случае необходимости назначался общим сбор, и отряд уходил сражаться. Из обитателей дю Плесси вместе с Анжеликой остались конюх Ален, помощник повара Камилл, старый Антуан, Флипо, Мальбран, ворчащий, но довольный тем, что снова вкусил военной жизни. Аббат де Лесдигьер теперь уже не отходил от Анжелики ни на шаг. Его пугало ее непроницаемое, бесстрастное лицо, ее остановившийся взгляд. Время от времени на нее находило длительное молчание, она переставала замечать окружающих. Она подолгу смотрела на огонь в каминных залах, украшенных по стенам старинным оружием и коврами. Снаружи завывал ветер, расшатывая старые ставни, поскрипывали флюгеры на башнях.

Часто ее навещал герцог де Мориньер. Он никогда не прерывал ее молчаливого созерцания. Его огромная тень прыгала по стенам... Он старался дать побольше огня, чтобы согреть ее хотя бы снаружи. Он продолжал метаться по залу, как зверь в клетке, искоса посматривая на ее отсутствующее лицо. Чуть сзади от нее преданно сидел молодой аббат, которого быстро размаривало у тепла, и он начинал клевать, носом. Но не присутствие молодого человека заставляло де Мориньера бушевать внутренне и срываться с места. Была более серьезная причина — непреодолимое препятствие возникло между ним и этой женщиной, страсть к которой нарастала в нем с каждым днем, и ни его могучая воля, ни его огромная телесная сила не могли ничего поделать с этим препятствием.

Когда Мориньер узнал о нападении на Плесси, он бросился туда через весь край. К чувству бешеного гнева, которое он испытывал после содеянного солдатами, примешивалось новое, почти незнакомое ему чувство — страдание. Мысль о том, что душа надломлена в этой

божественной женщине, что ее красота неизбежно увянет, заставляла его переживать нечеловеческие страдания. Несколько раз он готов был проткнуть себя шпагой, лишь бы не терпеть эти мучения.

Однажды вечером, сидя на ветру на перекрестке дорог у молитвенного камня, этот суровый человек понял наконец, что заставляет кровоточить его сердце и литься из глаз слезы. Он любил ее.

Как только ему удалось остаться с ней наедине, он сделал попытку обнять ее. Она побледнела и пошатнулась, ее лицо исказил ужас:

— Не приближайтесь, не приближайтесь ко мне...

Этот ужас сделал его безумным. Ему хотелось целовать эти губы, которые были осквернены другими, стереть с них невидимые грязные следы, очистить их. Поддавшись клокотавшей в нем страсти, он пренебрег ее просьбой и порывисто обнял ее. Тут же он пришел в себя, потому что Анжелика содрогнулась и обмякла в его руках, лицо ее сделалось блее мрамора. Перепугавшись до смерти, он опустил ее на плиты и позвал на помощь.

Вбежал аббат де Лесдигьер, превратившись из робкого слуги в яростного мстителя.

— Скотина! Как ты осмелился дотронуться до нее?!

Своим стремительным отпором он отогнал великана от лежавшей Анжелики.

— Как вы посмели? Вы разве еще не поняли, что она не в силах вынести... Она не может перенести, чтобы мужчина дотронулся до нее...

В феврале Анжелике довелось снова оказаться в Плесси. Она не могла приблизиться к останкам замка и остановилась у де Крассена. За четыре последних месяца он успел совершить больше, чем за всю предыдущую жизнь. Он ощущал себя преданным слугой Анжелики, готовым исполнить любое ее поручение, и нисколько не стеснял ее своим частым присутствием. В его доме собирались братья Мориньеры и другие руководители обороны Пуату. Было очевидно, что с наступлением весны королевские отряды предпримут генеральное наступление по всем направлениям. Слабее всех выглядел северный участок. Можно ли рассчитывать на бретонцев? Впрочем, они были бретонцы только наполовину, так как жили на этой стороне Луары.

Немного позже по границам области произошли стычки с солдатами. Здесь было меньше всего жителей, и солдаты чувствовали себя увереннее. Отряды короля старались проникнуть в Пуату, зная, что здесь сосредоточен центр восстания. За головы руководителей были обещаны награды.

Глава 2

Несколько недель провела Анжелика в хижине Валентина. Это была низкая лачуга у самой воды с крышей из почерневшей соломы, напоминавшей меховую шапку. Однако внутри было вполне уютно и удобно. Снаружи она была покрыта особым составом, который знали только браконьеры, состоящим из синей глины, соломы и навоза. Этот состав не давал влаге проникать внутрь и предохранял от холода. И когда хозяин протапливал хижину горячим пламенем торфа, внутри становилось настолько тепло и сухо, что не верилось в существование топей, тянувшихся на многие лье вокруг.

В домике только одна большая комната, а сбоку хижина имела маленькую пристройку — стойло, откуда раздавался звон колокольчика козы Валентина, которую он завел здесь, чтобы каждый день иметь молоко и сыры. Там же стояли большая каменная лохань, в которой извивались живые угри, мешок с бобами и луком, бочонок с вином. Здесь, посреди болот, у нее не было больше желания бежать от самой себя, заставлявшего ее до этого часто менять пристанища. Каждую минуту она привыкла ждать нападения. Сюда же не могли добраться никакие солдаты короля. Она решила покинуть болота лишь весной, когда приблизится враг. Ей необходимо будет появиться среди защитников, чтобы поднять из боевой дух, чтобы напомнить каждому о его месте в обороне.

Валентин сообщал ей о последних новостях. Война ощущалась, но стычек не было. Крестьянам не пришлось платить налоги, и худо-бедно каждый был обеспечен. Это воодушевляло жителей. «Хорошо, когда каждый предоставлен самому себе», — говорили они. Теперь им было что защищать — свою свободу, вкус которой они уже узнали.

Они почти не разговаривали друг с другом. Аббат, выздоравливая, лежал наверху, под крышей, и почти все время спал. К его ране на боку прикладывали компрессы из целебных трав, которые ускорили его выздоровление. Но его часто одолевала лихорадка. Он лежал бледный, худой, словно тень. Это было странное сообщество трех совершенно непохожих друг на друга существ: отрешенная от действительности Красавица, угрюмый мельник и придворный священник, бледный и вздрагивающий.

Анжелика спала на папоротниковом ложе, накрываясь тяжелой овчиной. Ей удавалось погружаться в глубокий сон без сновидений и

кошмаров, которые мучили ее со времени той ужасной ночи. Когда Валентин оставался в хижине вместе с ними, он просиживал всю ночь в соломенном кресле возле огня. В его открытых глазах отражались отблески пламени. Его грубое лицо, казалось, оживало. Иногда Анжелика замечала, что он подолгу смотрит на нее.

Она почти не замечала его. Он был для нее не больше, чем далекое воспоминание из детства. Он крошил куски торфа для топки, доил козу, разливал молоко в кувшины для сыра, варил супы и рыбу, подбавляя в варево вина, чтобы улучшить его вкус. Он приносил ей узелки с булками и пирожными с сыром, приготовленными из самой тонкой муки, традиционные пуатинские пирожки, которые едят только на Пасху, с темной обжаренной корочкой и золотистой серединкой ...Анжелика, почему-то чувствовавшая постоянный голод, жадно поела эти редкие угощения. Что-то похожее на улыбку появлялось на лице этого сурового человека, когда он наблюдал за ее трапезой. Когда они пришли на этот крохотный островок, кругом еще царил зима. Но вот со стороны моря подул теплый ветер, он погнал воду на болота, суши стало еще меньше. С моря стали прилетать птицы, высокие тополя, привезенные из Голландии еще Генрихом IV, оживляли болотный пейзаж. Ольха, ива, ясени отражались в черной воде, будто выписанные тонкой кистью художника, Анжелика любила стоять у самой кромки воды и смотреть вдаль через ветви и сучья, через стволы, ровные, как колонны, возвращаясь снова и снова к своим воспоминаниям. Она видела Флоримона, Шарля-Энри и Кантора — три маленьких силуэта, которые тянули к ней руки.

Появлялся аббат, он бежал к ней, шлепая по тине, брал за руку и уводил в дом.

«Забудь о своих сыновьях, ты принесла их в жертву, — твердил ей чей-то тяжелый голос. — Злая, безрассудная! Ты ни за что не должна была покидать Версаль, ты никогда не должна была отправляться на Восток, ты должна была покориться королю, ты должна была стать его...» Она начинала рыдать, повторяя срывающимся голосом имена своих детей, прося у них прощения.

Весна была ранняя. Серое болотное пространство вдруг зазеленело. Кувшинки повсюду выбросили белые бутоны, распространяя запах воска и меда. В воздухе стали появляться стрекозы, выбирая кустики незабудок и мяты. Слетались дикие утки, яркие в брачном наряде. Хлопая огромными серыми крыльями, самцы зазывали самок.

Вдали стали появляться одинокие осторожные лодки. Эти места только на первый взгляд казались безжизненными. На самом деле здесь

обосновались вольные промысловики, среди них — изгнанный когда-то клан де Коллиберов. «На болотах скрываются злые люди, которые не хотят платить налоги ни королю, ни епископу», — когда-то рассказывала кормилица. Эти люди создали здесь что-то вроде независимой республики. Стоял только март, но погода была очень теплая. — Зима благоприятствовала нам, — сказала однажды вечером Анжелика мельнику, — Мы сохранили людей, они верят нам. Мне пора возвращаться.

Валентин поставил на стол кувшин горячего красного вина и чаши. Только что они закончили ужин. Аббат де Лесдигьер поднялся к себе на крышу и лег. В такие часы Анжелика с Валентином садились у очага и пили вино, в котором плавали пряные листья и цветки.

Мельник втягивал в себя напиток шумно, большими глотками. Глядя на его массивный позвоночник, проступавший сквозь серую рубаху, на его огромные башмаки, обитые железом, она подумала, что он не похож ни на буржуа, ни на крестьянина.

Он посмотрел на нее поверх своей чаши, глаза его оставались холодными и серыми.

— Ты решила отправиться?

— Да, мне необходимо знать, сколько у нас людей. С летом придет война.

Он осушил еще одну чашу, третью, его дыхание участилось. Он поставил чашу на стол и встал напротив Анжелики, опустив руки, пристально на нее глядя.

Удивленная его поведением, она протянула ему свою чашу, показывая, что она пуста.

— Поставь ее.

Он взял чашу и снова устремил на нее свой тяжелый взгляд. Его изъеденное оспой лицо покраснело, рот был приоткрыт, и Анжелике были видны его пожелтевшие зубы.

— Я пойду спать, — пробормотала она и сжала в волнении ручки кресла, на котором сидела.

Он сделал шаг к ней навстречу.

— Я положил сверху свежего камыша, чтобы постель стала мягче. Он наклонился к ней, взял ее руку в свою и посмотрел на нее умоляющим взглядом.

— Пойдем со мной...

Анжелика отняла свою руку, точно обжегшись.

— Что на тебя нашло? Ты с ума сошел!

Она встала напротив него, взволнованно глядя в его пустые глаза,

Всякий мужчина внушал ей сейчас непреодолимый ужас, и этот ужас мешал ей взять себя в руки. В глазах мельника она различала опасный огонь, слабый пока, но разгорающийся.

— Валентин, не трогай меня!

Он возвышался над ней, немного сгорбленный, с полуоткрытым ртом, делающим его похожим на глупого телка, — с таким выражением он всегда да смотрел на нее и раньше.

— Я не хуже других, — приглушенно произнес он. — Я люблю тебя всю свою жизнь, я отдал ее тебе, потому что ты околдовала мое сердце. Я устал ждать этого часа. Я думал, что он никогда не настанет, но теперь я знаю, что ты можешь быть моей.

Она слушала его слова, произносимые им на местном клокочущем наречии, но не понимала их смысла.

Он подошел к ней вплотную и опустил руку ей на плечо. Она высвободила плечо и толкнула его обеими руками в лицо.

— Оставь меня, мужлан!

Валентин вздрогнул и нахмурился. Он превратился в нелюдимого обидчивого мельника, которого крестьяне изгнали из своей среды за жестокий и нетерпимый нрав.

— Как в тот раз, — проворчал он. — Как в тот раз ночью... Ты не изменилась, но это теперь не важно. Сегодня я не боюсь тебя. Этой ночью ты будешь моей.

Затем он грузно повернулся, подошел к столу и налил себе еще вина.

— Я не спешу, — сказал он. — Учти, что я не прощаю оскорблений. Ты разбила мое сердце и должна заплатить мне!

— Пойми меня, Валентин, — сказала она дрожащим голосом. — Я не презираю тебя. Но, даже если бы ты был сейчас самым королем, я все равно отказала бы тебе. Я не могу вынести сейчас мужского прикосновения, я больна.

Валентин с большим вниманием выслушал ее. Потом вытер губы от вина тыльной стороной ладони.

— Наверно, ты обманываешь меня. Находились же люди, чьим рукам ты с удовольствием давала ласкать себя. Вынесла же ты прикосновение того, кто подбросил тебе плод в живот.

— Какой плод? — она посмотрела на него так озадаченно, что он на мгновение растерялся.

— Вот так раз! Да тот, что ты носишь! По которому я и догадался, что ты не фея. Феи не могут иметь детей от человека, об этом мне говорили старики.

— Какой ребенок?! — вскричала она.

Словно пропасть разверзлась у нее под ногами. Анжелика зашаталась. Вот чем объяснялись судорожные подергивания ее внутренностей, которые она принимала за болезненные проявления. Теперь она безошибочно узнала в них трепетание будущего существа.

— Только не убеждай меня, что ты ни о чем не догадывалась, — раздался недовольный голос мельника. — Ты носишь его уже пять или шесть месяцев.

Пять или шесть месяцев?! С осени!.. Озаренная пожаром ночь в Плесси, выстрелы, кровь, убийства, рыдания детей, вой женщин, драгуны... Борьба и муки, бессилие и поругание. И через пять месяцев ужасный след...

Она издала душераздирающий крик раненого животного.

В течение всех этих месяцев, пока она, забыв о себе, объезжала верхом Пуату, в ней созревал этот демонический плод. Пять месяцев она отгоняла от себя телесные ощущения, стараясь забыть о перенесенных муках.

Теперь она узнала правду. В ней развивалось чудовище, оно раздвигало ее платье и корсет.

Валентин продолжал смотреть на нее растерянно и недоверчиво. В комнате сделалось так тихо, что были слышны всплески мелкой рыбешки, выпрыгивающей из воды рядом с домом.

Мельник снова пошел на нее. Она увернулась от его протянутых рук и отбежала в дальний угол, по там Валентин настиг ее. У нее не было сил кричать. Он обхватил ее руками и стал тащить к лежанке.

В этот момент тяжелый удар потряс дверь, Деревянная задвижка отлетела, и в комнату, наклонясь, вошел Самюэль де Мориньер. Он бросил молниеносный взгляд вокруг себя и зарычал, увидев борющуюся пару.

С тех пор как Анжелика исчезла, герцог не находил себе места от тревоги за нее. Ему сообщили, что она находится в плену у изгнанного мельника, который очарован ею и держит ее у себя на недоступных болотах. Мориньера душила ревность. Откуда на его пути взялся этот мельник-папист? Почему женщина благородного происхождения согласилась остаться под кровом простолюдина? Он без предупреждения ринулся на болота.

И вот он нашел ее в лапах этого грубого мужика.

— Я перережу тебе горло, выродок, — прохрипел он, хватаясь за кинжал.

Валентин успел уклониться от удара. Он пригнулся и отбежал на другую половину комнаты так, чтобы между ним и ворвавшимся гугенотом оказался стол.

— Вы не получите ее, — прерывисто, но грозно произнес Валентин.
— Она моя!

— Пададь, я выпотрошу твои кишки!

Мельник был такой же высокий и плотный, как и Мориньер. Но он был без оружия. Он начал медленно перемещаться в сторону, не сводя глаз с нападающего. Мориньера трясло от ярости, он подстерегал неосторожное движение Валентина, чтобы проткнуть его.

Валентин шарил рукой, пытаясь схватить длинную рукоять топора, которую Мориньер не мог разглядеть из-за сундука.

Анжелика уже была у лестницы на чердак. Она взобралась наверх и склонилась над аббатом, чтобы разбудить его. Он спал, как убитый. Она вцепилась в его рубашку и закричала изо всех сил:

— Аббат! Они дерутся! Они дерутся из-за меня!

Едва продрав глаза, молодой человек с удивлением смотрел на взволнованное лицо, освещенное светом старой лампы, подвешенной к балке.

Он протянул к ней руки:

— Ничего не бойтесь, мадам, я с вами.

Внизу раздался нечеловеческий рев, потом тяжелый стук падающего тела.

Аббат вынул шпагу, поднялся с ложа и пошел к лестнице. Они посмотрели вниз и увидели распростертое на полу тело Патриарха. Его черен был пробит, во взлохмаченных волосах зияла глубокая красная рана.

Около стола стоял Валентин и допивал очередную порцию вина. Перед ним валялся окровавленный топор. Его серые штаны были забрызганы кровью.

Глава 3

Он заметил Анжелику и поставил кувшин с вином.

— Так будет с каждым, кто посмеет отобрать у меня мою принцессу, — изрек он обидчивым голосом. — Пусть драгуны сунутся сюда, я перебью их всех до одного... Теперь ты моя! Теперь ты не скроешься от меня!

Он направился к ней, ноги его заплетались. Он был опьянен вином, совершенным убийством и страстным желанием обладать ею.

Путь ему преградил аббат де Лесдигьер. Он заслонил Анжелику и выставил перед мельником свою шпагу.

— Посторонитесь, господин, — сказал он спокойным голосом.

— Уходите, аббат, — приказал Валентин. — Эти вещи вас не касаются. Ваше дело — молиться. Уходите.

— Оставьте эту женщину в покое.

— Она принадлежит только мне.

— Она принадлежит Богу. Отступитесь от нее, покиньте этот дом. Иначе вы распрощаетесь с жизнью.

— Оставь свои проповеди, аббат, дай мне пройти.

— Именем Бога и Святой Девы я приказываю вам отступиться.

Острие шпаги сверкнуло голубоватым блеском.

— Не приближайтесь, — прошептал аббат, — не приближайтесь, я предупреждаю вас.

Валентин бросился вверх по лестнице и отшатнулся, схватившись за бок. Он отбежал к очагу и опустился перед ним. Вдруг он стал звать:

— Отпустите мне грехи, аббат! Скорее, я умираю! Я не хочу умереть, совершив смертный грех...

Его крики заполнили хижину. Постепенно они утихали, сменяясь хрипом и стоном агонии. К ним примешивался монотонный голос аббата. Священник читал молитву, стоя на коленях возле умирающего.

Анжелика не могла шевельнуться. Аббат был вынужден один вытащить два огромных тела, протащить их до края островка и столкнуть в воду. Когда он вернулся, женщина продолжала сидеть в том же положении. Он старательно запер дверь и набил потухший очаг торфом. Подойдя к Анжелике, он взял ее за руку, чтобы подвести к креслу у очага.

— Сядьте, мадам, — сказал он вполголоса. — Вы должны согреться.

— Человек, который привез сюда герцога, убежал; я слышала всплеск

его лодки. Это был один из Коллиберов. Он выдаст.

Она долгим взглядом посмотрела на аббата.

— Он сказал, что я жду ребенка!

Молодой человек, покраснев, опустил лицо. Анжелика с яростью схватила его за плечо.

— Вы это знали и ничего не сказали мне!

— Но, мадам, — лепетал он, — я полагал...

— Я сошла с ума, я сошла с ума... Как я могла не заметить!

Она и вправду было решила, что сошла с ума. Аббат хотел взять ее за руку, но она отстранилась. В этот момент в ней пошевелился тот самый плод. Анжелика подумала, что лучше быть съеденной заживо лесным хищником, чем носить в себе зародыш чудовища.

В отчаянии она стала колотить себя кулаками, рвать на себе волосы, она хотела броситься в болото. Наконец, выбившись из сил, она затихла. Лицо ее снова приняло отрешенное выражение, но аббат все же не решался оставить ее одну. Он решил, что она убедила себя покончить с жизнью и сделает это, чего бы ей это ни стоило. Но она вдруг улыбнулась ему:

— Идите спать, мой милый, вы сами едва держитесь на ногах.

Ее рука жалостливо погладила его по темным волосам, которые обрамляли узкое лицо подростка с добрыми глазами, в которых она читала выражение страдания и обожания.

Она прижала его к груди, сознавая, что, кроме этого чистого, любящего ее юноши, у нее больше никого не осталось.

— Бедный мой ангел-хранитель... Идите спать.

Он поцеловал ее руку и удалился, все еще взволнованный, но до того утомленный, что, едва добравшись до чердака, свалился замертво на лежанку.

Когда рассвело, она осторожно поднялась, завернулась в свою дорожную накидку и вышла из хижины. Лодка мельника была привязана цепью к кольцу, торчащему из стены. Она направила лодку к открытой воде. Еще не до конца рассвело. Вокруг просыпались болотные птицы, до Анжелики доносился их утренний говор.

Она подумала об оставленном аббате. Он проснется и будет тщетно звать ее. Но он не сумеет догнать ее и помешать сделать то, что она задумала.

На горизонте появилось солнце. Молочный туман превратился в золотое покрывало, становилось тепло. Анжелика слегка заплутала среди извилистых берегов цвета полыни и жемчуга, но в разгар утра уже добралась до твердой земли.

Глава 4

— Ты сделаешь это, Мелузина, иначе я прокляну тебя.

Анжелика держала старуху за худые плечи. Они выглядели со стороны, как две дерущиеся ведьмы, и каждый, встретивший их в лесу, пустился бы бежать со всех ног.

— Мое проклятие посильнее твоего, — сквозь зубы шептала Мелузина.

— Если я умру, я буду сильнее тебя. Я лишу тебя всей власти, потому что если умру, то по твоей вине, из-за того, что ты не даешь мне лекарства. Я заколю кинжалом плод в своем животе, а заодно и себя саму.

— Хорошо, — успокоилась вдруг старуха. — Отпусти меня.

Она новела сухими плечами, поправляя на спине мешковину, служившую ей одеждой. Затем вошла с Анжеликой в свое логово, где на огне бурлила вода. Она остановилась в нерешительности перед котлом и стала бросать в него сушеные листья и травы, доставая их из мешочков, висящих на стенах.

— Слушай меня ...Дело затянулось, через два месяца тебе пришлось бы родить ...Если ты сейчас выпьешь мой отвар, то можешь умереть сама.

— Я не боюсь этого. Я должна освободиться от него.

— Как знаешь... В таком случае, это будет уже не по моей вине. Тогда ты не должна меня беспокоить из царства теней.

— Обещаю тебе.

— Я не хочу твоей смерти. Будем надеяться, что ты достаточно молода и крепка, чтобы выдержать это снадобье. Я научу тебя, как им пользоваться. После того как ты его выпьешь, ты должна пойти к Волшебному Камню. Это заколдованное место, духи помогут тебе.

Варево было готово лишь к вечеру. Мелузина черпнула деревянным ковшом черной жидкости и подала Анжелике, которая все выпила до капли. Она вздохнула с облегчением, несмотря на то, что ей еще предстояло мучиться несколько часов. Она направилась к выходу, чтобы идти к Волшебному Камню. Старуха шла следом, шепча заклятия. Потом она протянула Анжелике два ореха.

— Если тебя замучают боли, расколи один из них, и боль пройдет. Когда же ребенок выйдет из тебя, положи его на, Волшебный Камень и укрой омелой.

Анжелика пошла по тропинке, молодая трава везде проступала сквозь

опавшую листву. Все было зелено и свежо. Она достигла вершины холма, на котором находился заветный камень, чернеющий в наступающей темноте. Прошлогодние листья шуршали у нее под ногами, она наслаждалась запахами дубов, выстроившихся, подобно стражам, вокруг поляны. Их грозные корневища были покрыты косматым мхом, а толстые ветви напоминали узловатые руки. В этот день солнце светило по-летнему, и поэтому вечер был теплый. Кругом стояли тишина и покой. Она подняла глаза к темному, но ясному небу и стала пристально смотреть на звезды.

Сюда приходила она со своими друзьями в далекой юности. Они танцевали и распевали свои детские песенки и выкрикивали заклинания, пытаясь созвать к себе лесных фей и домовых, которых мечтали увидеть хотя бы один разок. Она, будто наяву, услышала их звонкие голоса и стук деревянных башмаков по камню...

Анжелика устроилась на сером камне. Тело ее начало ныть, подступили боли, Она тяжело дышала, тревожась, сумеет ли перенести приближающийся приступ.

— Это должно пройти скоро, — успокаивала она себя, стирая пот с холодного лба.

Слезы непроизвольно текли из ее глаз, в них отсвечивал блеск луны. Звезды замерли на небосводе, будто безмолвно наблюдая за ее страданиями.

Она перестала стонать, измученная и опустошенная. От ветра закачались над ее головой ветви, и отсветы луны зашевелились на камне. Стволы дубов показались ей крадущимися тенями. Вон та тень — это разбойник Николая, а та — Валентин, сжимающий свой топор, а самая ближняя, приближающаяся к ней тень — Черный гугенот, его глаза — как два горящих угля, обрамленные черной бородой, а на лбу — зияющая рана...

Вспомнив о спрятанных орехах, которые ей дала колдунья, она достала их из кармана. Она расколола один и медленно разжевала. Через некоторое время боль отступила, она будто притаилась где-то внутри, приглушенная, собираясь вскоре вернуться. Анжелика съела второй орех из страха, что не выдержит близких мучений.

Когда она проснулась, было уже утро. Лес стал прежним ее другом. Всюду пели птицы, одна из них щебетала на кончике ветки совсем рядом.

Она не чувствовала внутри себя никакого движения. Она решила встать, но тело ее, казалось, налилось свинцом. Ей пришлось долго сидеть на камне, упираясь в него вытянутыми руками. Но все вокруг казалось ей дружелюбным, веселым, она наслаждалась жизнью.

Понемногу туман в ее голове рассеялся, она пыталась найти объяснение исчезновению плода.

— Не помогло! Я напрасно страдала! Проклятье!

Она не освободилась от позорного плода. Приступ ярости снова овладел ею. Она стала лупить себя кулаками, биться лбом о камень.

Спрыгнув с камня, она побежала обратно к колдунье, которую ей от гнева хотелось задушить.

Колдунья не удивилась, увидев ее. Спокойным и важным голосом она изрекла;

— Люди знают уже о твоём грехе. Что с тобой случится, если ты подождешь два или три месяца? Ребенок выйдет из тебя все равно, хочешь ты этого или нет. Это будет твой единственный ребенок... Ты поступишь с ним, как захочешь. Приходи ко мне, когда придет время, я помогу тебе. А потом можешь бросить его в Венду с высоты Великаньего Горла или подбросить кому-нибудь под дверь...

— У меня не хватит смелости ждать так долго.

Но она уже поняла, что старуха права.

Она покинула лес и присоединилась к братьям герцога де Мориньера. Она нашла их в одном из замков возле Брессюира. Они не решились расспрашивать ее об обстоятельствах смерти своего старшего брата, предводителя всех гугенотов. Холодность Анжелики пресекала все попытки вступить с ней в разговоры о нем. Ее беременность стала уже очевидной для всех, и Анжелика не старалась ее скрыть. Она держала себя настолько отчужденно, что отбивала желание кого-либо спрашивать об отце будущего ребенка. Братья де Мориньеры считали, что им, несомненно, является Патриарх, и относились к ней с большим почтением.

К ней снова присоединился аббат де Лесдигьер. Они не обмолвились ни единым словом о происшедшем в хижине, и молодой священник занял прежнее место в ее свите.

Природа оживала, людей охватывало томительное волнение, на приграничной полосе участились стычки. Неутомимая женщина носилась на коне по всей провинции, сопровождаемая верными сподвижниками. Люди говорили, что везде, где она побывала, удача сопутствовала повстанцам.

К июлю она вернулась в леса Ниеля, чтобы исчезнуть для всех на несколько дней.

Глава 5

Анжелика неистово гнала лошадь к лесу, где жила Мелузина. Потом она оставила лошадь на ферме у знакомой женщины и припустила в чащу. Под деревьями было прохладнее, чем в полях, но ей предстоял еще долгий путь. Она с тревогой думала, что не успеет достичь тропинки, ведущей в грот к колдунье, и свалится на полпути, как раненое животное.

Старуха издали услышала ее торопливые шаги и сразу приняла на соломенную подстилку. Она едва успела приготовить тряпки — ребенок появился на свет легко и быстро. Анжелика приподнялась, чтобы посмотреть на ужасное создание, преступно зачатое. Она была готова к тому, что увидит страшного уroda, который только и мог родиться после всего происшедшего с его матерью.

— Посмотри, Мелузина... Это выродок... Он беспольный. Колдунья растерянно посмотрела на нее из-под белесых ресниц:

— Что ты? Ведь это девочка!

Анжелика откинулась на солому и непроизвольно рассмеялась.

— Ох, до чего же я глупа! Я не могла подумать об этом! У меня рождались до сих пор одни мальчики. Да, три мальчика, три сына... Теперь их больше нет у меня, ни одного... Девочка! Это забавно!

Ее смех перешел в рыдания, такие же внезапные, как грозовой ливень. И почти тотчас она заснула, вся в слезах, забылась глубоким сном. Колдунья, наблюдавшая за ее лицом, заметила выражение невинности.

Спокойствие, воцарившееся в ее теле во время сна, не оставило ее и после пробуждения. Ее взору предстала очаровательная картина: на траве паслась стройная лань со своим малышом. Вероятно, она не раз встречала гостеприимство у грота, потому что близость человека не отпугивала ее. Затаив дыхание, Анжелика долго наблюдала за ней, и только тогда, когда грациозное животное исчезло, она потянулась со вздохом. Теперь она понимала, какое умиротворение может найти в глухом лесу женщина в полном одиночестве, сердце которой кровоточит незаживающими ранами. Вот так и становятся лесными колдуньями.

Ближе к вечеру ее разбудил другой шум, и она легко поднялась с лежанки, прислушиваясь к тонкому повизгиванию, которое, однако, не могло принадлежать зверю.

— Она хочет есть! — поднимаясь и направляясь в глубину грота, сказала старуха.

Она вышла оттуда, неся в руках бесформенный сверток. Из обрывков красной ткани доносились эти странные крики. Анжелика в полном замешательстве смотрела на старуху.

— Как?! Она живая?! Но мне показалось, что она не закричала при рождении...

— Да, она родилась без крика. Но теперь она кричит. И просит есть.

Мелузина попыталась пристроить ребенка у груди матери. Анжелика рывком отодвинулась от свертка. Глаза ее расширились от ужаса.

— Нет! — вскричала она. — Нет, ни за что! В ней течет моя кровь, но она не получит моего молока. Мое молоко предназначено для маленьких дворян, а не для безродных детенышей солдафонов! Забери ее, Мелузина. Я хочу забыть про нее... Дай ей воды или еще чего-нибудь, чтобы она замолчала, но не показывай ее мне больше.

Ночью Анжелика стала бредить. Она лежала в полузабытьи и рассказывала о той роковой ночи в Плесси, о том, что она видела во время героической защиты замка в тот момент, когда драгуны распяли ее на полу, о том, как они убили ее последнего сына, о том, что открылось перед ней, когда она очнулась в разгромленном доме.

— Да, да, я припоминаю, — бормотала старуха, дежурившая около ребенка, сидя у очага. — Когда я повстречала его осенью на опушке, я увидела знак смерти над белокурым ребенком.

На другой день Анжелика проснулась рано и стала спешно собираться в дорогу. Непрекращающиеся крики младенца выводили ее из себя.

— Подай мне ее, — сказала она неприязненным тоном.

Старуха подала ей сверток с новорожденной. Из тряпок доносился надрывный плач. Анжелика резко взяла сверток и пошла к выходу, Мелузина остановила ее.

— Выслушай меня, дочь... Не надо убивать ее...

— Не беспокойся, — нетерпеливо перебила Анжелика. — Я этого не сделаю.

— Она помечена свыше... Смотри.

Старуха отвернула конец тряпки и показала Анжелике худенькое плечико, на котором темнела крупная родинка в форме звезды.

— Дети, помеченные таким знаком, находятся под особым покровительством небес.

Анжелика, не ответив ни слова, запахнула тряпку и вышла. Мелузина вновь остановила ее.

— Я даже могу назвать имя этого редкого знака. Это — Нептун...

— Нептун?

— Морской владыка! — задумчиво произнесла колдунья, и глаза ее загорелись необыкновенным светом.

Молодая женщина пожалала плечами и скрылась за деревьями.

Несмотря на слабость, она без труда пересекла дремучий участок и по холмам вышла из леса. Ей не терпелось поскорее сбыть с рук этот страшный груз.

Через пару часов пути Анжелика решила сделать привал в хижине сапожника. Сапожник, очевидно, встречал ее раньше, но не мог ей об этом сказать, так как был глухонемой. Он жил со своим десятилетним сыном, тоже глухонемым. Они дали Анжелике молока с хлебом. Она размочила в молоке мякиш и вложила его в беззубый ротик младенца, который сразу перестал кричать. С трудом она сама сделала несколько глотков. Отдохнув немного, она отправилась дальше. Мимо ехал дилижанс, и она попросила кучера взять ее. Повозка доставила их не в самый город, а в ближайшую от него деревушку. К концу поездки ребенок снова стал плакать.

— Дай ему грудь, — сказал один из раздосадованных крестьян.

— У меня нет молока, — сухо ответила она.

— Подъезжаем, потерпите, — сказал кучер, указывая хлыстом на видневшиеся вдали колокольни.

Фонтеней-ле-Комт был в руках восставших. Но Анжелике не хотелось, чтобы ее узнали, ее, посетившую город для того, чтобы подбросить своего ребенка, ее, известную как предводительницу всего Пуату, решения которой возводились в ранг законов.

Руки ее устали от непривычной ноши. Она медленно брела по полям, изнемогая от непрекращающегося крика.

Спускались сумерки, она повернула к городу, темный силуэт которого растянулся по горизонту. Перед воротами она еще раз в неуверенности остановилась, подобно степному волку, которого страшат городские шумы. Ей казалось, что крики ребенка привлекут внимание всех жителей.

Анжелика знала, что детский приют находится на площади Пилори, возле городской гостиницы. Число подброшенных детей так возросло за последнее время, что монастырь уже не мог всех принять, и для них был создан городской приют. Сюда же приходили рожать бедные горожанки.

Анжелика не решалась приблизиться к дверям, смущенная взглядами прохожих, которых привлекал крик девочки. Она свернула на боковые улочки и стала ждать глубокой ночи. На заднем дворе приюта она нашла то, что искала. Это место было расположено в глухом тупике, чтобы те, кто сюда приходил, не испытывали стыда перед согражданами. В полной темноте горел крохотный масляный светильник, висевший сбоку от статуи

юного Иисуса. Под ним стояла тумба с углублением, выстланным соломой. Анжелика положила в углубление своего ребенка и потянула за цепочку колокольчика. Услышав за дверью его слабое дребезжание, она отступила в темноту.

Из глубины улочки она наблюдала за дверью, содрогаясь от волнения и опасаясь погони. Наконец дверь заскрипела. Анжелика уловила какое-то движение возле тумбы, после чего крики новорожденной исчезли за дверью.

Она брела по городу медленными шагами. Надо было обо всем забыть, примириться с участью одинокой, затравленной женщины. Надо было поднять голову и вспомнить, что главная битва впереди.

Глава 6

Часовня Сен-Оноре, построенная, чтобы обслуживать проезжающих, своим видом напоминала черты, свойственные всему краю: она была темной, как пещера, приземистой, как старый дуб, была украшена странными изваяниями вымышленных животных и таинственных существ с длинными бородами и глазами улиток.

В этой часовне Анжелика назначила встречу главным руководителям мятежа, чтобы обсудить план летней кампании. Ей еще раз удалось объединить под одной крышей католиков и гугенотов, уговорить их не вступать в традиционную перебранку ради общего дела.

Тотчас после возвращения из Фонтеней-ле-Комта она распорядилась отправляться в Гатин. Ей хотелось избавиться от тяжелых воспоминаний. Однако не так просто было забыть о нарушении природного инстинкта. Особенно сильно страдала она по ночам: среди ночи ей мерещился визг голодного ребенка...

Однажды ночью во сне к ней явился Святой Оноре. Он сказал, в ужасе обхватив голову руками: «Что ты натворила?! Найди и верни ее немедленно, иначе она умрет!»

Близился рассвет, становилось холодно, но пот с нее лил ручьями. Все тело ломило от болезни. Она подошла к небольшому фонтану и сполоснула лицо водой, потом сделала несколько глотков. Ей стало легче.

«Когда кончится у меня молоко, я перестану думать об этом ребенке», — сказала она себе.

К середине утра дозорный сообщил о приближении экипажа. Все бросились в укрытие, но следы лагеря были слишком заметны, поэтому Анжелика послала Мартина Жене с несколькими крестьянами, чтобы они остановили экипаж. Им надо было проверить, кто едет в нем, так как провинцию наводнили шпионы.

Экипаж остановился, и Анжелика услышала доносившиеся с его стороны веселые голоса посланных ею людей. Она подошла к ним, чтобы посмотреть, что происходит.

Это была убогая повозка, запряженная тощей клячей. Кучер, старый беззубый человек, был так напуган крестьянами, что не мог произнести ни слова. Когда они приподняли лохмотья полога, в нос им ударило зловоние, и они обнаружили там сбившихся в кучу трех толстых женщин с потными, красными лицами и груды младенцев, копошащихся в соломе, словно

крольчата.

— Куда вы едете?

— В Пуатье. Нам следовало бы ехать через Партеней, но нам сказали, что там расположились солдаты. Поэтому мы поехали в обход, чтобы оказаться на спокойной дороге. Если бы мы знали...

— Откуда вы едете? — спросила Анжелика.

— Из Фонтеней-ле-Комта.

Увидев женщину, самая высокая из задержанных воспряла духом и с готовностью пояснила:

— Мы кормилицы из приюта в фонте ней. Нас отправили отвезти этих малюток в Пуатье, потому что в нашем заведении их уже достаточно...

— Пропустим их, — сказал Мальбран, — с них нечего взять, кроме молока, но я думаю, им есть на что употребить его.

— Вы верно говорите, господин, — обрадованно улыбнулась кормилица. — На нас троих приходится двадцать крошек. И молока хватает только на половину, а остальных приходится кормить вот этим...

Она вытащила из тряпок кувшин, в котором хлеб был размочен водой, смешанной с вином.

— Кое-кого из них придется оставить по дороге. Одна уже вот-вот умрет. В ближайшей деревне мы отдадим ее кюре, чтобы он похоронил малютку.

Она указала на младенца, который лежал, не шевелясь, завернутый в красные тряпки.

Повстанцы поморщились и отошли от повозки.

— Хорошо, можете ехать. Но держите язык за зубами, особенно на равнине, не говорите никому про нас.

Женщины клятвенно обещали не проронить ни звука о встрече.

— Пошел, кучер! — Мальбран хлопнул ладонью по крупу пригорюнившейся лошади.

— Нет, постойте.

Кровь отхлынула от лица Анжелики. Еще когда женщина сказала: «Мы едем из Фонтеней-де-Комта», она уже знала, почему этой ночью к ней являлся Святой Оноре.

Она нашла в себе силы, подошла к повозке и наклонилась над ребенком, указанным кормилицей. Он был завернут в красные тряпки, хорошо ей знакомые. Она взяла дитя на руки.

— Теперь поезжайте.

— Что вы собираетесь сделать с ней, госпожа? Я же сказала вам, что она почти умерла.

— Поезжайте, — повторила Анжелика таким суровым голосом, что женщина спряталась в фургон и задернула полог.

Деревянной походкой Анжелика отошла от недоумевающих крестьян. Ноги ее дрожали, и она вынуждена была присесть на камень.

Чья-то рука легла на ее плечо. На нее смотрели преданные темные глаза молодого аббата. Взгляд его выражал понимание и сострадание.

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Я узнала девочку по знаку на ее плече и по красной ткани, в которую она завернута.

— Вы окрестили ее, прежде чем покинуть?..

— Нет. Но она, кажется, уже умерла...

— Кажется, еще нет. Как вы хотите ее назвать?

— Мне все равно.

Он посмотрел в сторону часовни.

— Святой Оноре вернул вам ее. Мы назовем ее Онориной.

Аббат погрузил руку в фонтан, зачерпнул воды и побрызгал лоб ребенка, начав шептать молитву. Слова молитвы, как казалось Анжелике, были обращены к презренному существу, зачато в грехе, поэтому ее поразило величавое спокойствие, с которым Лесдигьер делал свое дело.

В конце он изрек:

— Будь светом, Онорина, в этом сумрачном мире, в котором тебе суждено было родиться. Пусть твои глаза будут замечать только красивое, только доброе...

Анжелика не смогла выдержать его спокойный, но твердый взгляд. Аббат взял ее под руку и повел к лагерю.

— Как вы можете относиться с презрением к существу, в которого вдохнул жизнь Создатель?

— Нет, не просите меня об этом.

— Вы одна можете спасти ее. Вы — ее мать.

— Нет, нет.

Сожаление и укор были написаны на лице аббата.

— Боже! — воскликнул он. — Зачем ты создал этот мир?

Он ускорил шаг и скрылся в часовне. Зайдя туда вслед за ним, она увидела де Лесдигьера, стоящего на коленях перед образом и молящегося в полный голос.

Вдруг она ощутила слабое движение у себя на руках. Это шевельнулась ожившая Онорина. Анжелика нерешительно прижала ее к груди.

Глава 7

Лошади шли на поводу, разбрасывая копытами шуршащую листву. Они вышли из-под утесов и стали огибать болотце. В нем было много воды, и оно поблескивало, будто озеро, в лучах уже нежаркого солнца, светившего через поредевшие кроны. Опадали последние листья. Они наполняли лес тихим шуршанием.

Внезапно подул резкий ветер, всколыхнувший последние листья, и золотисто-оранжевые краски сразу поблекли. На смену скоро придет тусклый пейзаж ноября.

Она подождала, когда с ней поравняется аббат де Лесдигьер, и обратилась к нему:

— Вы не находите забавным, что руководитель военных действий временами превращается в кормилицу, а его помощник — в няньку?

— Вам это ничуть не мешает вести наши войска к победе, мадам. Я даже верю в то — да и не я один — что этот ребенок приносит нам счастье.

И он с гордостью кивком указал на Онорину, спящую у него на руках. Лука седла или бережные руки мужчин — именно в них приходилось ей видеть своя детские сны, пока не приходило время кормления и ее не отдавали в руки матери. Анжелика вернула ее к жизни своим молоком. Душа матери тоже успокоилась. Теперь она не мучилась при мысли о том, что принесла своих детей в жертву, Ее ребенок был с ней, и она делала все возможное, чтобы обеспечить девочке необходимый уход.

Часть забот приняли на себя ее друзья. Они с охотой взялись помочь своей гордой госпоже с ее несвоевременным, но любимым всеми ребенком. У кого бы она ни находилась, с приходом ночи девочка начинала плакать и успокаивалась только тогда, когда Анжелика брала ее к себе. Это были единственные руки, где малютка чувствовала себя в полной безопасности.

— Мне не верится, что в таких условиях, с ребенком на руках, мне удастся руководить отрядами.

— Люди безоговорочно верят вам. И тем сильнее их вера в вас, чем больше побед мы одерживаем.

Лицо Анжелики потемнело:

— Успехи? Победы? Вы переоцениваете их. Еще ничего не ясно. Войскам короля не удалось этим летом захватить Пуату, но мы продолжаем жить в осаде. Новая зима не будет повторением предыдущей. Большое количество земель осталось невозделанным. Голод сломит дух

мятежников. Вот на что рассчитывает король.

— Убедите людей в том, что, если они перенесут эту зиму, победа будет за нами. Король не может позволить себе так долго иметь в своем тылу неподвластную провинцию. Приостановлено развитие всей страны, его власть пошатнулась. Ему остается либо уступить, либо залить провинцию кровью. Но у нас всегда есть возможность отступить в леса.

— Вы говорите, как настоящий стратег, аббат, но совсем не как священник, — усмехнулась Анжелика. — Что бы сказали о вас ваши старшие наставники, если бы услышали наш разговор?

— Они прекрасно осведомлены о том, что я происхожу из древнего рода де Лесдигьеров, закоренелых гугенотов, которые слишком долго не покорялись королевской власти.

Он засмеялся. Ветер трепал его темные локоны, обрамлявшие впалые щеки. Вся его одежда была покрыта толстым слоем пыли и уж никак не позволяла разглядеть в нем служителя церкви.

— Господин аббат, — сказала Анжелика серьезным тоном, — послушайте меня. Вы не должны больше оставаться возле меня. Поневоле я втянула вас в сомнительную историю, которая не вяжется ни с вашим призванием, ни с саном. Возвращайтесь в круг близких вам по духу людей. Я думаю, что никому неизвестно, что вы были все это время со мной.

Молодой человек вскипел от холодности ее слов:

— Вы прогоняете меня, мадам?

— Нет, и вы это хорошо знаете. Но наше странное существование... Ваше место среди процветающих, а не среди изгнанников.

— Я сам вправе выбирать себе место, мадам. Если вы беспокоитесь только о моем благополучии, то вам не о чем тревожиться, потому что только возле вас я ощущаю полноту жизни. Ради вас я готов на все.

Анжелика плотно сжала губы и стиснула пальцами поводья.

— Не пытайтесь оправдать мои поступки, — жестко сказала она. — В них нет ничего, что можно было бы простить. Я всего лишь ненавидимая и изгнанная женщина, которая не видит предела своей ненависти.

— Вы не боитесь быть проклятой?

— Это слово отныне лишено смысла для меня, Я знаю только одно: без того огня ненависти, что, не ослабевая, горит во мне, я не могла бы жить теперь.

Она видела, какое гнетущее впечатление произвели на аббата ее слова, поэтому она поспешила добавить:

— Вы зря переживаете за мою судьбу, аббат. Я жила в Версале среди многочисленных удобств и почестей, но всегда понимала, что такая жизнь

не для меня. Я чувствовала себя деревенским, лесным созданием, для которого высшее благо — бежать босиком по дубравным тропинкам. Я побывала в среде парижских бродяг и воров. Флипо не рассказывал вам о том времени, когда я познакомилась с Великим Коэсром, королем нищих? Я исходила все дороги, испытала все лишения, все тюрьмы, я ползала на коленях по бескрайним дорогам Рифа. Меня так долго носило по свету, что я отвыкла иметь крышу над головой. Но не отчаивайтесь, аббат. И... покиньте меня. Я приношу несчастья тем, кто меня любит.

Лошади спускались по каменистому склону, их путь лежал к замку Гордона де ля Гранжа.

Вскоре появился сам замок, по углам его возвышались башни, едва виднеющиеся из-за деревьев парка.

Путешественникам не было нужды предупреждать обитателей замка о своем появлении. Никакая засада не могла ожидать их здесь, в глубине Бокажа. Здесь можно было забыть о неоконченной войне, о сожженных деревнях, об опасностях, подстерегающих на каждом шагу тех, кто путешествует по стране, о разбойниках. В армии короля царило подавленное состояние. В течение летних кампаний солдаты и офицеры подвергались таким опасностям и лишениям, что их боевой дух упал. С наступлением зимы уже никого невозможно было заставить вести наступательные действия.

Каждое подразделение предпочитало укрепиться там, где их застала осень.

Анжелика в течение трех месяцев жила в замке де ля Гранж. К ней приезжали руководители частей восставших, бургомистры мятежных городов, которые доверили ей свою судьбу. Каждый город сидел на военном пайке, коммерция замерла, люди начали роптать на свое положение.

В марте Анжелике предстояло вновь исколесить всю провинцию. Она уже не кормила своего ребенка грудью и собиралась оставить его в замке, приставив к девочке надежную служанку. Но аббат де Лесдигьер отсоветовал ей так поступать.

— Не оставляйте ее, мадам. Без вас она погибнет. Она не сможет жить вдали от матери.

— Но я вернусь за ней немного позже, когда события...

— Нет, — твердо сказал он, глядя ей в глаза, — вы уже не вернетесь за ней.

Он решительно подошел к Онорине, поплотнее завернул ее в теплое одеяло и подал Анжелике.

С недавних пор в сердце ее закралось подозрение по поводу происхождения дочери. Она смутно ощущала гнев и разочарование, но догадка только зрела в ее сознании.

Сейчас они находились в опасном районе, в котором часто появлялись королевские солдаты. Чтобы не наткнуться на них и не быть окруженными во время привалов, Анжелика прятала по ночам свою свиту в одной из многочисленных пещер, которыми был пронизан длинный склон одного из берегов Севра.

Анжелика задумчиво наблюдала за ползающим по песку ребенком, который пытался уже делать первые шаги. Ей было десять месяцев, и она выглядела живой и здоровой. Может быть, красноватый свет светильника придавал ее будущим локонам медный оттенок? Ее глаза были ярко-черными и узкими; когда девочка улыбалась, уголки глаз поднимались к вискам, напоминая Анжелике чье-то знакомое выражение. Пухлые щечки усиливали это сходство...

Наконец она поняла, чьим было это лицо, вернее, чьей карикатурой. Анжелика вскочила с камня так резко, что ударилась головой о мягкий свод пещеры.

Монтадур! Это же его поросычье рыло!

Пот покрыл ее лоб. Случилось невозможное. Ненависть матери к незаконнорожденному ребенку объясняется часто ненавистью к его отцу. Анжелику не испугало бы иметь ребенка от низкородного человека, если бы он был честен и смел, как Колин Патурель, ребенка, которого бы она любила еще до рождения. Но мысль о том, чтобы она, Анжелика де Сансе, имела ребенка от солдафона, была ей невыносима, она наполняла ее отвращением и ненавистью.

На ее крик прибежал аббат де Лесдигьер.

— Заберите ее! — велела ему Анжелика, взяв себя в руки. — Заберите ее навсегда из моей жизни! Сейчас я способна убить ее...

В полночь глухое пространство пещер наполнилось жалобным плачем Онорины.

Уснувшая Анжелика рассерженно приподнялась с соломенного ложа.

— Ну конечно, они забыли дать ей перед сном ветку папоротника. Онорина не могла заснуть без ветки папоротника в кулачке — своей любимой игрушки, которую она имела обыкновение расчленять по зубчикам.

Анжелика не вытерпела и вошла в большую «комнату», где разместились ее люди. Они сидели вокруг небольшого костра и дружно пытались успокоить девочку. С гримасой отвращения и досады Анжелика

взяла у них ребенка, который сразу, замолчал, и перенесла его к себе. Девочка была мокрая и холодная. Анжелика перепеленала ее умелыми, но резкими движениями, завернула ее в свою шерстяную накидку и зарыла в солому, оставив одно личико. Затем она вышла из пещеры и поднялась по крутому склону до леса, где разыскала низину с папоротниками. Онорина с восторгом привяла у нее листья и подняла их в ручке над собой, чтобы пламя огонька отбрасывало на стены причудливые тени. Взяв большой палец другой ручки в рот, она посмотрела на Анжелику светящимися глазками.

«Я твоя, с тобой мне хорошо и спокойно», — говорил этот взгляд.

— Да, ты моя, — прошептала Анжелика. — Ни ты, ни я не можем друг без друга, это верно.

Опершись о локоть, она с жалостью смотрела на свою крохотную дочь и думала, что несчастнее их нет никого на свете, У них нет ни вчерашнего дня, ни завтрашнего. Их место — в глухом подземелье.

Глава 8

Аббат де Лесдигьер вышел из рощи с пригоршней грибов.

— Я приготовлю для тебя лакомство, Онорина.

Она с любопытством подошла к нему. Летом ей исполнился год. Как раз в день ее рождения они попали в ловушку. Солдаты окружили ферму, где остановилась Анжелика, и ей со свитой пришлось отбиваться несколько часов. Они уже готовы были сдаться, как появившийся Уге де ля Мориньер с протестантами прогнал солдат. В ферму можно было пройти, только перепрыгивая через наваленные тела убитых.

Свои первые шаги Онорина сделала в Партенее в день, когда над городом звучал набат, оповещавший о приближении неприятеля. Врагу не удалось тогда проникнуть в город, но многие горожане погибли во время штурма. Вернувшись, Анжелика не нашла дочери в том кресле, где она оставила ее. Девочка оказалась на улице. Так она убедила мать, что умеет не только ходить, но и спускаться по ступенькам.

Свое первое слово она произнесла в тот день, когда Ланселот де ля Мориньер был убит в жестоком сражении в крае Машекул. И этим первым словом Онорины было слово «кровь».

Последние события лета, ход жарких сражений и разногласия среди мятежников посеяли сомнения и страх в сердце Анжелики. Король не смог одолеть провинция, но силы Пуату были на исходе. Уге де ля Мориньер, оставшись без братьев, оказался как тело без головы. То, что РЯДОМ не было Ланселота, отразилось прежде всего на его отношении к Анжелике. Он не мог преодолеть гордость вассала, восставшего против Короля, и не желал слушать советов женщины. Он отдал несколько единоличных приказов, в результате которых их отряды потерпели несколько поражений. Но сопротивление восставших оставалось яростным. Король читал, что восставших надо одолевать измором, снова оставив их в голодной провинции на несколько зимних месяцев. Однако его министры вынашивали другие планы. Им хотелось разделаться с мятежниками решительным ударом могучего войска, во главе которого встал бы сам Король, чтобы не только утопить в крови очаг неповиновения, но и преподать поучительный урок сочувствующим. Не надо забывать, считали они, что волнение прокатилось по Акитену, Провансу, Бретани, а также по только что усмирённой Пикардии и Руссильону.

После того как смолкла пальба на полях и враг отвел свои войска,

Анжелика, барон де ля Гранж и его люди укрылись в ущельях Мервена, поросших лесом, где они могли отдохнуть и наметить дальнейшие планы.

Аббат де Лесдигьер набрал сухих веток и развел костер с помощью своего кремня. Он начал хлопотать над огнем, готовя ужин для Онорины из тех грибов, что набрал в роще. Его ружье, с которым он никогда не расставался, лежало на траве, и девочке было строго наказано его не трогать. Анжелика сидела в нескольких шагах от них на осколке камня и молча наблюдала за ними.

Аббат уже носил вместо темного плаща жилет из овчины, а вместо круглой шляпы с серебряной пряжкой — огромную полинявшую сельскую шляпу. Анжелика подумала, что все-таки ей удалось из этого городского, утонченного юноши сделать лесного человека. Плечи его стали шире, отчего его талия казалась изящней. От прежнего юноши сохранились только глаза, которые смотрели с тем же добрым выражением. Сколько ему могло быть теперь лет? Двадцать? Двадцать два?

Она подозвала его, и он подбежал с привычной готовностью выполнить любое ее поручение.

— Господин аббат, а уже несколько раз предлагала вам покинуть нас. Дела наши плохи. Не знаю, когда завершатся наши скитания, но закончатся они катастрофой. Возвращайтесь к своим. Я умоляю вас сделать это для меня.

— Я не могу выполнить вашу просьбу, мадам. Я не смогу жить вдали от вас, отдельно от вас.

— Но почему?

Он пламенно смотрел на нее. Его взгляд был красноречивее слов. В ответ она опустила глаза и тихо произнесла:

— Нет, нет, мой милый юноша, не надо... Я...

Он остановил ее движением руки.

— Вы женщина, которую я обожаю, любовь к вам помогла мне понять тех, кто забывает о Боге во время поцелуя...

Он схватил ее руку, и она не решилась отнять ее.

— Позвольте мне — всего лишь один раз — сделать вам признание, — проговорил он трепетным голосом. — Вы наполнили мою жизнь истинным смыслом, земным чувством, и за это я благодарен вам. Вы покорили меня одним своим взглядом, и каждое ваше слово...

— Тем не менее вы знаете о моих недостатках...

— Они делают вас еще дороже в моих глазах, из-за них вы человечнее, женственнее. О, как хотелось бы мне поднять вас на руки и защитить от всех врагов, от вас самой, передать вам всю мою силу...

Она знала, что по вечерам он удаляется в лес и подолгу там читает свои молитвы. Но выдержит ли его душа противоборство любви к Богу с любовью к женщине?

Не найдя слов для ответа, Анжелика высвободила свою руку и зябко закуталась в плащ.

— Вы не должны опасаться от меня дурного, мадам. По первому вашему приказу я покину вас. Я знаю, что нас разделяет непреодолимая пропасть.

— Ваше церковное звание?

— Нет, вы сами. Тот ужас, который охватывает вас при попытке мужчины...

— Не продолжайте. Вы не знаете сами, о чем говорите.

После короткого молчания он добавил:

— По крайней мере, я спасу вас. Я сделаю для вас больше, чем все те, кому выпадала честь держать вас в своих объятиях. Я завоюю для вас все, что вы потеряли: вашу душу, сердце, честь... все, что у вас отобрали.

Они не услышали предупредительный крик совы. Внезапно у входа в ущелье показался всадник в кружевной манишке, трепещущей на ветру. За ним появились другие всадники в красных мундирах, вооруженные копьями. Со своего камня Анжелика прыгнула, как пантера, к Онорине и схватила ее. Аббат поднял мушкет и стал прикрывать убегающую женщину. В лагере поднялась тревога, все бежали за деревья и карабкались по склонам на вершину расселины. Анжелика закрепила Онорину на спине и побежала за остальными.

Офицер наконец заметил их:

— Вот они! — закричал он. — Мы наткнулись на их логово! За мной, мои воины, поохотимся на этих волков!

Солдаты спешили и стали подниматься по склону.

Анжелика и ее люди, запыхавшись, остановились у самой вершины.

— Они догоняют нас.

— Передохнем, сколько успеем, и снова вверх.

Когда солдаты достигли крутизны, она закричала:

— Камни! Сбрасывайте на них камни!

Дробный гул наполнил ущелье. На солдат полетели огромные осколки и целые валуны. Они скатывались прямо на них, давя и превращая в месиво человеческие тела. Крестьяне продолжали досылать камни, выталкивая их плечами со скалы. Большинство солдат было раздавлено.

Офицер дал сигнал к сбору, и оставшиеся, бросив мертвых товарищей, вернулись к лошадям.

Их яркие мундиры были хорошо видны на солнце. Анжелика наблюдала за ними из-за камня. Она узнала офицера в кружевной манишке. Это был де Бриенн, один из тех, кто в былые времена ухаживал за ней при дворе.

Поднявшись из укрытия, она закричала насмешливым голосом:

— Приветствую вас, де Бриенн! Передайте Его Величеству привет от Незабываемой!

Когда королю передали ее слова, он побледнел. Он заперся в своем рабочем кабинете и не выходил несколько часов. Потом он позвал к себе военного министра и приказал ему сделать все, чтобы добиться повиновения Пуату до ближайшей весны.

Глава 9

Среди войск, направленных в Пуату осенью, был Первый Овернийский полк под командованием де Риома и пять прославленных частей из Арденн. Король уже не раз слышал о паническом страхе своих солдат перед лесами Пуату. Те же отборные силы, которые посылались теперь, не боялись зеленой крепости восставшей провинции. Их внешний вид — в стальных шлемах с острым гребнем, высоких, до бедер, сапогах — напоминал испанских конкистадоров. Они вели с собой крепких, выносливых собак, обученных травить врага. Барабанный бой предвещал появление этих особых карательных отрядов, нагнетая страх на мятежников. Это было начало разгрома восстания. В области начался небывалый террор.

Три тысячи пехотинцев, полторы тысячи конницы, две тысячи артиллеристов вступили в провинцию. Отдельно везли осадные орудия для городов.

К весне мятежники, вернее их остатки, удерживали только один район. Из этого района началось восстание. Последний отряд протестантов и их сторонников укрылся между Ля Шатене ром и пуатинскими болотами.

Это была суровая весна, упорно стояли холода. Даже к концу марта земля оставалась промерзшей, не позволяя пробиться никакой зелени.

Через узкое оконце домика Анжелика увидела, что возвращается Флипо. Он вошел, худой, бледный и злой, как отощавший волк. Его угнетали голод, холод и бездомное существование, ничто не могло теперь поднять его настроение.

— Мне удалось встретиться с ними, — сказал он. — Они уже считали вас погибшей или захваченной в плен. Я объяснил им, как вам удалось бежать ночью из замка де Фужеру. Без сомнения, нас предали.

Он бросил многозначительный взгляд на крестьянку и ее старого отца, сидящих перед очагом, потер нос и заговорил уже более приглушенным голосом:

— Аббат, Мальбран, господин барон и Мартин Жене дали свое согласие. Они готовы покинуть провинцию. За вашу голову назначена награда пятьсот ливров. Люди так напуганы и так голодны, что продадут и за меньшую сумму. Вот что сказали наши: «Этим вечером мы встречаемся все вместе у Голубинового перекрестка. Затем по болотам пробираемся через лес и выходим к берегу. Понс-ля-Палюд еще наш, там нам дадут укрыться,

чтобы потом как можно скорее сесть на корабль».

— Да, да, сесть на корабль и уплыть, — машинально повторила Анжелика.

Это был единственный выход. Она давно поняла, что дальнейшее сопротивление лишено всякого смысла, Единственное, что осталось, — спасти жизни своих друзей и ребенка. Каждое утро начиналось с одной цели: запутать следы и найти безопасный кров, чтобы протянуть до следующего утра.

— Я назначил встречу в лесу, а не здесь, — прошептал Флипо, — потому что я не доверяю этим людям. Они, конечно, знают, кто вы, как и вся округа, и считают вас виновной в своих несчастьях.

Крестьяне перебросились тихими словами, покосившись в сторону непрошенных гостей. Они не предложили Анжелике подойти к огню, и сама она не решалась, зная, как велика теперь ненависть крестьян к ней.

Немного погодя отец, еще раз обменявшись короткими фразами с дочерью, надел полушубок и взял топор, сказав, что пойдет в перелесок нарубить дров.

— Он пошел за солдатами, — прошептал Флипо. — Будет лучше, если мы отправимся немедленно.

Анжелика согласилась с ним. Крестьянка, став вдруг любезной, стала удерживать их. Анжелика, не обращая на нее внимания, взяла, не спрашивая, буханку хлеба и сыр для Онорины. Женщина кричала им вдогонку:

— Уходите! Провалитесь сквозь землю! Чтобы памяти о вас никакой не осталось! Много мы от вас натерпелись. Это все вы и ваш проклятый ребенок!

Анжелика ехала верхом на муле, который так отощал, что мог передвигаться лишь небольшими шажками. Флипо вел его за ремень. Они прошли через сожженную деревню, где на площади, на огромном вязе, грустно покачивались повешенные. Голубинового перекрестка они достигли под вечер.

— Никого нет пока, — сказала она. — Если нам придется ждать их несколько часов, малышка замерзнет. Флипо, садись на мула и поезжай им навстречу, скажи, чтобы поторопились. Если не встретишь их, найди какой-нибудь дом для ночлега.

Мороз становился все сильнее. Анжелика чувствовала, что холод проникает под ее накидку. Она могла различить в сумерках личико ребенка с внимательными черными, как у белки, глазами. Ее пальцы, сжимавшие сыр и хлеб, были совсем холодные. Анжелике уже не хватало тепла, чтобы

согреть дочь.

Она потуже замотала платок вокруг девочки. Донесся какой-то звук, но это был не стук копыт. Это был хруст веток.

— Кто идет? — громко спросила она.

Анжелика напрягла зрение, чтобы разглядеть, кто передвигается за кустами. Вдруг раздался долгий, протяжный вой. С бьющимся сердцем она вскочила: волки! Господи! Ведь она должна была предвидеть, что они придут!

Анжелика подумала о хижине сапожника, стоявшей недалеко отсюда. Надо было бежать к ней, пока волки не осмелели, пока не спустилась глубокая ночь.

Когда она оборачивалась, то видела их светящиеся глаза. На ходу она подбирала камни и кидала ими в зверей, как в бездомных собак. Если бы она споткнулась и упала, хищники растерзали бы и ее, и ребенка.

Со вздохом облегчения Анжелика увидела красный огонек в доме сапожника. Она изо всех сил постучала в дверь, потом стала колотить, пока глухонемой не отпер. Знаками она объяснила ему, что ее преследуют волки. Чтобы умиловить старика и его сына, она положила на стол золотую монету, последнюю из тех, что дал ей барон де Круассек.

Она села перед очагом, но даже здесь ей было холодно. Она выставила перед пламенем ножки Онорины и начала растирать их, пока они не покраснели.

Анжелика прислушивалась, стараясь уловить выстрел мушкета своих товарищей, достигших места встречи. Тогда бы она вышла на крыльцо и выстрелила из пистолета. Но не доносилось ни звука. Глубокой ночью она легла в углу на матрац, набитый опилками, и укрылась овчиной. В полночь она проснулась, услышав, как сапожник подошел к окну. Она встала рядом и при свете луны увидела на поляне волков. Самый крупный из них сидел позади собратьев и прерывисто выл.

Утром земля была бела от снега. Деревья тоже покрыл тонкий белый пушок. Снег, казалось, хотел отобрать у людей надежду на Скорую весну.

Анжелика тщетно пыталась найти в избушке бумагу и перо. Тогда она взяла кусок светлой тряпки и углем написала несколько слов, объяснив жестами сыну сапожника, куда он должен пойти.

Он вернулся только на следующий день. Знаками объяснил ей, что встретил одного из ее товарищей, который назначил ей встречу у Волшебного Камня.

Почему они сами не пришли сюда? Почему аббат не доверил письмо этому глухонемому? Не добившись от парня больше ничего, она решила

идти к камню.

Пробираясь по лесу, она пожалела, что не надела мужской костюм: юбка мешала ей идти по снегу.

Недалеко от места встречи она положила Онорину под елью и привязала ее ремешком. Она пришлет за ней аббата или Флипо, ей же слишком тяжело с ношей пробираться дальше по толстому насту. Так она поступала много раз, оставляя девочку в укромном месте и забирая ее после окончания стычки или тайной встречи.

Когда она почти достигла опушки, ей показалось, что она видитдвигающиеся силуэты. Она уже готова была окликнуть своих товарищей, как крик замер в ее горле.

Из лесу вышли солдаты. Она не замечали ее и шли цепочкой по дну оврага. Черные, безмолвные, в блестящих стальных шлемах, с копьями — они напоминали ей волков, идущих след в след за вожакom.

Анжелика опустилась в снег и замерла, пропуская солдат, чтобы отправиться дальше к Волшебному Камню. Откуда взялись эти солдаты? Что они делали в этом глухом месте? Кого искали?

Медленными шагами добралась она до камня. У нее перехватило дыхание от представившейся картины: на ветвях ее знакомых дубов покачивались повешенные. Первым она узнала Флипо. Затем она узнала остальных: аббат де Лесдигьер, Мальбран, Мартин Жене, барон де Круассек...

— Будь проклят король Франции, — прошептала она.

В отчаянной надежде, что кто-нибудь еще жив, она бросилась к телам. Вспрыгнув на камень, дотянулась до аббата. Ей удалось снять его и медленно опустить на снег. Несмотря на холодный воздух, его тело еще хранило тепло, но сердце уже не билось.

— О мой бедный ангел-хранитель! — воскликнула Анжелика. — Вот вы и умерли, как желали недавно. Умерли из-за меня! Что станет со мной без вас?!

Слабый крик донесся из-за деревьев: Онорина!

Девочка дожидалась ее на том же месте. Она не плакала, но носик ее покраснел от мороза. Завидев мать, она зашевелила ручками от радости.

Анжелика успела отвязать ее и взять на руки, как вдруг сквозь просвет она заметила стоявшего вдалеке солдата, который наблюдал за ней. Как только она бросилась бежать, он издал резкий крик.

Юбка мешала ей, но она неслась, не разбирая дороги, подгоняемая ужасом. Послышался лай собак. Он приближался, она уже слышала, как между собой переговариваются солдаты. Скоро они спустят собак, и тогда

ей не уйти. Ее следы слишком хорошо видны на снегу. Она бежала зигзагами, повторяя уловки лесных зверей, но расстояние было уже слишком мало, чтобы зря расходовать силы.

В это время тучи сгустились и повалил снег. Через несколько минут начался уже настоящий снегопад, из-за которого в нескольких шагах не стало ничего видно. Даже ее следы через несколько секунд становились малозаметными.

Понемногу преследователи отстали, лай собак смолк. Стояла полная тишина, напоминающая тишину кладбища, только едва слышно продолжал падать снег.

Анжелика остановилась, когда темнота спустилась на лес. Она не знала, где находится. Усталая женщина не решалась присесть, боясь, что не сможет подняться. Ребенок зашевелился, поняв, что мать остановилась отдохнуть.

— Ничего не бойся, — сказала Анжелика. — Я знаю лес.

Снова залаяли собаки, преследователи не отставали. Она бросилась вперед, не разбирая дороги. У нее уже не было надежды на спасение.

Вдруг чуть правее раздался звон колокола. Анжелика откликнулась на него, как на последнюю надежду. Из последних сил она добежала до высоких стен.

Это было Ниельское аббатство. Она стала стучаться в дубовые ворота. Силы возвращались к ней уже от одной близости родных стен.

В воротах открылось окошечко, и суровый голос произнес:

— Именем Бога! Чего вы хотите?

— Я заблудилась в лесу со своим ребенком. Пустите меня переночевать.

— Мы не пускаем женщин в аббатство. Пройдите налево еще пятьдесят шагов, там вы найдете харчевню, где вас примут.

— Нет... Солдаты меня преследуют. Мое спасение — только за вашими стенами.

— Ступайте в харчевню, — повторил голос.

Окошечко закрылось. Тогда она закричала безумным голосом:

— Я сестра одного из ваших монахов, Альберта де Сансе де Монтелупа! Во имя любви к Богу, откройте мне!

За дверью послышалось нерешительное шарканье. Звякнули запоры, сдвинулся засов. Два низкорослых монаха смотрели на нее недоверчиво.

— Закройте ворота, я умоляю вас! И не отпирайте их, когда будут стучаться солдаты.

Они послушались, и Анжелика вздохнула с облегчением, убедившись,

что толстый засов вошел в массивные скобы.

— Вы сказали только что, что являетесь сестрой нашего монаха господина де Сансе? — спросил один из монахов.

— Да, это так.

— Подождите там, — он указал ей на небольшую комнату, где горела свеча в медном подсвечнике.

Через несколько минут за ней пришли два новых монаха. Младший приблизил свечу к лицу Анжелики и произнес:

— Да, это она, моя сестра Анжелика де Сансе...

— Альберт, — прошептала Анжелика.

Глава 10

Раздался грозный стук в ворота, и дежурный монах сообщил, что отряд вооруженных людей просится под крышу аббатства.

— Не открывайте им, вы обещали! — взмолилась Анжелика. — Они пришли за мной.

— За руководительницей мятежа, — вполголоса сказал Альберт.

Тщетно пыталась она различить на их лицах что-либо, кроме холодности и непреклонности. Она упала перед монахами на колени и издала древний средневековый вопль, которым столько веков перед воротами церкви просили сжалиться беженцы:

— Убежища! Убежища!

Один из них удалился бесшумно, как призрак, и вскоре послышался его голос, отсылающий солдат в харчевню. Солдаты устали от погони по снежному лесу, они не смогли бы с налету штурмовать монастырь, хорошо укрепленный на случай войны.

Тишина воцарилась в комнате. Анжелика все еще стояла на коленях. Брат наклонился к ней и взял девочку, глазенки которой испуганно поблескивали, как у лесного зверька.

— Поднимайтесь, мадам.

Монах, отославший солдат, был настоятелем. Он взял Анжелику за руку своей худой, но неожиданно сильной пятерней и помог подняться.

— К сожалению, мы можем устроить вас лишь без привычных удобств, — голос у настоятеля был низкий, монотонный, почти безжизненный. Таким голосом обычно читают псалмы. — В вашем распоряжении кухня, где вас накормят, и стойло, где вы будете спать...

Глава 11

Анжелику разбудил колокол. Была еще ночь, и коровы в стойле зашевелились, некоторые замычали. До Анжелики донеслось слабое пение, будто хора ангелов, — это монахи пели псалмы. Она собиралась уснуть снова, но обнаружила, что лоб Онорины непривычно горячий. При слабом свете светильника она развернула дочь и увидела, что лицо ее горит, а дыхание короткое и частое.

Три дня она не отходила от девочки, борясь с лихорадкой. Ей помогал брат, когда он не был занят своими монашескими делами. Волосы его были светлые, а глаза — поблекшего фиолетового цвета, как те подснежники, которые он приносил из леса для лекарственного отвара.

— Если она умрет, я убью своими руками солдат, которые нас преследовали.

— Успокойтесь, лучше молитесь Святой Деве, которая также была матерью, — мягко отвечал брат.

Однажды утром она открыла глаза и увидела Онорину, которая сидела на одеяле и забавлялась сухим пшеничным колоском.

Вокруг Онорины столпились монахи, находившиеся поблизости. Девочка выглядела совершенно здоровой. Она приняла чашку с молоком с достоинством королевы.

— Бог смилостивился над вами, — взволнованно сказал брат Ансельмо и добавил посуровевшим голосом: — Благодарите Господа, безбожная женщина! Что-то я не замечал, чтобы вы молились с тех пор, как попали к нам.

Она ни разу не заговорила с братом о причинах, вызвавших столь серьезные перемены в его судьбе, сделавшие его из фаворита брата короля священником. Анжелика не знала, какие события привели его в Ниельское аббатство, но помнила, что подростком Альберт часто посещал этот монастырь для изучения латыни. Именно за те часы, которые он провел за древними книгами, очарование, вызванное обстановкой монастыря, поселилось где-то в уголке его сердца.

Через несколько дней брат позвал ее с собой и привел в подвал, отворив перед ней тяжелую дверь.

— Настоятель велел передать тебе несколько вещей, которые могут тебе пригодиться.

Он приподнял крышку кожаного сундука. Там были сложены

предметы женского туалета: зеркала, гребни, броши, ожерелья...

— Не удивляйся, что видишь эти роскошные вещи в стенах удаленного аббатства. Бывали времена с менее строгими правилами...

Анжелика передала настоятелю просьбу принять ее. Она хотела поблагодарить его за подарок. Оправившись после странствий по краю, после погони по ночному заснеженному лесу, она хотела, чтобы настоятель не считал ее той замороженной, неряшливой беглянкой, какой она предстала перед ним в ту ночь, когда он снисходительно подал ей руку, чтобы поднять с колен.

Ее провели к нему по лестнице, ступеньки которой были истерты многочисленными башмаками людей, сменявших друг друга много веков. Аббат ждал ее в просторной библиотеке, вдоль стен которой тянулись ряды древних книг. Он сидел в старинном кресле готического стиля. Волосы его еще не были седыми, но тело — настолько худое, что, казалось, одна кожа облегает кости. Суровое, осуждающее выражение его рта охладило порыв признательности Анжелики, она приготовилась к защите. Опустившись, как полагалось, перед ним на колени, она сразу же встала и села на указанный ей табурет. Спрятав руки в длинные рукава своей сутаны, он смотрел на нее спокойно и внимательно. Она была вынуждена заговорить первой, чтобы нарушить тягостное молчание.

— Отец мой, я должна горячо поблагодарить вас за предоставленное убежище. Я погибла бы, если бы солдаты схватили меня. Меня ждала смерть...

— Да, мне известно, что за вашу голову назначена награда. Вы предводительница мятежа в Пуату.

Что-то в его тоне задело Анжелику, она вспыхнула:

— Вы осуждаете мое поведение? По какому праву? Разве вы можете знать что-нибудь, сидя в этом забытом всеми монастыре? Разве имеете вы представление о событиях, происходящих в стране, и о причинах, побудивших женщину взяться за оружие, чтобы защищать свою свободу?

— Я знаю достаточно, чтобы читать на вашем лице гримасу дьявола. В ответ она злобно усмехнулась:

— Только это я и могла услышать здесь. Скоро вы скажете, что в меня вселился сатана.

— Ненависть идет от дьявола. Дьявол не приемлет любви, он ее враг. Возможно только одно: любовь или ненависть. Там, где нет любви, присутствует дьявол, там царят кровь, страдания, разрушения.

Что-то похожее на горечь и страдание промелькнуло в его лице. Он воскликнул:

— Вы воспользовались той властью над людьми, которую дает ваша красота, чтобы поднять их на мятеж, на преступления! И это вы, которую прозвали Анжеликой, дочью ангелов!..

В этот момент она узнала его:

— Брат Жан! Брат Жан! Ведь это вы привели меня когда-то ночью в свою келью. Да, это вы, я узнала ваши искрящиеся глаза.

Воцарилось молчание.

Он с нежностью смотрел на густые золотистые волосы, ореолом окаймлявшие ее точеное лицо — совсем как у той девочки, которую он встретил когда-то, — на умные, внимательные глаза цвета весенней зелени.

— Чистое дитя, что с вами стало?

Сердце Анжелики защемило:

— Мне причинили много зла, брат Жан, если бы вы знали, сколько горя принесла мне жизнь!

Он перевел взгляд на противоположную стену, на которой был изображен Христос.

— Вы знаете, сколько зла причинили ему?

В эту ночь она не могла уснуть. Холодный звон колокола отбивал ночные часы, до нее доносились слова утренней молитвы. Держа в руках свечи, монахи цепочкой шли вдоль стен монастыря к часовне.

Она еще раз попросила аббата принять ее.

— Что бы стало со мной, если бы не моя ненависть? — спросила она его. — Если бы не она, я умерла бы от осознания безысходности, я сошла бы с ума от страданий. То мстительное чувство, которое переполняет меня, позволяет мне оставаться твердой и дает силы продолжать жить.

— Я в этом не сомневаюсь. В жизни бывают этапы, когда мы вынуждены цепляться за последнюю соломинку. Человек слаб по своей природе. Он не всегда справляется со своим счастьем, что уж говорить о несчастье. В несчастье нам приходится обращаться либо к Богу, либо к дьяволу.

— Но я не считаю, что дьявол помогает мне! — воскликнула Анжелика. — Вы ничего не поняли!

Аббат молча наблюдал за ней несколько минут. Потом легкая улыбка появилась на его лице:

— Вы напрасно не допускаете мысли о дьяволе, дочь моя. Стоит ли так отчаянно защищаться?

— Вы смеетесь надо мной или специально мучаете меня! — вскричала она. — Я не могу достойно возразить вам, потому что отвыкла рассуждать на религиозные темы. Но ответьте: насколько отличается желание Христа

помочь обездоленным от моей попытки избавить народ от тирании, защищаясь с оружием в руках?

— Вы достаточно серьезный противник, — произнес он. — Но расскажите мне подробно, с самого начала, что с вами произошло.

Ей трудно было после длительного перерыва выстроить свой рассказ, ведь она почти ни с кем не разговаривала о происшедшем. Речь ее была затруднена: отрывистые фразы, точно вырванные из сердца, налезали одна на другую. Беспорядочно поведала она аббату об основных вехах своей судьбы: о короле и сожжении своего замка, о Колине Патуреле и Бретейле, о нищих Парижа и об убитом Шарле-Энри, о протестантах, беззакониях, налогах...

— Вы упрекаете меня в том, что, выполняя мои приказания, люди проливали свою и чужую кровь. А та кровь, которую проливали католики во имя Бога, истребляя протестантов, — эта кровь менее красная, менее преступная?

Ее гневная речь не изменила каменное, непроницаемое выражение его лица.

— Да, я представляю себе, как вы смотрите на эту войну: кровь протестантских детей, бросаемых на пики, нечиста, зато приказы короля священны, страдания народа оправданы и заслужены. Тот, кто родился плебеем, должен покориться сильному. Вот ваши законы...

Давно ей не приходилось говорить так долго. Она устала, и пот выступил у нее на лбу.

Он поднялся и сказал, что пробил час молитвы. Молча он вышел из библиотеки, не вынимая рук из длинных рукавов, и удалился по коридору. Ей казалось, что он ничего не понял из ее рассказа.

Ночью она спала гораздо лучше, и, когда проснулась, ей показалось, что она избавилась от огромного груза.

Через некоторое время аббат послал за нею. Войдя в библиотеку, она бросила на него исподлобья суровый взгляд, но он неожиданно рассмеялся.

— Вы приготовились к битве, мадам? Неужели я такой опасный человек, что сама предводительница протестантов двинулась на меня во всеоружии?!

— Не называйте меня так, пожалуйста, прошу вас, — сказала она немного смущенно.

Она все еще не верила в его доброжелательность.

— Я не жалею о совершенном мной и никогда не буду об этом жалеть.

— Но вы боитесь саму себя.

— Вы не можете понять того, что я испытываю, мой отец.

— Возможно. Но я знаю о том, что с вами случилось, а кроме того, я отчетливо вижу сумрачный ореол, который вас окружает.

Она пристально смотрела на него. Его зрачки с ртутным блеском приковали ее взгляд, и она не могла отвести глаз.

— Освободитесь от этого страха, — нарушил он молчание, — иначе вы не сможете жить дальше.

Она обхватила руками горло, будто задыхаясь:

— Стоит ли мне жить, если я ненавижу жизнь и презираю ее?.. Она все отобрала у меня, она сделала меня женщиной, которую... Да, это правда, которую я боюсь.

Обессиленная, она опустилась на табурет.

— Вы не можете этого понять, но я охотно бы умерла.

— Но я не допущу, чтобы вы остались во власти этих мыслей. Желание умереть противоречит здоровому состоянию духа.

— Но это так, я вас уверяю.

— Это всего лишь следствие усталости. Знайте, желание умереть проявляется только у тех, кому удалось преуспеть в жизни, кто пережил страстное желание жить. Но, пока человек не нашел себя, пока он далек от своей цели, пока он знал одни поражения, он не может желать смерти...

Анжелика вспомнила об аббате де Лесдигьере, о его юном просветленном лице, когда он воскликнул; «О смерть, приди поскорее!» Она вспомнила о том, что испытала, когда стояла привязанной к колонне перед грозным Мулаем Исмаэлем. Да, тогда она была готова умереть, тогда она чувствовала себя победительницей. Но только не теперь...

— Вы правы, — сказала она с некоторым усилием.

— Мне нравится ваша способность возрождаться из пепла... Да, мадам, надо дальше жить. Умереть, оставшись неотомщенной, что может быть хуже!

Она боялась взглянуть в его темные глаза, столько в них было таинственного и опасного огня.

— Я хочу помочь вам возродиться, чтобы вы могли забыть о своем прошлом. Я хочу, чтобы вы были в дружбе с собой и жизнью.

Он видел, какая мучительная борьба происходит в ней.

— Послушайте меня, брат Жан, послушайте. Вы слышали о резне на поле Драгун?

Он утвердительно кивнул головой.

— Это совершилось по моему приказу.

— Я знаю это.

— Это еще не все... Мне принесли голову Монтадура, и это...

доставило мне адское удовольствие. Мне хотелось вымазать руки его кровью.

Священник закрыл глаза.

— Вас влекло тогда в адскую пропасть... Хотите ли вы навсегда избавиться от этих воспоминаний?

— Всей душой, — она посмотрела на него с надеждой. — Вы сможете помочь мне?

— Речь идет не о наказании, не о воспоминаниях и последствиях ваших поступков, — нет, я говорю о возрождении, о преобразении сознания. Много лет вы не знали другого чувства, кроме ненависти. Теперь вы будете жить только любовью. Вот путь к вашему воскрешению.

Она усмехнулась.

— Это вряд ли подойдет мне. Война еще не окончена.

— Это внешний взгляд на мир.

Анжелика успокоилась, она чувствовала, что разговор подходит к концу.

— Знаете, аббат... Один восточный правитель, Мулай Исмаэль, каждый день для жертвоприношения убивал двух-трех рабов... Как трудно бывает иногда найти различие между добром и злом!

— Зло — это то, что не по душе вашему нравственному устою, — ответил аббат. — А добро — то, что отвечает вашим личным понятиям о справедливости.

— Но, отец мой, вы не находите, что это несколько еретическое высказывание?

— Оно предначертано лишь для того, кто слышит его в эту минуту.

— Вы так доверяете мне?

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

Впоследствии он много расспрашивал ее об исламе. Его поражало, что ей удалось побывать в самом центре мусульманского мира с его требовательной, суровой религией. Она не боялась признаться, ему, что восхищается и немного тоскует по Востоку.

Они вместе перелистывали старинные книги, в которых говорилось об истории арабских завоеваний. Это были для Анжелики незабываемые часы, когда они стояли возле конторки и аббат перелистывал страницы своими тонкими пальцами, напоминая ей женские руки.

Однажды вечером, ожидая его, она увидела на одном из рисунков ангела с зелеными глазами, который показался ей знакомым. В молитвеннике было несколько изображений этого ангела, с жалостливыми глазами, опущенными ресницами и светлыми волосами.

— По-моему, кто-то из послушников рисовал в этой книге, — сказала она аббату, когда тот появился.

Он посмотрел на изображение и улыбнулся:

— Как я мог забыть того прелестного ребенка, встреченного в ночи, и тот чистый свет, который от него исходил. Свежесть, красота, движение — все эти сокровища были воплощены в его глазах. Мне кажется, что Бог прислал его в наш монастырь для того, чтобы напомнить мне о совершенстве своих творений.

— А теперь я постарела и подурнела.

Аббат откровенно рассмеялся.

— С чего вы взяли это?! Да вы полны свежести и красоты... Конечно, вы многое пережили, но... — я убеждаю вас в этом — ваша настоящая жизнь впереди.

В первый раз за эти месяцы Анжелика осмелилась заглянуть в свое будущее светлым взглядом. Она почувствовала силу в своем теле, окрепшем в тиши монастыря. Ее глаза, пролившие столько слез, приобрели выражение печали и мудрости.

— Тем не менее вы поправляетесь успешно. Вы уже не та, что пришла просить убежища с ребенком той снежной ночью. Будьте терпеливы. Поверните взгляд в сторону света, и душа ваша обретет ясность, поправится вместе с телом.

— Но мое тело уже здорово, — удивилась Анжелика.

— Не совсем. В вас остался страх перед мужчинами — это следствие болезни. Она будет душить ваше сердце, потому что вы созданы для любви.

— О чем вы говорите?! Да знаете ли вы, священник, о тех муках, которые испытывает женщина, подвергаясь преследованию мужчин? Любовь ведет к одним разочарованиям и потерям. Да вы первый закричали бы: «Покайся!»

Ее гневные слова не смутили его, он улыбался.

— Чему вы улыбаетесь?

— Потому что, чем больше я на вас смотрю, тем больше убеждаюсь, что вы созданы для того, чтобы спать в объятиях мужчины.

Он поспешил успокоить ее, видя замешательство, произведенное его словами:

— Я ведь не употребил множественного числа... Я сказал только про одного мужчину. Вы слишком чувствительны по природе, чтобы жить вне любви... Постарайтесь поправиться к тому времени, когда на горизонте появится ваш будущий избранник.

— Да-да, супруг, которого мудрая дева поджидает с лампой в руке. Это как раз мой случай.

Мельком она вспомнила, что у нее уже был муж, которого отобрали.

— Да, вам надо поправиться к его появлению. Вы должны будете сразу узнать его. Или вы собираетесь навсегда сохранить в своей душе стыд за минувшее? Нет. Тогда перестаньте пытаться себя, не возвращайте своими руками пышные деревья стыда, забудьте о нем. После зимы всегда приходит весна. Кровь и плоть обновляются.

Она одновременно и смущалась, и испытывала облегчение от того, что он обнажил ее тайное бремя.

— Это будет нелегко, — сказала она. — Вам говорить просто...

— Бедное создание! Вам придется научиться отворачиваться от того, что причиняет вам боль. Вон сияет весеннее солнце над лесом. Возьмите свою дочь и прогуляйтесь с ней, размышляя о светлом будущем.

Однако она представляла себе это будущее далеко не безоблачным.

Найдется ли во всем мире человек, способный снова приручить ее? Рана, нанесенная ей, была слишком глубока. Когда она думала об инстинктивном выборе пути, приведшем ее из темного леса к Ниельскому аббатству, ей казалось, что само провидение привело ее под эту гостеприимную крышу, к мудрому и доброжелательному брату Жану.

— Со мной что-то произошло в вашем аббатстве, — сказала она, — я избавилась от какого-то груза, я словно парю в воздухе.

— Вы из тех женщин, которым нужна постоянная борьба, чтобы остаться собой, чтобы чувствовать себя молодой и здоровой. Вас устроила бы обыкновенная семейная жизнь с вышивкой, приготовлением пицци? Или яркая светская жизнь?

— Не знаю. Иногда мне кажется, что я создана для простого домашнего счастья; любимый муж, дети вокруг стола, которым я подаю испеченные пирожные. По-моему, каждая женщина хранит в уголке своего сознания такую картину, какой бы эта женщина ни была, падшей или светской... Но я люблю войну, опасности, сражения, ожидание победы, соединение разрозненных сил и направление их к цели. И даже страх, тревога, надежда спасти безнадежное положение. Я много страдала за эти два года, но я никогда не скучала.

— Действительно, для людей, а особенно для женщин, одно из непрременных условий счастья — чтобы не было скучно.

— Вы не шокированы моими признаниями? Как вы объясните столь противоречивые желания?

— Человек — существо, способное на многое. Его жизнь

разносторонняя, в ней уживаются добро и зло, мятеж и покорность, нежность и жестокость...

Он продолжал немного отрешенным голосом:

— ...Отведено время для всего. Всему есть место под небесами!..
Время родиться и умереть, убивать и спасать жизнь, плакать и смеяться, любить и покидать любимых, время молчать и время говорить, обожать и ненавидеть...

— Значит, у мятежа были не только жесткие и пугающие стороны?

— Конечно, нет.

Лицо Анжелики просветлело.

— Ваша снисходительность и доброта воздействуют на меня целебнее, чем ваша суровость. Вы держались так строго во время наших первых встреч...

— Я решил напугать вас, чтобы отвлечь от тягостных раздумий и чтобы заставить говорить вас. И, кажется, мне удалось это. Открытое сердце лучше внимает советам.

Он погрузился в размышления, зажав рукой подбородок, будто решая важную проблему.

— Вы должны покинуть эти земли, — сказал он наконец.

— Вы хотите сказать, что я должна умереть? — вскричала она, охваченная ужасом.

— Нет, сто раз нет, душа моя. Покинуть эти земли — это значит уехать из краев, где прошло ваше детство, где за вашу голову назначена награда. Покиньте этот континент, где христианская религия до сих пор не решила противоречий между Богом и сатаной. Вы достаточно близки к природе, чтобы обойтись без этого. У вас свои ценности, вы никогда не найдете общего языка с теми, кто вас окружает. Вы напоминаете немного... да, вы напоминаете ту первую женщину, созданную Богом, которая отведала запрещенный плод... Итак, вы должны уехать.

— Но куда?

— Я не знаю. Вы должны найти для себя подходящую страну или хотя бы уголок, где ваши взгляды и поступки не будут вызывать гнева окружающих.

Он повернулся к окну.

Она тоже подошла к окну и увидела на крыше пару нарядных горлиц, у них было гнездо где-то поблизости.

— Меня известили, что солдаты ушли из этих мест. В провинции воцарился мир, стало спокойно. Вы бел труда сможете добраться до Мальзея, затем до побережья. Вероятно, у вас найдутся сообщники,

которые захотят уехать с вами?

— Вы настаиваете на том, что я должна уехать? — спросила она, не ответив на его вопрос.

— Пришло время...

Она думала о том неприветливом мире, в котором окажется, когда покинет аббатство. В нем она снова будет брошенной, одинокой, отягощенной незаконнорожденным ребенком.

Она медленно опустилась на колени перед ним.

— Не прогоняйте меня, брат Жан. Здесь мне хорошо. Здесь я под покровительством Бога.

— Весь мир находится под покровительством Бога для того, кто верит в его милосердие.

Она закрыла глаза, и с ее длинных ресниц закапали слезы. Он протянул к ней руку, и она почувствовала ласковое прикосновение его невесомой руки.

— Смелее, душа моя. Да поможет вам Бог.

На следующий день ее позвал монах, дежуривший у ворот. Он запряг для нее мула, к которому привязал две корзины с едой и одеялом. Анжелике следовало отправить этого мула из Мальзея с одним из тамошних монахов.

Она тщательно укутала дочь и покрыла платком ей голову. Она знала, что распространенное среди народа описание преступницы с зелеными глазами дополнено тем, что с разыскиваемой рыжеволосый ребенок.

Приготовившись сесть на мула, она остановилась в нерешительности. Может быть, стоит повидать еще раз аббата и Альберта?

Сторож покачал головой и объяснил, что началась Святая Неделя, монахи уединились в своих кельях.

Действительно, еще более глухое молчание, чем обычно, висело над монастырем. После паломничества на Пасху наступила пора уединенного общения с Богом.

Сердце ее сжалось при мысли о прощании с родиной и с этим дорогим ей местом. Но в то же время она сознавала, что эта горечь не что иное, как появляющийся вкус к жизни, первый признак выздоровления.

Она выехала на тропинку, ведущую в лес, и за ее спиной тяжело захлопнулись ворота...

Сколько дверей уже захлопывалось за ней, каждый раз намертво закрывая доступ в убежище, точно капкан, отрезающий жертве путь к спасению. Сколько раз ей перекрывали все пути к свободе, пока не оставался единственный — ее индивидуальный путь. Каким он будет

теперь?

В последней раз ей приходилось ехать через пуатинский лес. Она опасалась появляться на проселочной дороге среди бела дня. Сначала через лес, потом по болотам она беспрепятственно доберется до Мальзейского аббатства.

Солнце поднялось уже высоко, когда она достигла Волшебного Камня. Его лучи ярко освещали поляну, и Анжелика остановилась, охваченная волнением от перемены, происшедшей за какие-то две недели.

Еще две недели назад она рыскала вокруг поляны по колено в снегу, изнемогая от холода. Сегодня же земля была покрыта нежно зеленым ковром; и ручеек, который она тогда переходила по льду, давно ожил и бежал с резвостью молодого козленка; фиалки покрыли лесные опушки, кукушки отсчитывали чьи-то года.

Анжелика не могла оторвать глаз от этих чудес. После долгой, бездомной зимы природа выткала для нее ковер из изумрудных трав и пестрых цветов. Эти изящные растения рождались, казалось, из замороженной глубоко земли, из безжизненных веток. Точно такое же существо, рожденное после демонического разгула, она держала на своих руках — это была Онорина.

Аббат де Лесдигьер и ниельский аббат. Это были два архангела, не давшие ей сорваться в пропасть. Мысль о них воскресила в ее памяти образ другого священника, монаха Беше. Только благодаря ему она смогла дожить до этих дней.

Глава 12

На следующий день она была уже в Мальзее. Его знаменитое аббатство было построено на острове среди болотистых, застойных вод и зарослей вербы. Когда-то здесь были глубокие озера и в основание монастыря хлестали волны прибоя. Монахи вели здесь вялую жизнь, охотясь за угрями и лягушками, больше утруждая себя послеобеденным отдыхом, нежели постами и чтением религиозных книг. Здесь сохранились традиции эпохи Рабле, который писал своего «Гаргантюа» в стенах этого монастыря. Им было далеко до бодрой жизни монахов Ниеля.

Анжелика была хорошо принята в этом аббатстве, так как у нее было письмо от брата Жана. «Святой человек», — сказал о нем, вздохнув, настоятель Мальзейского монастыря.

Вскоре она уже ступала по мокрому песку, направляясь к побережью. За спиной у нее в сумке висела Онорина. Она остановилась, чтобы подобрать с земли прошлогодние орехи и расколоть их для девочки. Лепестки шиповника, намоченные морозящим дождем, прилипли к ее рукам.

Впереди доносился незнакомый ей шум. Это был последний этап ее пути к морю. Шум нарастал. Шаг Анжелики замедлился, он будто сделался неверчивее, осторожнее.

Наконец перед ней открылось море.

Оно не было похоже на Средиземное — солнечное, бирюзовое. Это был океан, мрачное море, убежище атлантов. Оно уходило во все стороны до горизонта, серо-зеленое. Горизонт же почти сливался в далекой дымке с небом.

Слева она заметила рыбацкую лачугу. Здесь Анжелика должна была встретиться с Понсом-ля-Палюдом, лжесолеваром, протестантом, который встал в ряды бунтовщиков в первые дни восстания. Но этот смелый парень накануне был схвачен и казнен за два греха сразу: за контрабанду и за неповиновение властям. Остатки его шайки скрывались в редких прибрежных лесах и промышляли грабежом. Вместе с ними она собиралась нанять корабль и переправиться в Бретань.

Жители побережья, не раздумывая, выдавали скрывающихся мятежников властям. Этим занимались даже протестанты: побежденные королем, они старались заслужить его милость. Анжелика не решилась обратиться за помощью к местным протестантам, которые хорошо знали о

ее причастности к восстанию. Ей нужно было только одно: сесть на корабль.

На третий день в лес прибежали отощавшие рыбаки и сообщили, что приближается торговый караван. Он идет из Марана и везет вино и зерно. Вот уже несколько месяцев члены банды не могли и мечтать о такой добыче. Контрабандисты вскочили с лежанок и схватились за оружие. Они были вооружены шпагами и палками, у них не осталось больше ни пороха, ни пуль для мушкетов.

— Оставьте караван в покое, умоляю вас, — упрашивала их Анжелика. — За вами пришлют отряды солдат, мы не сможем уплыть. В этих лесах нельзя укрыться.

— Мы не можем упустить такой случай, — отмахнулся их вожак. Сквозь перелесок уже можно было различить звон колокольчиков на мулах и скрежет повозок. Затем послышались крики и звон оружия.

Анжелика не знала, каким святым уже молиться, чтобы спасти положение. Людей опьянила жажда легкой наживы. Теперь сюда нагрянут солдаты, а в гавани усилится надзор таможенников. Увы, она слишком мало знает этих людей и совсем не имеет на них влияния. Она даже не знает их наречия. Анжелика привязала Онорину к дереву и побежала к месту сражения.

Торговцы, вместо того чтобы бежать, решили стойко защищаться. Они отстреливались из пистолетов, прячась за повозками. На дороге уже лежали раненые.

Анжелика подскочила к вожаку банды, скрывавшемуся за кустами.

— Крикните об отступлении, — сказала она.

— Теперь уже поздно. Любой ценой нужно захватить продукты, а заодно и этих молодцов, чтобы не болтали лишнее.

Он побежал к одной из повозок, но тут же был срезан выстрелом. Настал переломный момент битвы. Почувствовав, что бандиты растерялись и стали отступать, четверо купцов выскочили из-за повозок и побежали вслед за ними. Ловко фехтуя обыкновенными палками, купцы выбивали у нападающих оружие и легко добивали их. Анжелика не успела убежать, она получила сильный удар по затылку. Она успела заметить того, кто ее ударил. Он был одет во все черное; без сомнения, это был протестант, рослый, со светлыми глазами, выражавшими не гнев, а сожаление. От второго удара, который пришелся по виску, она потеряла сознание.

Перед тем как она очнулась, ей привиделись Флоримон с Кантором, их похитили разбойники, и она бежала за ними вместе с ля Ползком по

грязным дорогам Шарентона... Она открыла глаза.

Она была в тюрьме, одна лежала на гнилой соломе. Отчаяние, охватившее Анжелику, было так сильно, что у нее не хватило даже сил проклясть неосторожных контрабандистов, из-за которых так глупо закончилось ее короткое путешествие. Через несколько часов она уже отплывала бы в Бретань, как договорилась с капитаном одной из яхт. Она позволила мыслям течь свободно в любом направлении, не задумывалась, ни в какой тюрьме она находится — Сабле или Тальмона, ни о предстоящем приговоре, ни о том, узнали ее или еще нет. У нее гудела голова, особенно затылок. Так в рассеянном состоянии она лежала, пока острая мысль не пронеслась в сознании, заставив ее привстать на соломе: Онорина!

Ужас охватил ее. Что стало с ее ребенком, после того как купцы отбили нападение? Она оставила дочь привязанной к дереву. Может быть, ее заметили и взяли с собой отступающие контрабандисты? А если никто не обратил внимания на притихшего ребенка? Если она до сих пор находится на том же месте, одна в безлюдном лесу? Та лужайка, где собрались контрабандисты, находилась далеко от дорог. Можно ли надеяться, что кто-то услышит крики?

Холодный пот выступил на лбу Анжелики. Уже смеркалось. Сквозь решетчатое окно виделся кусочек неба, красноватый закат.

Анжелика стала стучать в дверь подвала, но, так как ее никто не сторожил, некому было отозваться на ее крики и стук. Она побежала к окошку и вцепилась в решетку. Окно было на одном уровне с землей. Ветер донес легкий морской запах, и она поняла, что море близко.

Она снова позвала, но напрасно. Наступила ночь, никто не интересовался узниками, погребенными заживо, они должны были теперь ждать утра, чтобы ими кто-нибудь занялся.

Потянулись томительные минуты ожидания, во время которых она чуть не помутилась рассудком от беспокойства и беспомощности. Она кричала, как приговоренная к смерти. Легкий шум привел ее в себя. Это были чьи-то шаги, человек шел мимо ее окна. Анжелика ухватилась за холодные стальные прутья и подтянулась, чтобы ее голос звучал громче. Шаги приближались. Она увидела чьи-то ноги, обутые в кожаные туфли.

— Во имя всего святого, смилуйтесь, подождите!.. Выслушайте меня!
— закричала она.

Шаги замерли.

— Во имя любви к Богу, — повторила она страстным голосом, — выслушайте меня.

Никто не отвечал ей, но туфли не сходили с места.

— Моя дочь осталась одна в лесу, она пропадет, если никто не сходит за ней. Она погибнет от холода и голода, ее утащат лисицы. Сжальтесь над ней!

Ей надо было указать точное место, но она не знала названий здешних мест, этот край был чужой для нее.

— Недалеко от дороги, где разбойники напали на караван купцов, везущих зерно.

Но вчера это произошло или сегодня? Она спрашивала себя, но не могла ответить с уверенностью.

— ...От дороги надо пойти по тропинке... У ее начала стоит дорожный столб. Идя по этой тропинке, вы выйдете на лужайку... Она там привязана к дереву... Моя дочь, ей нет еще двух лет...

Шаги удалились, прохожий ушел в ту сторону, куда направлялся раньше. Очевидно, он пропустил мимо ушей эти странные крики, раздававшиеся из подвала.

Она спала тяжелым сном, во сне ей приснились крики ребенка. Ее разбудил тюремщик, который за ней пришел с двумя вооруженными охранниками. Они приказали ей подняться и следовать за ними. Сначала они поднялись по каменной лестнице, а затем снова спустились в подземную сводчатую комнату, где по стенам текла вода и выступила соль. Но в этой комнате не было холодно. В углу стояла жаровня, около которой голый по пояс человек старательно поворачивал железные прутья.

В другом углу комнаты на фоне сильно потертого голубого покрывала с белыми лилиями сидел судья в черной мантии и белом парике, а рядом с ним — один из купцов, тот, который оглушил ее палкой.

Они мирно беседовали и ни на секунду не прервали разговор, когда ввели Анжелику и поставили ее на колени перед палачом, оголив ей плечи.

Анжелика закричала и попыталась вскочить, но крепкие руки вернули ее на прежнее место. К ней уже приближался раскаленный докрасна кончик железного прута... Она закричала, как раненое животное, Запах горелого мяса ударил ей в нос. Боль в левом плече пронзила ее руку до самых ногтей. Она продолжала стоять на коленях, слабо вздрагивая, Палач не опускал стержня, и Анжелика увидела на конце его печатку в форме лилии, почерневшую от частого употребления.

Судья и торговец продолжали разговаривать. Их слова усиливались низким сводом.

— Я не разделяю ваших опасений, — говорил судья. — Наше положение еще достаточно надежно. Я не думаю, что король хочет

избавиться от всех протестантов в стране. Напротив, он ценит честность, воздержанность наших единоверцев. Посмотрите, здесь, в Сабле, католиков так мало, что из четырех судей трое протестанты. А так как единственный судья-католик постоянно занят охотой на уток, то чаще всего мы ведем дела католиков и выносим им суровый приговор. Ха-ха-ха!

— Но вы слышали о событиях в Пуату? Поверьте, я видел там весьма впечатляющее зрелище...

— События в Пуату? Они поддались на провокации. В очередной раз наши братья поверили притязаниям самолюбивых сеньоров, таких, как этот Мориньер.

Судья выбрался из-за стола и подошел к Анжелике, все еще стоявшей на коленях.

— Ну что ж, дочь моя. Извлекли ли вы должный урок из того, что с вами произошло? Не пристало честной женщине бегать по лесам с контрабандистами, Отныне, где бы вы ни появились, на вас будут видеть печать королевского суда.

Она не поднимала глаз на судью и купца. Она решила, что ее не узнали, значит, не стоит давать им повод для дальнейших разговоров.

— Принимая во внимание, что вы принадлежите к нашей вере, я делаю для вас некоторое снисхождение. Я не держу вас больше в этих стенах. Но я не могу допустить, чтобы ваша душа не вернулась на путь добра... Я не мог бы придумать ничего лучше, чем поместить вас на некоторое время в окружение добропорядочной семьи. Габриэль Берн, который стоит рядом с нами, сказал мне, что он ищет служанку, которая будет заниматься его домом и детьми. Руководствуясь божьей заповедью о прощении заблудших, он согласен взять вас.

На улице, где толпились рыбаки, продавцы и рабочие соляных копей, она решила выбрать удобный момент и ускользнуть от купца. Но мэтр Габриэль, догадываясь о ее намерении, крепко держал Анжелику за руку.

В харчевне «Только с солью» он показал ей свою комнату.

— Мы отправимся ко мне домой завтра рано утром. Я живу в Ля Рошели, но по дороге мне надо навестить компаньонов. Поэтому на месте мы будем не раньше завтрашнего вечера. Я должен убедиться в том, что вы собираетесь добросовестно выполнять обязанности служанки, так как я имею определенные обязательства перед судьей.

Он ждал ее ответа. Ей надо было схитрить и заверить его в добрых намерениях. Но она не могла этого сделать под его честным и твердым взглядом.

— И не рассчитывайте на это. Ничто не заставит меня прислуживать

вам.

— Даже так?

Он указал ей на кровать, высокую, как в крестьянских домах, стоящую на комод с несколькими ящиками.

— Подойдите ближе, — сказал он.

Она приблизилась на два шага и замерла, На подушке она заметила выбившиеся из-под платка рыжие пряди. Онорина спала глубоким сном.

Анжелике показалось, что она видит это во сне. Она бросила на мэтра Габриэля благодарный взгляд. Затем она опустила глаза и посмотрела на его кожаные туфли.

— Это были вы!

— Да, это был я. Вчера я проходил тюремным двором, чтобы встретиться с судьей, и услышал голос женщины, которая умоляла меня спасти своего ребенка. Я сел на лошадь, и мне посчастливилось найти то место, где мы отбивались от бродяг. Там до наступления темноты я успел отыскать вашу дочь. Должно быть, она долго плакала и, утомившись, уснула. Но она не замерзла. Потом ее накормила здесь по моей просьбе жена хозяина.

— Да хранит вас Бог, мэтр Габриэль! — воскликнула Анжелика. — Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и моей дочери. Вы можете рассчитывать на мое умение вести хозяйство, отныне я ваша служанка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ПРОТЕСТАНТЫ ЛЯ РОШЕЛИ

Глава 1

Карета мэтра Габриэля Берна прибыла в Ля Рошель поздно вечером. Мэтр Габриэль остановился у одноэтажного здания.

— Это мои кладовые. Они выходят прямо в порт. Но я предпочитаю загружаться здесь, подальше от посторонних взглядов.

Через несколько улиц они заметили стоявших у дверей высокого дома солдат городской стражи, вооруженных алебардами. Их факелы освещали подъезд, двери которого были распахнуты.

— Стражники в моем доме? — пробормотал мэтр Габриэль. — Что здесь происходит?

Тем не менее он не казался взволнованным, когда выходил из кареты.

— Идемте со мной и возьмите с собой дочь, — сказал он Анжелике, которая не решалась выйти. — Нет никаких поводов для тревоги.

У нее же были достаточно веские причины, чтобы держаться подальше от солдат. Однако она обязана была подчиниться своему новому хозяину.

Стражники преградили им дорогу алебардами:

— Соседей не пускаем. У нас приказ никого не пропускать.

— Но я не сосед, я хозяин этого дома.

— Тогда проходите.

Поднявшись на несколько ступенек, они прошли через низкий вход и попали в зал, где по стенам висели тяжелые старинные ковры и большие картины, в центре комнаты с потолка свешивалась хрустальная люстра с шестью рожками.

Юный мальчик сбежал со второго этажа, в спешке перепрыгивая через две ступеньки.

— Скорее, отец, скорее. Паписты хотят склонить дядю к отречению!

— Но ему девяносто лет, и он не может пойти в церковь. Это не что иное, как шутка, — сказал спокойным голосом мэтр Габриэль.

Наверху показался человек, одетый в коричневый вельветовый костюм. Его нарядные кружевные манжеты и манишка, а также модный парик указывали на высокий сан.

— Дорогой Берн, как я рад, что вы вернулись невредимым. К сожалению, вы застали меня за исполнением обязанностей. Мне пришлось проникнуть в ваш дом без вас...

— Господин генерал-лейтенант, ваш визит делает мне честь, — сказал

торговец, почтительно кланяясь. — Но могу ли я знать, чем обязан?

— По новому декрету каждый умирающий протестант должен исповедаться у католического священника, чтобы перед смертью принять праведную веру. Узнав о том, что ваш дядя почтенный Лазарь Берн при смерти, мы привели к нему кюре. Однако ваши женщины, мой друг...

— Он умер?

— Умрет, вероятно, через несколько минут. Он уже дал согласие перейти в новую веру.

Вдруг раздался звонкий девичий крик:

— Не смейте! Не смейте делать это в доме наших предков!..

— Это ваша дочь? — очень строго спросил генерал-лейтенант мэтра Берна. — Она укусила меня, мерзавка!

Тут только все заметили, что одна кисть у него завязана белым платком.

В глубине дома назревал скандал.

Из коридора выскочила старушка, похожая на ведьму, и стала что-то кидать в генерал-лейтенанта. Анжелика заметила, что это были луковицы. Слуги с топотом пробежали по вестибюлю. Один мэтр Габриэль был спокоен. Он крикнул своей дочери, чтобы та замолчала. Но военный уже кликнул из окошка на подмогу солдат. Их появление усмирило домашних. После этого все присутствующие прошли в комнату, где лежал умирающий.

— Сын мой, я принес вам лик Иисуса Христа... — говорил ему священник.

На подушке покоилась голова древнего старца, глаза его были закрыты. Но при последних словах священника он поднял голову.

— Мне кажется, что это немного не в вашей власти.

— Но вы просили об этом только что...

— Я всего лишь хотел пить. Знаете, господин кюре, я еще из тех, кто ел вареную кожу и суп из чертополоха во время осады Ля Рошели. И это не для того, чтобы через пятьдесят лет отказаться от веры, за которую погибло тогда двадцать три тысячи жителей из двадцати восьми.

И он крикнул ослабевшим, но еще живым голосом:

— Пусть мне принесут стакан бордерийского вина! Раздался смех домашних.

В эти минуты Анжелика уловила запах чего-то горелого, доносившийся из кухни. Это был повод избежать собрания военных. Она поспешила на кухню.

Это была огромная жаркая комната, хорошо обставленная. Анжелика

опустила Онорину в кресло около очага, укрыв ее полотенцем. Сняв с огня горшок, она увидела в нем подгорающий батат, который еще можно было спасти. Потом она решила накрыть длинный стол, стоявший посреди зала. Скоро вопрос с приобщением к новой вере будет решен, и семья сядет за ужин в честь возвращения мэтра Габриэля.

Ее насторожило появление военных в доме коммерсанта. Значит, даже здесь дом протестанта не является надежным убежищем. Но торговец поступил с ней человечно, кроме того, след ее потерян властями. Почему бы ей не поселиться в доме влиятельного гугенота Ля Рошели?

— Это ваша новая служанка? — спросил чей-то мужской голос.

— Да.

— Она принадлежит вашей вере?

— Кажется, да.

С замирающим сердцем прислушивалась она к разговору хозяина дома с кюре. Мэтр Габриэль объяснил ему, что совсем недавно взял эту служанку и не успел расспросить ее о семье.

— А сколько лет вашей дочери, господин Берн?

— Двенадцать лет.

— А вы знаете, что по новому декрету девочкам, достигшим двенадцати лет, разрешается принять ту веру, которая ей ближе...

— Но моя дочь уже сделала выбор, — заметил мэтр Габриэль. — Ведь вы в этом только что убедились.

— Дорогой друг, — голос кюре был сухой, — мне жаль, что вы не хотите прислушаться к моим советам. Это неизбежно обернется для вас серьезными последствиями. Не упорствуйте, отрекитесь, и вы избежите тысячи неприятностей... Отрекитесь, пока еще не поздно.

Наконец голоса стихли, хлопнула дверь, стук сапог удалился. Один за другим в кухне собрались все члены семьи. Старушка, которая бросалась луковицами, сновала по кухне, как мыть. Она повеселела, увидев, что батат не сгорел, она о нем совсем забыла.

— Спасибо, красавица, — шепнула она Анжелике. — Без вашей помощи мне досталось бы от хозяина.

Перед тем как всем сесть за стол, пастор Босер прочел краткую молитву, обязывающую к умеренности в еде, посланной Богом. Анжелика подседа к очагу, но ее пригласили:

— Госпожа Анжелика, садитесь с нами. Наши слуги всегда едят с членами нашей семьи. И ваш ребенок тоже доставит нам приятное соседство. Его целомудрие принесет нашему дому расположение Господа.

— У нас малыши приравняются к королям, — подтвердил пастор

Босер, глядя на Онорину, улыбающуюся ему.

— Отец, — сказала Северина, двенадцатилетняя дочь хозяина, — что вы будете делать, если они заставят дядю Лазаря отречься?

— Никого нельзя обратить в новую веру силой, дочь. Даже паписты считают это сокровенным делом каждого.

— И все же, как вы поступите в этом случае? Вы их убьете?

— Жестокость, моя девочка... — начал мэтр Габриэль. Она поморщилась от нетерпения:

— Ну, конечно, вы спустите это им с рук. И тогда наш дом будет опозорен.

— Дети не должны вмешиваться в дела взрослых, — повысил голос отец. Когда семья удалилась в другую комнату, чтобы читать Библию, Анжелика обратилась к старой служанке:

— Может быть, вас и устраивает такой скудный ужин, но моя дочь не наелась. Даже в глухих лесах мы ели лучше, чем в этом доме, хотя он выглядит довольно богато. Неужели голод из Пуату перекочевал к вам?

— О! Сразу видно, что вы нездешняя. Тогда бы вы знали, что со времени осады наши жители сохранили привычку считать каждый клубень, каждый кусочек хлеба. Вы бы видели отца господина Габриэля, вот это был человек! Ему можно было подсунуть камней вместо супа — он бы не заметил! Вот только в вине он был очень разборчив. Пил только лучшее шарентейское, у нас до сих пор его полно в погребе, — и служанка постучала каблуком об пол.

Анжелика посадила к себе на колени Онорину, которая не подавала виду, что голодна. Она никогда не жаловалась и в этом была похожа на скромных жителей Ля Рошели, привыкших довольствоваться самым необходимым. Как они ей улыбались сегодня за ужином! Надо ли пускаться в дальнейшие странствия, чтобы искать себе другое убежище?

— Вот простокваша и хлеб для девочки, — сказала служанка, ставя перед ней полный кувшин.

— Но если хозяева...

— Они ничего не скажут, особенно, если это нужно девочке. Я их знаю... А потом вы ляжете спать вот здесь, — она показала Анжелике большую кровать в глубине кухни.

Уложив ребенка, Анжелика села возле очага со старой служанкой. Ей хотелось поподробнее расспросить о городе и о доме, в который она попала.

— Сейчас я угощу вас крабьим мясом, красавица, к нему мы выпьем немного сен-мартинского вина.

Ребекка, так ее звали, вытащила из кипящей воды огромного краба и разделила его на две части.

— Делайте, как я, возьмите нож вот так, — она показала, как надо вскрывать панцирь. — В нем можно есть все, кроме его брони.

Дом давно погрузился в молчание. После молитвы все разошлись по своим комнатам.

— По вашей внешности видно, что вы не из наших краев. Вы, должно быть, из Бретани?

— Нет, я из Пуату, — ответила Анжелика и сразу же пожалела о своих словах. Когда же она научится настороженно относиться к чужим людям?

— О, значат, вы многое повидали. Одна моя знакомая из Вернона, толстая Сара, сошла с ума, после того как там побывала... Во все времена одно и то же. Войны, осады, голод — они несут нам только страдания. Вас они тоже, конечно, не миновали. Я сама пережила ту самую осаду, а трое моих сыновей умерли от голода.

— А я, — сказала вдруг Анжелика громким голосом, которому удивилась сама, — держала на руках своего зарезанного ребенка!

— Я вас понимаю, милая, — попыталась успокоить ее Ребекка, — Когда теряешь ребенка, то будто переходишь в другой мир, перестаешь быть, как все. У меня их было трое... Старшему было семь лет. Он умер первым, я думала, что он спит, и не стала будить его, так как во сне меньше ощущаешь голод. Но к вечеру он ни разу не пошевелился, и я встревожилась, а когда приблизилась к его кровати, то поняла, что его уже нет.

— Но почему вы не попытались выбраться из города? — спросила Анжелика. — Это было невозможно?

— Вокруг города находились отряды господина Ришелье. Со дня на день мы ждали прихода англичан. Но они приплыли и сразу вернулись обратно, а господин Ришелье стал строить плотину. Солдаты умирали от голода прямо у бойниц. Мой муж вскоре уже не мог держать в руках алебарду. Когда однажды вечером он не вернулся, я поняла, что он умер и что его похоронили в общей могиле. Трупы не выбрасывали из города, чтобы королевские войска не видели, что от гарнизона уже никого не осталось. Когда я слышала, как мышь шуршит под стеной, мы начинали ее выслеживать и сидели неподвижно по нескольку часов... Когда появился фламандский торговец и предложил купить у него старые кожи, город купил восемьсот штук, которые раздали солдатам и жителям, еще способным держать оружие... Покинуть город — значило признать, что он побежден... Когда все-таки его сдали, у меня оставался последний сын. А

как умер второй, я уже не помню. На улицах кричали: «У ворот раздают хлеб! Король вошел в город, король раздает хлеб!» «Пусть спасется хотя бы последний мальчик», — сказала я себе и понесла его туда, где раздавали хлеб. Солдаты выдавали нам ломти еще горячего хлеба, испеченного в военных передвижных печах. Мы ели и ели, мой мальчик зажал хлеб двумя руками, как белочка... И вдруг он умер. Он слишком много съел хлеба...

Она остановилась, чтобы глотнуть вина. Анжелика смотрела на нее испуганными глазами, будто осада Ля Рошели происходила не сорок четыре года назад, а сию минуту.

— А потом меня полюбил один человек, — продолжала служанка. — Он был папистом. Теперь их сколько угодно в нашем городе! Но, для того чтобы нам пожениться, мне требовалось переменить веру. Этого уж я делать не собиралась. Так он и уехал от меня на родину, оставив мне нового сына, и с тех пор я его не видела. А ребенок вернул меня к жизни.

Анжелика заметила, что Онорина проснулась, она снова уложила ее и, возвращаясь к очагу, увидела на ступеньках лестницы семилетнего мальчика. Он сидел тихо и, должно быть, слушал рассказ служанки.

— У него нет матери, — объяснила Ребекка и стала спускаться в подвал.

— Иди спать, — сказала Анжелика мальчику. У него было осунувшееся, измученное лицо.

— Как тебя зовут?

Он не ответил и стал подниматься, держась за стену, осторожными шагами. Он был похож на боязливую крысу.

— Подожди, я посвечу тебе, — сказала она, заметив, что на верхнем этаже совсем темно.

Его кровать представляла собой слежавшийся матрац из соломы, простыни были рваные, одеяло совсем тонкое.

Анжелика помогла ему раздеться. Его худые прохладные плечи напомнили ей плечи Флоримона, когда он был маленький; его сжатые губы — рот Кантора, который так мало разговаривал; а грусть во взгляде — глаза Шарля-Энри, мечтающего о своей матери...

Мальчик был удивлен, что кто-то помогает ему раздеваться. Он очень старательно сложил свою одежду на полу. Она обняла его и прижала к себе. Из глаз ее потекли слезы, и она не могла их остановить.

Она уложила мальчика в постель, улыбнувшись ему, чтобы его не смутили ее слезы. Поцеловав его, она вернулась вниз.

Глава 2

На следующий день мадам Анна, которую побаивалась даже Ребекка, с укоризненным видом вручила Анжелике Библию, обернутую в черный пергамент.

— Я заметила, дочь моя, что вы не проявляете интереса к религии. Она уснула в вас, но мы поможем ее разбудить. Вот вам Библия — книга всех книг, из которой каждый верующий может почерпнуть немало духовной силы и организовать по ней свое поведение.

Оставшись одна, Анжелика решила найти мэтра Габриэля. Ей сказали, что он в лавке, внизу, где держит счетные книги.

Она прошла через две просторные комнаты, где купец хранил наиболее ценные товары и между ними бочки с вином и спиртом. Мэтр Габриэль был наиболее крупным их поставщиком в Голландию и Англию. У него находился сейчас капитан-англичанин, получивший увольнение после доставки груза.

Капитан передвигался, пошатываясь, и тем не менее снял шляпу перед Анжеликой я пробормотал изысканный комплимент.

— Мэтр Габриэль, — обратилась Анжелика, — я должна разрешить одно недоразумение, мне надо было сказать об этом раньше. Я не протестантка, как вы полагали.

Торговец резко обернулся к ней:

— Но тогда почему вы позволили заклеить себя лилией? — вскричал он. — Ведь по закону только протестантская женщина, виновная в каком-либо правонарушении, должна быть заклеена. Мне удалось уговорить своего знакомого судью, чтобы вы избежали наказания хлыстом, но совсем избавить вас от наказания он не мог, так как вы были пойманы вместе с опасными преступниками. Трое из них были повешены, а остальные сосланы на галеры.

— Я не знала этого, но мы с ними были едва знакомы.

— Но почему же вы не сказали об этом раньше? Католичка, заклеенная лилией, везде считается опасной преступницей: убийцей, проституткой или воровкой. Теперь вас легко могут посадить в тюрьму или отправить в Канаду.

Он внимательно на нее посмотрел и спросил вполголоса:

— Может быть, вы не хотели, чтобы вам задавали лишние вопросы?

— Нет, мэтр Габриэль, в тот момент я думала только о своей дочери, я

ведь еще не знала, что вы ее спасли... Я не понимала тогда, что происходит... Но лишь вы один знаете о клейме...

— И постараюсь, чтобы об этом больше никто не узнал. Под моей крышей вам ничего не угрожает.

— А я постараюсь оправдать ваше доверие. Но теперь я хотела бы просить...

— Я знаю, о чем вы хотели бы просить, — пробормотал он, — чтобы вас не пытались обратить в протестантство. Не волнуйтесь, вас не тронут. Но это ведь не мешает вам читать Библию. Открывайте ее каждый день, неважно на какой странице. Вы найдете в ней ответы на все вопросы.

— Я хотела вас спросить еще вот о чем, — Анжелика собралась уходить, но вспомнила о своих обязанностях служанки. — За все в доме отвечает мадам Анна? Значит, я от нее должна ждать распоряжений?

— Моя тетушка, — улыбнулся он, — не видит большой разницы между кастрюлей и шляпкой, ей слишком скучно заниматься хозяйством.

— Значит, вы доверяете его мне?

— Почему бы и нет? От вас не требуется многого: лишь бы в доме была еда и не лежала пыль на мебели. На необходимые расходы я буду давать вам деньги, вот возьмите на первое время, — он протянул ей кошелек. — Но мне будут нужны подробные отчеты. Вы умеете вести счета?

— Да, мэтр Габриэль.

К вечеру она приготовила ужин, состоящий из капустного супа со свиным салом, жареной рыбы и яблочного пирога; вычистила до блеска медные тазы и кастрюли во всем доме и успела рассказать сказку про Золушку маленькому Лорье. Она очень устала, но была весела. Для нее начиналась новая жизнь, где король со своими притязаниями казался менее значительным, чем семилетний мальчик, которого она уложила спать прошлой ночью. Она приходила к нему на чердак среди ночи, чтобы рассказать какую-нибудь историю, и каждый раз заставляла его разглядывающим в зеркало свое отражение. Она поняла, что каждая ночь была для него пыткой: он боялся шуршания крыс и темных теней.

Закончив хлопотать по хозяйству поздно вечером, она прошла через весь дом к кабинету мэтра Габриэля, который допоздна возился со счетными книгами. Мэтр Габриэль стоял на пороге своей комнаты, заложив пальцем молитвенник.

— Что вы здесь ищете, госпожа Анжелика? Уже полночь, и ваша служба не распространяется на такие поздние часы.

Несмотря на его любезный тон, в голосе его слышалось недовольство.

У него был заведен строгий прядок: когда, закончив подсчеты, он запирался в своем кабинете для чтения молитвенника, все в доме должны уже спать.

— Извините меня, мэтр Габриэль, я учту ваше замечание, но я хотела бы постелить маленькому Лорье в небольшой комнате, которая сейчас свободна.

Она видела, что огоньки гнева разгораются в серых глазах торговца.

— Эта комната принадлежала моей покойной жене. Она никогда не должна быть занята.

Она мягко проговорила:

— Я понимаю вас, но другого места просто не нашлось.

— Для кого?

— Для Лорье. Он ночует на чердаке, всего там боится и долго не может уснуть. Я подумала, что в той комнате он будет спать спокойно.

— Чудесно! Вы сделаете из мальчика неженку. Я сам спал на чердаке, когда был маленьким.

— И вы не боялись крыс?

— Я привык к ним в конце концов.

— Но он не может привыкнуть. Он не спит по ночам, и это одна из причин того, что он такой худой и измученный.

— Он никогда не жаловался.

— Дети вообще редко жалуются, особенно если на них обращают внимание, — сухо сказала Анжелика.

— Мальчик должен быть мужественным. Вы рассуждаете, как женщина.

— Я рассуждаю, как мать. Мне кажется, что ваша жена была бы только рада, если бы там жил ее ребенок.

Торговец тяжело вздохнул:

— Что же делать?.. Вы весь дом ставите вверх дном. Я думал, что он спит со старшим братом... Пожалуй, верно, чердак ему не совсем подходит.

Анжелика бесшумно поднялась к мальчику.

— Я пришла за тобой, — сказала она.

— Куда вы меня отведете?

— Туда, где тебе будет хорошо. К твоему отцу...

Лорье был поражен, поняв, в какую комнату его теперь переводят.

— Я буду спать там всегда?

— Да, твой отец решил, что ты теперь взрослый и тебе нужна большая кровать.

Анжелика дождалась, пока он уснул. К ней подошел мэтр Габриэль и

задумчиво посмотрел на сына.

— Сегодня вечером, читая Библию, я упрекнул себя за то, что сразу не положил вам оплату за работу.

— Но вы не обязаны делать это, мэтр Габриэль. Я знаю, что служанка должна ждать месяц до первой оплаты.

— Но вы поступили ко мне на работу без всего. У вас нет даже самого необходимого.

Он снял с пояса еще один кошелек и протянул ей.

Возвращаясь на кухню, она подумала о том, как легко складываются у нее отношения с этим твердым человеком, как будто они уже давно были знакомы. У нее действительно было ощущение, что они где-то встречались.

Глава 3

Иногда по вечерам, когда тетушка Анна уводила домочадцев на чтение Библии, Габриэль позволял себе выкурить трубку. У него была коллекция длинных голландских трубок. Выбирая одну из них, он тщательно набивал ее табаком, затем облакачивался о дверной косяк и наблюдал сквозь дым за главной комнатой, через которую ходили члены семьи и слуги. В такие вечера дети знали, что отец в хорошем настроении и они могут издавать ему вопросы, рассказывать о своих делах. Через некоторое время к ним присоединился Лорье.

Однажды вечером, когда он сидел на коленях у Анжелики, а она гладила его волосы, молодая женщина заметила, что за ней наблюдает сквозь голубые клубы дыма мэтр Габриэль. Она опередила упрек, который, по ее мнению, должен был высказать хозяин:

— Вы находите, что я чересчур балую вашего мальчика? Но посмотрите, как он окреп. Его щеки порозовели... Ребенку нужна нежность, мэтр Габриэль, чтобы нормально развиваться, как цветам необходима вода.

— Я ничего не имею против этого, госпожа Анжелика. Я убедился, что ваши заботы сделали нормального ребенка из того заморыша, на которого было тягостно смотреть. Я признаю это... Знаете ли, я ведь лучше разбираюсь в свойствах вина или качестве канадских мехов, чем в том, что необходимо ребенку. Но что меня удивляет в вашей заботливости... это то, что вы уделяете больше времени Лорье, чем своей дочери.

— Вы находите?.. — ужаснулась Анжелика, покраснев. Испуганно она посмотрела на Онорину, которая все еще сидела за столом над тарелкой супа.

Ее теперь оставляли за столом одну, потому что ела она очень медленно, часами могла сидеть, устремив глаза в пустоту, ковыряя ложкой в тарелке. Анжелика объясняла потерю аппетита тем, что ребенок, привыкший жить на воздухе, теперь почти все время сидит в доме. Теперь же она была уверена, что девочке просто не хватает ее внимания. Онорина стала сердиться на мать, проявлять упрямство. «Уходи от меня!» — кричала обиженная дочь. Тогда Анжелика укладывала ее в постель или оставляла на попечение Ребекки, которая привязалась к девочке. А мать уходила к Лорье, напомиравшему ей сыновей.

— Вы привязались к моему сыну, — утешал ее мэтр Габриэль, приближаясь с дружеской улыбкой, — а я привязался к вашей дочери.

Никогда не забуду, как нашел ее спящей на корнях дерева, и то, как она обрадованно протянула ко мне руки.

Он был смущен, видя реакцию Анжелики на свои замечания. Сделав вид, что вспомнил о чем-то важном, он удалился.

Анжелика осталась с Онориной. Она протянула к ней руки:

— Иди ко мне!

Онорина, отвлекшись от созерцания тарелки, посмотрела на мать задумчивым взглядом, потом презрительно улыбнулась:

— Нет! — слезла со стула и забралась под стол. Анжелика полезла за ней и долго не могла поймать.

— Ты тяжелая, будто из свинца, — запыхавшись, проговорила она, выбираясь с дочерью из-под стола.

Она с любовью посмотрела в хмурые глаза девочки.

— Ты рыжая, но очень красивая, моя крошка! Хотим мы этого или нет, но мы должны быть вместе.

Она прижалась губами к ее нежной щечке. Сладкий запах ребенка напомнил ей о долгих странствиях по лесам и полям. Ей показалось, что все она видит во сне. В ней пробудилась любовь к жизни, силы ее будто вырвались на свет из темных глубин забвения и ненависти.

С того момента как дочь мэтра Габриэля Северина узнала, что Анжелика папистка, она избегала ее, а при встрече смотрела округленными от ужаса глазами.

— Эта женщина проникла к нам в дом, чтобы следить за нами, — говорила она знакомым и соседям. Госпожа Анна поддерживала ее.

— Очень возможно, дитя мое. Будем молить Бога, чтобы он оградил нас от ее козней!

Северина стала следить за Анжеликой, чтобы уличить в скрытых помыслах.

Анжелика в ответ пыталась уязвить ее:

— Если бы тебе приходилось бывать при дворе, Северина, то ты быстро поняла бы, что твоя манера держаться прямо, как палка, с резкими движениями куклы-марионетки — это признак невоспитанности. Тебе надо отрабатывать непринужденность жестов.

— Двор — это проклятое место, — по голосу Северины чувствовалось, что она задета.

В ответ Анжелика рассмеялась, а Северина ушла, покраснев от досады.

Но у этой девочки была своя слабость. Как все ее сверстницы, она любила нянчить малышней. Северина старалась завоевать расположение

Онорины. Украдкой она пыталась взять ее на руки, помочь есть или раздеть ее.

Чтобы наладить отношения с Севериной, Анжелика уговаривала дочь не прогонять ту, но добиться этого было трудно. У Онорины люди отчетливо делились на тех, кого она любила, и тех, кто ей был неприятен. Расположения ее добивались в основном мужчины, особенно сдружились они с Марсиалом. Он вырезал для нее небольшой сундучок, в который она могла прятать все свои сокровища: пуговицы, камешки, куриные перья. С женщинами у Онорины складывались более сложные отношения. Пожилые женщины ей нравились все без исключения, с женщинами средних лет она держалась с вежливым безразличием, а девушки и ее ровесницы вызывали в ней раздражение.

Чтобы сын не отвлекался от учебы, мэтр Габриэль решил отправить его в Голландию. Там он, по крайней мере, научится основам коммерции.

Однажды Анжелика, гулявшая по берегу с Онориной, заметила подростков, сидевших на вершине утеса и что-то разглядывавших на коленях у одного из них. Они были так увлечены, что не заметили ее приближения.

Марсиал, старательно выговаривая слова, читал:

«На Американских островах никогда не бывает холодно. Люди, живущие там, не знают, что такое снег. Круглый год растения остаются зелеными».

— А виноградники там есть? — спросил один из пареньков со светлыми волосами. — Мой отец — беженец из Шарента, он виноградарь. Что мы будем с ним делать, если там нет виноградников?

— А какого цвета люди на этих островах? Красные, с перьями на голове, как в Новой Франции?

Марсиал перелистал книжечку и сказал, что не нашел сведений о цвете их кожи. Они одновременно повернулись, заметив Анжелику, которая села рядом с ними, посадив Онорину себе на колени.

— Вы не знаете цвета кожи этих островитян, госпожа Анжелика?

— Я думаю, что они черные, — ответила она, — потому что вот уже много лет туда отвозят рабов из Африки.

— Но сами жители Карибских островов — они ведь не черные? — заметил Томас Каррер, который часто слушал рассказы матросов.

— Мы спросим об этом у пастора Рошфора, когда снова встретимся с ним, — прервал спор Марсиал.

— Ты сказал: пастор Рошфор? — встрепенулась Анжелика. — Ты говоришь об известном путешественнике, который написал книгу об

Американских островах?

— Я только что читал ее товарищам, Посмотрите! — он показал ей недавно переизданную книгу и тихо прибавил: — За обладание этой книгой берут штраф в пятьдесят ливров и сажают в тюрьму, потому что считается, что она подстрекает протестантов к эмиграции.

Пастор Рошфор приезжал в имение Монтелупов, когда ей было десять лет. Она помнила, как одинокий всадник, прибывший с края света, появился у них во время грозы. В разговоре он упоминал о краснокожих аборигенах, украшенных перьями, о неосвоенных землях, на которых живут невиданные животные. Его короткое посещение осталось в ее памяти, будто чей-то зов, несущийся из-за моря... Повинуясь этому зову, ее старший брат Жозелин тотчас отбыл в неизвестном направлении и навсегда пропал для семьи.

— Но пастор, должно быть, уже умер, вы его с кем-то спутали! — произнесла она упавшим голосом.

— О нет! Он очень старый, но продолжает путешествовать, — мальчик снова понизил голос. — Сейчас он опять в Ля Рошели. Никто не должен знать, где он прячется, иначе его немедленно арестуют. Вы хотели бы его увидеть, госпожа Анжелика?

Он достал из кармана какую-то вещицу и протянул ей. Это была свинцовая медаль с изображением голубя, сидящего на кресте.

— С этим знаком вы сможете побывать на сборище протестантов у фермы Жувекс. Там вы услышите выступление пастора. Придет больше десяти тысяч наших.

Глава 4

Юноша заблуждался, рассчитывая, что чуть ли не половина города придет на встречу с пастором Рошфором. Многих удержал дома страх. Кроме того, выбранный местом встречи солончак, окруженный скалистыми холмами, мог вместить не более тысячи человек.

Марсиал пошел вместе с Анжеликой. Он был горд тем, что сумел подружиться с ней. Мимо них проехала повозка с Севериной и тетушкой Анной, которые ахнули, увидев здесь шпионку-католичку. Анжелика увидела, как они подозвали мэтра Габриэля, который скакал рядом. Торговец пожал плечами, и они затерялись в толпе.

Народу было много, но собрание проходило в строгом порядке. Несколько молодых мужчин с сумками ходили между людьми и собирали пожертвования на нужды протестантского союза. Почти все собравшиеся сидели на земле, подстелив что-нибудь, чтобы не перепачкаться солевым налетом. Наиболее состоятельные горожане принесли с собой подушки и даже жаровни с углем, так как вечер был прохладный. Невдалеке к чахлым тамарискам были привязаны мулы и лошади, которых охраняли мальчишки. Они же были дозорными, в обязанности которых вменялось дать сигнал в случае приближения войск.

Кто-то запел гимн, толпа глухим хором подхватила его. Трое мужчин, одетых в черное, в широкополых круглых шляпах, вышли на огороженную камнями площадку. Один из них был пастор Босер. Анжелика тотчас узнала и самого старшего из трех. Несмотря на седые волосы, обрамлявшие загорелое, морщинистое лицо, она узнала «черного человека», возникшего, как призрак, из ее детства. Его худощавое тело не согнули трудности вечных скитаний, он держался прямо и твердо. Третьим был коренастый, краснолицый священник с живым, властным лицом. Он первым взял слово, и его громкий голос доносился до последних рядов.

Его речь многим не понравилась. Раздался голос крестьянина в белой рубахе:

— Я из Жарана, деревни неподалеку от Гатина. Драгуны подожгли нашу церковь, забрали у меня все припасы, убили обеих коров, осла и жену... А теперь я думаю, что если бы тогда взялся за топор и порубил бы их, то теперь чувствовал бы себя лучше.

Раздались редкие смешки, но они больше относились к порядку, в котором крестьянин перечислил свои потери. Он с непонимающим видом

оглядел собравшихся:

— Они волочили ее за волосы по дороге... А йотом бросили ее в колодец...

Его голос заглушило новое пение, в котором участвовали почти все собравшиеся. После того как псалмы смолкли, слово взял пастор Рошфор. Он напомнил слушателям библейскую легенду о том, как евреи, собравшиеся покинуть Египет, умоляли Моисея разрешить им остаться, а не умереть в пустыне, но войска фараона были остановлены могучим покровителем, и евреи благополучно достигли земли Ханаана. Так они были освобождены от рабства и не потеряли веру своих отцов. Его голос, надломленный старостью, звучал еще достаточно сильно, но его слова не находили поддержки у ля рошельцев. Уставшие люди слушали невнимательно и начали переговариваться между собой. Он прервал свое выступление, недоуменно посмотрел на толпу и прокричал из последних сил:

— Братья! Хорошо ли вы поняли смысл моего рассказа? Свеча, оказавшись под колпаком, тухнет. Евреи, оставшиеся в Египте, вынуждены были принять их веру. Одни предлагают вам взяться за оружие, другие — покориться королевской власти. Я предлагаю вам третий путь: уезжайте! Вас примут огромные пространства необитаемой земли, где вы также будете находиться под покровительством Бога, и вы сохраните нашу веру...

Его слова потонули в раздраженном шуме голосов. Начинало темнеть, и люди хотели возвращаться в город. Предложение покинуть насиженное место никого не интересовало.

Но по установленному порядку собрание должно было закончиться голосованием, которое определяло бы линию поведения ля рошельцев на ближайшее время.

— Кто поддержит вооруженное выступление? Никто не откликнулся.

— Кто готов уехать?

— Я, я... — прокричали несколько подростков, сидевших в первых рядах.

— Я! — кричал Марсиал, подскакивая на месте, чтобы его лучше видели.

Адвокат Каррер дал пощечину одному из сыновей, стоящему ближе других. Краснолицый священник степенно подошел к пастору Рошфору и поднял руку, добиваясь установления тишины.

— Господин пастор, — обратился он почтительно к старцу, — для нас было большой честью выслушать вас, но вы не должны удивляться, что ваши слова почти не имели отклика. Мы не можем покинуть город,

который испокон веков был оплотом протестантов.

— Вы находите, что лучше покинуть веру? — трепещущим голосом спросил пастор.

— Об этом не может быть речи! Ля Рошель принадлежит гугенотам. Нельзя переродить душу города.

Этим словам восторженно захопали те, кто их слышал.

— Что они могут с нами сделать? — раздалась возгласы. — У нас есть деньги!

Страх снова проник в сердце Анжелики: «Надо уезжать отсюда». Благополучие города было обманчиво. Она должна спасти Онорину. Пот выступил у нее на лбу при мысли о том, что драгуны однажды схватят девочку и, смеясь, сбросят ее на свои длинные пики. Она быстрыми шагами пошла прочь от солончака. Ее нагнал всадник. Это был мэтр Габриэль.

— Садитесь, я довезу вас, госпожа Анжелика.

На мгновение она замерла. Ей отчетливо припомнился совершенно такой же всадник, нагнавший ее однажды на дороге и улыбнувшийся той же улыбкой.

— Нет, — наконец произнесла она. — Я всего лишь ваша служанка... Пойдут слухи...

— Действительно, ведь мы сейчас не в окрестностях Парижа на Шарентонской дороге...

Все прояснилось: перед ней был ля Полак. Все повторялось.

Как и тогда, у нее промокли ноги, как и тогда, ее переполняла тревога за ребенка: незадолго до первой встречи похитили Кантора... В тот раз ее нагнали несколько всадников, и один из них, сын торговца из Ля Рошели, посадил ее на свою лошадь и довез до Парижа.

— Вы узнаете меня? — спросил мэтр Габриэль.

— Откуда у вас столько доверия ко мне, если вы решились доверить мне свой дом? — в ответ спросила она.

Он внимательно следил за нитью ее мыслей и верно понял суть вопроса:

— Я верю в тайный смысл некоторых совпадений, — ответил он. — Та встреча была как бы предупреждением... Когда я узнал вас в тот злополучный день, то даже не очень удивился: это было словно предписано. Мне не оставалось ничего, кроме как принять участие в вашей судьбе и в судьбе вашего ребенка. Я считал своим долгом освободить вас от тюрьмы, пока суд не затянулся и пока не подоспел судья-католик. Я предчувствовал, что ваше появление сыграет в моей жизни какую-то

важную роль. Ни какую?

— Кажется, я знаю какую, — произнесла Анжелика, взволнованная, как и он, этой странной историей. — Я должна буду однажды сласти вас и вашу семью. Так же, как вы спасли меня...

Глава 5

Однажды утром дядюшку Лазаря нашли мертвым, он лежал с безмятежным видом в своей постели. Анна с помощью слуг одела его в погребальную одежду и завернула в дорогое белое полотно. Сразу пришел пастор Босер со своим племянником. За ними потянулись соседи, которых становилось все больше и больше. Утром же раздался требовательный звонок в дверь, Анжелика открыла и увидела незнакомца с суровым лицом. Черный сюртук и белые брыжи указывали на то, что это официальное лицо, от которого она не ждала ничего хорошего. Он представился господином Бомье, президентом королевской комиссии по религиозным вопросам.

Бомье поднялся вверх в комнату, где лежал покойник, сопровождавшие его солдаты прошли за ним. Он вынул лист бумаги и стал читать суровым голосом:

— Господин Лазарь Берн умер без отпущения грехов католическим священником, чем явил опасный пример горожанам. Этот поступок расценивается как преступление, за которое его тело будет провезено для позора через все перекрестки города и выброшено на свалку. Кроме того, из оставленного им имущества взимается штраф в три тысячи ливров в пользу короля и сто ливров на нужды тюрьмы города.

Мэтр Габриэль побледнел, выслушав приговор. Из всех присутствующих только покойный сохранял благостное и даже насмешливое выражение.

— Господин де Бардань, ваш начальник не мог отдать такое распоряжение. Я знаю его отношение к нашей семье. Кроме того, он лично был свидетелем отказа моего дяди исповедоваться перед смертью. Я требую его присутствия.

Бомье поморщился, спрятав листок с приговором.

— Это ваше право, попробуйте найти его, но я остаюсь здесь. Я серьезно отношусь к своим обязанностям, суть которых заключается в скорейшем избавлении города от опасных заговорщиков.

— Итак, вы прямо называете нас изменниками королевства, — подошел к чиновнику городской старшина, ноздри которого раздувались от гнева.

Мэтр Габриэль остановил его:

— Кто отправится разыскивать господина де Барданя?

— Я пойду, — подошла к ним Анжелика, она уже накинула плащ на плечи.

— Ну что ж, поторопитесь, — усмехнулся Бомье.

Анжелика, насколько могла, быстро добежала до дома Барданя, где ей сказали, что он во дворце правосудия. Там ей пришлось подождать, но потом секретарь сказал ей, что Бардань находится в гостях у крупного судовладельца Жана Маниголя.

Ей было ясно, что над протестантами сгущаются грозовые тучи. И она оставила там Онорину, какая неосторожность! Она уже видела себя вернувшейся к пустому дому: печать на дверях, все арестованы, она не знает, где их искать...

Измученная тревожными предположениями, она вышла наконец к роскошному дому Маниголя. Там завтракали, чинно сидя за длинным столом под портретами членов династии Маниголей. В центре стола возвышалась гора экзотических фруктов: ананасы, грейпфруты. Анжелика устремилась сразу к генерал-лейтенанту.

— Я прошу вас пойти со мной, мэтр Габриэль нуждается в вашей помощи. Он рассчитывает только на вас.

Бардань встал из-за стола, несмотря на удивление, вызванное внезапным вторжением, неторопливо, с достоинством. Ее взволнованные, горящие глаза не могли не произвести впечатление на такого поклонника женской красоты, как Бардань.

— Успокойтесь же, мадам, — проникновенным голосом сказал он, — объясните нам все безбоязненно. Мы незнакомы с вами, но это не помещает мне выслушать вас самым внимательным образом.

Анжелика, осознав свою неловкость по отношению к хозяину дома и его жене, поспешно поклонилась им. Потом начала торопливый рассказ о том, что произошло в доме мэтра Габриэля.

— Хорошо, хорошо, едем, — Бардань подал знак Анжелике, чтобы она ждала его внизу, и добавил игривым тоном, обращаясь к Маниголю. — Не могу же я задерживаться, если такая особа слезно умоляет меня следовать за собой.

— Господи, лишь бы мы не опоздали, — шептала она. — Поторопите, пожалуйста, кучера.

— Да чего вы беспокоитесь, мадам? Могу с уверенностью сказать, что вы не уроженка Ля Рошели. Иначе бы вы давно привыкли к таким происшествиям, они очень часто случаются здесь. Увы, я обязан принимать участие в них по долгу службы. Очень сожалею, что старый Лазарь не поумнел к девяноста годам...

— Но вы ведь не позволите этому ужасному коротышке тащить его по грязи?

Генерал-лейтенант рассмеялся, обнажив свои белые, хорошо сохранившиеся зубы под густыми усами.

— Это вы Бомье так назвали? О, это имя ему подходит, — но все же он помрачнел: — Я не всегда согласен с его методами, они грубоваты..

Но простите, мне кажется, что я вас видел однажды. В таком случае, как я мог забыть имя такой очаровательной женщины?

— Я служанка мэтра Габриэли Берна.

— Да, я действительно видел вас там. Это было в тот вечер, когда меня позвали присутствовать при отречении усопшего... Господин Берн вернулся из путешествия, и вы сопровождали его.

Он прибавил строго:

— У вас был ребенок, который согласно закону должен быть обращен в католичество.

— Я хочу вас сразу предупредить, что моя дочь — католичка, так же, как и я сама.

— Я это предполагал, но... с какой целью вы совершили такой опрометчивый шаг, я имею в виду службу в протестантской семье?

У Анжелики уже готов был ответ, на который ее натолкнули выдумки Северины.

— Судьба свела меня здесь с очень набожной особой, — проговорила она, опуская глаза, — которой я многим обязана... Я не буду называть ее имя... Она попросила меня поступить на службу в эту семью, чтобы ...чтобы в один из дней сторонники новой веры приняли их в свои ряды...

За стеклом показалась улица Ремпара. Он помог ей выйти из кареты, любезно протянув руку. Внутренне он ликовал: простая служанка будет не в силах отказать во взаимности такой важной фигуре, как генерал-лейтенант, личный представитель короля в Ля Рошели. Войдя во двор, он взял ее под руку. Анжелика едва обратила на это внимание.

— Вот видите, все спокойно, как я вам и обещал, — сказал господин де Бардань.

В вестибюле четверо солдат, палач и Бомье пили вино, которое им подносила Ребекка. Бомье держался немного в стороне. Завидя своего начальника, он выпрямился и поклонился.

— Вот, послушайте, — кивнул он в сторону второго этажа.

Оттуда доносился медленный грустный псалом за упокой души усопшего. Протестанты находились в комнате, где лежал покойник, они собрались защищать его тело от посягательств.

— Вы убедились, — сказал еще раз Бардань Анжелике, — что мы живем среди разумных людей. В Ля Рошели все конфликты разрешаются сами собой.

Анжелика не могла без грусти слушать это монотонное пение. Оно напоминало ей пение протестантов в лесах Пуату, завывание детей де Рамбурга, обступивших свою мать.

— Не будем вмешиваться в это дело, господин Бомье, — сказал Бардань. — Я думаю, что речь идет о недоразумении, никакого преступления здесь нет.

— Но вы утверждали, что даете мне полную свободу действий с протестантами, — возразил разозленный Бомье.

— Да, но с тем условием, что вы будете тщательно изучать эти дела. Вы понимаете, что малейшая ошибка в таком щекотливом вопросе может привести к непоправимым трудностям. Протестанты очень восприимчивы к вмешательству в их дела. Не нужно давать им лишнего повода.

— Не верьте им! Они компрометируют нашу веру! С ними надо поступать так же решительно, как с изменниками во время войны.

В это время прибыл Маниголь в сопровождении своих многочисленных женщин, которые пришли, чтобы попрощаться с покойным.

Генерал-лейтенант сопровождал их наверх. Бомье с презрительной улыбкой, делающей его рот похожим на лезвие ножа, пошел следом. Он решил, что еще возьмет свое, как вдруг к нему подлетело нечто маленькое и круглое, в зеленом чепчике и начало стучать по нему палкой, приговаривая:

— Ты злой, ты очень злой! Уходите отсюда!

Это была Онорина, о которой все забыли. Бомье отскочил от нее, а Бардань, узнав дочь Анжелики, только улыбнулся:

— Очаровательный у вас ребенок!

— Вы находите? — разозлился пострадавший. — Это после того, как еретическое отродье посмело напасть на меня!

— Вы допустили одну неточность, дорогой мой. Эта малышка крещена в нашей церкви, — и он слегка повел глазами, что значило: разъяснения в другом месте. — Пойдемте, господин Бомье, вы еще молоды и многого не понимаете. Я поделюсь с вами кое-чем из своего опыта.

Анжелика отобрала у дочки палку и отвела их с Лорье на кухню. Онорина вся была вымазана вареньем, которым она лакомилась, оставшись без присмотра. Маленького Лорье вдруг начало рвать — это было следствие сильных волнений из-за отца.

В сопровождении тетушки Анны вошла Северина. Она тревожно спрашивала:

— Что же будет, тетушка Анна? Над его телом будут измываться на каждом перекрестке?

— Боюсь, что да, дочь моя. От них всего можно ожидать.

— Вы находите пользу в подобных высказываниях? — резко спросила Анжелика.

Внезапно Северина побледнела и опустилась в кресло. Анжелика подхватила девочку на руки и отнесла в ее комнату. Она сняла с нее туфли и уложила на кровать.

Пока Анжелика готовила грелку, госпожа Анна выразила удивление по поводу того, что мужественная, обычно твердая племянница упала в обморок.

— Ведь вы женщина, — возразила ей Анжелика, — как вы не понимаете, что девочке всего двенадцать лет и она еще не может участвовать во взрослых делах!

Анжелика подложила под голову девочки вторую подушку и опустила ее руки в таз с горячей водой. Скоро Северина открыла глаза? Анжелика усадила ее в кровати и стала расчесывать ее длинные волосы затем заплела их в две косички, завязав белыми ленточками. Потом она влила каплю духов в чашку, подлила воды и стала втирать смесь в виски и лоб девочки.

— Тетушка Анна будет недовольна тем, что я заболела, — тихо проговорила Северина.

— Почему же?

— Сама она никогда не болеет. Она говорит, что надо умертвлять свое тело.

— Наше тело и без того умрет однажды, — смеясь сказала Анжелика. Лицо девочки, обращенное к ней, показалось Анжелике изменившимся. Она лежала сломленная, побежденная, но в этой покорности неожиданно проступило что-то женское.

Она постаралась утешить девочку, но Северина устранилась от непривычной ласки, глаза ее выражали упрямство. Она сказала, будто прочтя мысли Анжелики:

— Я не хочу быть женщиной...

Северина всегда страдала от того, что она — девчонка и не может держаться на равных с братьями, особенно с Марсиалом, которого очень любила.

— Вот это да! — воскликнула, смеясь, Анжелика. — Я, как видишь, женщина и совсем от этого не страдаю.

— О! Вы — другое дело. Вы над всеми смеетесь... А потом вы такая красивая.

— Но ты тоже будешь очень красивой.

— Нет, этому не бывать. Кроме того, тетушка Анна говорит, что женская красота привлекает мужчин и толкает их на совершение грехов, которые Бог не одобряет.

Анжелика снова не смогла сдержать смех:

— Мужчины, по-моему, совершают те грехи, какие им хочется. Разве красота — это бремя, а не дар Божий?

— Ваши слова опасны, — проговорила Северина тоном тетушки Анны.

Глава 6

Несколькими днями позже Марсиал забрался ночью на голландский корабль и спрятался. Но королевская охранная служба на рейде у острова Ре обыскала корабль. Юный пассажир был арестован, ссажен на берег и заключен в форт Луи.

Мэтр Габриэль тотчас отправился просить аудиенцию у господина де Барданя, но не смог утром застать его. Зато он заметил зловеще усмехающегося Бомье. Затем он отправился к Маниголю. Весь день заняли бесконечные поиски, которые, впрочем, ничего не прояснили. Габриэль Берн возвратился к себе уставший и бледный. Анжелика не решилась сказать ему о ставшем ей известным от знакомых женщин двойном увеличении налога на протестантских торговцев.

Мэтр Габриэль сказал, что он все же повидал Барданя, но тот держался довольно сдержанно и сказал, что правонарушение, совершенное сыном мэтра Берна, считается чрезвычайно серьезным. Бывали случаи, когда протестантов, арестованных на пути в Женеву, приговаривали к повешению. Но, безусловно, приговор может быть смягчен, учитывая социальное положение семьи Марсиала.

За стыдом и негодованием скрывался страх. Адвокат Каррер сообщил, что арестованные в подобных случаях дети протестантов увозились в неизвестном направлении, а по слухам, их отправляли на галеры. Самые выносливые выдерживали в тех условиях не больше года.

На третий день Северина, бравшая уроки игры на лютне у одной пожилой дамы, живущей в том же квартале, не вернулась к полудню. Вместо нее пришли знакомые и сообщили, что девочка арестована «за оскверняющие действия» и отправлена в монастырь урсулинок.

В доме воцарилась зловещая атмосфера. Анжелика не спала всю ночь.

Наутро она доверила Лорье и Онорину старой Ребекке и отправилась во дворец правосудия, где добилась, чтобы ее пропустили к генерал-лейтенанту графу Барданю.

Лицо его просветлело и расплылось в улыбке, когда она вошла в его кабинет. В глубине души он предвидел ее появление.

— Вас послал хозяин? — спросил он. — Вы должны уже знать, что случай очень серьезный и мы ничего не можем сделать.

— Нет, я сама решила навестить вас.

— Я польщен этим. Я знал, что вы умная женщина. Вы правильно

рассудили, что мне необходимы дополнительные сведения, ввиду того что события происходят так быстро. Считаете ли вы, что мэтр Габриэль созрел для перемены вероисповедания?

— Перемены вероисповедания?

— Да, я жду его отречения. Его и еще нескольких лиц, список которых составлен мною в результате долгих, терпеливых наблюдений. Этих лиц всего десять, но, после того как мы сломим их, гугеноты Ля Рошели будут побеждены.

В комнате было очень жарко. Снаружи дул сильный ветер, и пламя плясало в камине, украшенном грифонами и кораблями. Щеки Анжелики очень скоро сделались похожими на спелые персики, а мысли господина де Барданя стали все круче менять направление.

Анжелика раздумывала над тем, что ей следует говорить теперь. Вначале она собиралась броситься перед ним на колени и умолять спасти семью мэтра Габриэля. Теперь это было немислимо, потому что ее приняли за сторонницу быстрейшего обращения в католичество.

Она села прямо, так, как садятся светские дамы. Он пожирал ее глазами, но она не замечала этого, спешно придумывая мнимый повод, объясняющий ее визит. «Как она прекрасна!» — думал Бардань. В первый раз он было принял ее за служанку, но теперь он не мог к ней относиться иначе, как к взысканной даме. Его поражали ее спокойная уверенность, свобода движений, смелость высказывания, чарующее обаяние. Виной этому, скорее всего, была ее красота.

Анжелика заметила, что молчание затянулось. Она подняла глаза, но сразу опустила их, смущенная таким страстным, откровенно мужским взглядом.

Он вздохнул:

— Прошу вас, не опускайте своих дивных ресниц. У ваших глаз такой редкий зеленый цвет, что их можно сравнить только с изумрудами. Скрывать их. — просто преступление.

— Я бы охотно заменила их на другие, — с улыбкой сказала женщина. — Они слишком привлекают ко мне внимание.

Получив небольшой отпор, Бардань понял, что поторопился. В таком деле не стоило спешить.

Он занял место за своим письменным столом и спросил тем же любезным голосом:

— Может быть, вкус к комплиентам у вас отбило тесное соседство с протестантами? Но ведь это так нормально, когда человек восхищается прекрасным произведением природы, будь то цветок или женщина.

— А вас не интересует, что думают о вас при этом те цветы, о которых вы говорите? Может быть, они тяготятся вами. Господин граф, что вы предпринимаете для спасения детей мэтра Берна?

— О, конечно! Как я мог забыть?! — воскликнул Бардань, ударяя себя по лбу, но подходящих слов для ответа у него не было. — Что же...

— Мой хозяин попал в список самых отъявленных протестантских заговорщиков, о котором вы упоминали?

— Попал ли он? — граф воздел руки к небу. — Да он стоит в нем первым! Он вроде бы держится в тени, но имеет очень сильное влияние в тех кругах.

— Но я не замечала ничего опасного в действиях мэтра Берна. Он занимается счетными книгами и чтением Библии. Он не занимается заговором.

Говоря об этом, Анжелика не могла не вспомнить о незнакомцах, украдкой проскальзывавших по ночам к ним в дом, о таинственном шепоте, доносящемся из кабинета хозяина...

— Вы меня удивляете... Или же им удастся обманывать вас.

Он взял пачку листов со стола и подбросил ее на ладони:

— У меня есть донесения, по которым с уверенностью можно судить о злонамеренных поступках вашего хозяина. За ним уже давно следят. Я благосклонен к нему и неоднократно его предупреждал... И вот теперь — такое предосудительное поведение его детей.

— Но его сын отправился в Голландию, чтобы изучить там торговое дело.

— Какая же вы наивная! Отец хотел отправить его туда, потому что подросток был готов переменить веру. Господину Берну было необходимо оставить сына в прежней вере, чтобы не потерять авторитета среди протестантов.

— Мне действительно показалось, что он опечален сомнениями сына, — подтвердила Анжелика. — Но, мне кажется, вы ошибаетесь относительно целей отправки сына в Голландию. Господина Берна заботит лишь образование его сына. Не забывайте также, что купец должен уметь самостоятельно совершать дальние путешествия.

— Слишком дальние, — сухо сказал Бардань. — За это часто платят жизнью. Впрочем, все решает суд.

— С нашей первой встречи у меня сложилось впечатление, что вы более любезны, чем сегодня.

Граф разволновался:

— Что вы хотите этим сказать? Разве я не достаточно любезен с вами?

— Мне показалось, что все эти инквизиторские дела не совсем подходят для вашего мягкого характера.

Он расплылся в улыбке, польщенный до глубины души. Оказывается, она не так безразлична к нему, как хотела внушить.

— Не будем торопиться с выводами, — сказал он. — Как истинный христианин, я сторонник миролюбивых решений и снисходительности к заблудшим. Но в то же время меня остро занимает насущная сторона религиозного вопроса. Вы должны понимать, что я человек государственный, поэтому должен быстро и точно реагировать на угрожающие обществу проявления... Еще раз позволю себе напомнить, что я глубоко уважаю господина Берна и всячески старался ему помочь, но он так непреклонен... Он не хочет понять...

— За что, кстати, арестовали Северину?

— Она слишком свободно выражала свои взгляды на религию.

— Этот арест ставит под сомнение авторитет отцовской власти, на которой зиждется вся наша страна.

— Какая польза от этой власти, если она порочна. У меня есть одно донесение...

Он хотел было достать один лист из упомянутой пачки, но задержался и посмотрел на нее пристально:

— Уж не защищаете ли вы их? — в его голосе звучали насмешка и подозрительность.

Анжелика поняла, что зашла слишком далеко в этом споре. Она усомнилась в том, что ей удастся безупречно сыграть роль шпионки, которую она для себя задумала. Наверно, слишком близко к сердцу приняла она события последних дней.

— Я не защищаю их, — сделала она попытку исправить положение. — Я хочу объяснить вам, что хорошо осведомлена о том, что происходит в этой семье. Я вижу, что вашими действиями руководят доносы каких-то негодяев, которые вы помпезно называете «донесениями» .

— Так вы же ничего не рассказываете. Я надеялся, что вы засыпете меня дополнительными сведениями, но я ждал напрасно.

— Но не произошло ничего такого, что могло бы вас заинтересовать.

— Тем не менее вы прозевали бегство Марсиала Берна, не предупредили меня о его намерениях, о которых, вероятно, подозревали или даже были предупреждены.

— Речь шла не о бегстве, а о путешествии.

— Вас ввели в заблуждение.

— Скажите еще, что я глупа!

Она вскочила со стула и направилась к двери, намереваясь покинуть кабинет. Бардань еще проворнее кинулся к двери с другой стороны и преградил ей дорогу.

— Не сердитесь на мои слова, мадам. Вы их не так поняли, я сожалею... Под предлогом задержать посетительницу он положил руки на ее плечи. Под тканью он ощутил нежную и упругую плоть. Он вдохнул тонкий аромат изысканных духов.

— Вы действительно уязвили меня, — вздохнула она.

— Извините меня еще раз.

— Я хотела вам сказать с самого начала, что, действуя подобными методами, вы никогда не придете к согласию с господином Берном. Мне кажется, что я знаю его достаточно хорошо. Он будет сопротивляться и станет еще несговорчивее. Тогда как, увидев вашу заботу о его детях, он будет тронут и пойдет навстречу.

Генерал-лейтенанта снова охватило сомнение.

— Однако я все равно не могу ему вернуть сейчас детей, это невозможно. Но я решусь признаться вам: это наш общий знакомый Бомье заварил все дело. Но теперь, когда ему дан ход, когда установлен факт бегства, а девочка уже под стражей, я не в силах что-либо изменить.

— Что их ожидает, по-вашему?

— Мальчика возьмут к себе иезуиты, девочку — монахини...

— Господин граф, я пришла к вам, чтобы предложить другое решение, — объявила она. — И господин Берн не знает о нем. На острове Ре живет некая дама, жена офицера королевского флота, она приняла католическую веру.

— Так оно и есть, это мадам Демюри.

— Дети вполне могут быть доверены ей. Это, на мой взгляд, самый подходящий выход в создавшемся положении, когда надо разделить родителей и детей протестантов.

— Я, пожалуй, мог бы и сам до этого додуматься, — медленно проговорил генерал-лейтенант. — Если только она не будет против... Главное, что мэтр Берн будет признателен мне. Ваш ум достоин вашей красоты.

И Бардань, потеряв контроль над собой, не смог удержаться: он нежно взял ее за талию и прикоснулся губами к ее нежной шее.

Анжелика вспыхнула и отпрянула так резко, что ошеломленный граф не нашел слов для извинений.

Глава 7

Тем временем Анжелика, отойдя в сторону, остановилась в смятении у инкрустированного столика. Ей казалось, что все пропало.

Однако господин Бардань не был настолько самолюбив, чтобы разозлиться на ее реакцию. Напротив, он решил, что получил по заслугам. Но в любом случае ей следовало смягчить произведенный эффект.

— Не сердитесь на меня, — нерешительно начала она. — Напротив, я нахожу вас очень любезным и приятным. Но ...как бы вам объяснить... Я обещала той женщине... о которой вам рассказывала ...что мое поведение будет самым благонаправленным.

— Чтоб они все поумирали от чумы, эти старые девы! — вскричал Бардань. — Держу пари, что она страшна, как ведьма. Как она может требовать от такой красивой женщины поведения монашки?!

— Но я сама убеждена в том, что должна вести скромную жизнь, господин граф. Разве вы ждали от меня другого?

Граф тяжело вздохнул. Дельце оказалось труднее, чем он предполагал сначала. Он решил быть хорошим игроком:

— Всякий мужчина на моем месте потерял бы голову. Я думаю, что у вас достаточно опыта, чтобы понять и простить меня.

Глава 8

Бардань сдержал слово. Анжелика, сознавая, что растеряла некоторые навыки ловкой и безупречной игры с мужчинами, несколько утешилась, после того как уже на следующий день Марсиал и Северина были доверены их тете.

Как-то раз мэтр Габриэль поручил ей отнести письмо судовладельцу Маниголю. Она возвращалась по узкой улочке у подножия крепостной стены. Обернувшись, она увидела подозрительно одетых люден, лица которых ей сразу не понравились. Это были не матросы и даже не грузчики из порта. Они были подозрительны тем, что их приличная одежда не соответствовала угрюмым и небритым лицам.

Она ускорила шаг, но послышался топот, и один из них окликнул ее:

— Эй, красавица, зачем ты убегаешь от нас?

Они уже шли по обе стороны от нее, один схватил ее за руку.

— Прошу вас, господа, оставьте меня, — сказала она, вырываясь.

— Не вижу причины. У вас слишком грустный вид, а мы можем составить вам веселую компанию.

К несчастью, все окна на домах были обращены здесь на юг, и днем они были вечно закрыты ставнями от жаркого солнца. Никого не было видно и возле редко попадавшихся дверей.

Они были недалеко от складов. Она знала, что в это время там находится мэтр Габриэль, который не даст ее в обиду, и устремилась к знакомому дому.

Преследователи не отставали, продолжая отпускать ей сомнительные комплименты. Теперь было ясно, что они пьяны.

Анжелика повернула направо и увидела совсем близко в глухой длинной стене небольшие ворота, перед которыми они останавливались в первый день приезда в Ля Рошель, чтобы оставить там мешки с зерном. Но тут наиболее крупный из мужчин в синей рубашке одной рукой схватил ее за руку, а второй обвил вокруг талии.

— Вот мы и пришли, моя красавица! Вы ведь не откажетесь от общества таких молодцов, как мы, которым нужны от вас всего-то одна милая улыбка и один нежный поцелуй? Нам рассказывали, что девушки Ля Рошели весьма любезны с иностранцами. Убедите-ка нас в этом.

Произнося эту тираду, он наклонился над ней и старался поймать ее губы. Анжелика отпрянула назад и залепила ему звонкую пощечину.

Мужчина выпустил ее, но в это время второй подбежал сзади. Удар по коленке заставил ее рухнуть на мостовую. Она закричала, но сильные руки зажали ей рот, стали срывать с нее корсаж. Освободившись на несколько мгновений от обхвативших ее рук, она крикнула:

— Помогите, мэтр Габриэль, помогите!

Они навалились на нее. Анжелика отбивалась с бешеной яростью, как в ту ночь в Плесси от солдат Монтадура.

Внезапно насильники будто вознеслись в воздух. Один из них упал под стеной, словно отброшенный невидимой силой. Глаза его остекленели, он навалился на Анжелику безжизненный, как манекен. Из рассеченного виска ручейком текла кровь.

Оттолкнув от себя окровавленное тело, она увидела, как мэтр Габриэль широким ударом сокрушил человека в синей рубаше. Тот был уже в таком плачевном состоянии, что просил пощады.

Торговец медленно взял его за горло. Ослабевшие руки насильника тщетно пытались отцепить железные, пальцы, движения их скоро стали конвульсивными, и они безжизненно упали.

Анжелика закусила губу, чтобы не закричать. Мэтр Габриэль выпрямился, его глаза странно смотрели в пустоту. Он шагнул ко второму телу, повернул его к себе, потом отпустил.

— Мертв. Ударился о стержень, который торчит из стены. Тем лучше, меньше греха мне на душу... Госпожа Анжелика...

Он направился было к ней, но остановился, его охватила внезапная дрожь.

— Вы ранены? — спросил он дрожащим голосом, заставившим Анжелику прийти в себя.

Она бросилась к нему, пряча лицо, стараясь скрыть в полах его темной одежды свои оголенные плечи.

— О мэтр Габриэль! Вы убили... Вы убили двух человек из-за меня... Куда мы идем?..

— Не плачьте, госпожа Анжелика... — он обнял ее осторожно. — Вы не виноваты.

Рука торговца поправила прядь волос на ее голове.

— Успокойтесь, мой друг, дорогая моя...

Он утешал ее, как ребенка, и она снова узнала его терпеливый голос и забытое ощущение мужской защиты. Она вдруг обнаружила, что не испытывает животного страха, находясь в мужских объятиях. Но вместе с тем она переживала чувство стыда, ощущая горячие руки на своей обнаженной коже.

— О, простите меня, я обезумела от страха.

С высоты крепостной стены за ними наблюдал часовой. Когда они собрались уходить, он тяжело сбежал вниз по каменным ступеням. Громыхание его сапог и алебарды наполнило шумом всю улицу.

— Вот это работа! — пробасил солдат, — Я со стены все видел. У вас отлично получилось, мэтр Берн, говорю это не для лести...

Он тронул концом алебарды одного из убитых.

— Я узнаю этих негодяев. Им платит Бомье, чтобы они пытались соблазнять протестантских девушек. Тогда за тех вступаются мужья или отцы, и получается свалка. Вот вам и повод привлечь к суду парочку гугенотов. Мне-то самому это противно... Вот что, господин Берн, уберите-ка отсюда эту падаль, я ничего не видел.

— Посмотрите во дворе, — сказал мэтр Габриэль Анжелике. — Я не хотел бы, чтобы мои помощники знали что-то. Если там никого нет, отоприте левую дверь лавки.

Двор был пуст, и она открыла указанную дверь. Оттуда хлынул запах рассола. В это время мэтр Габриэль обернул куртку одного из убитых вокруг его головы и оттащил в подвал. По дороге за вторым он заметил длинные кровавые полосы, оставленные башмаками. Эти следы четко указывали место, куда спрятаны трупы.

— Мы спрячем их в соль. Не в первый раз... Соль хорошо сохраняет тела. Это позволит нам дождаться удобного случая, чтобы потом избавиться от них.

Они зарыли их в большую гору соли, насыпанную в глубине ангара. Затем Анжелика принесла в ведре воды и старательно отмыла от крови камни на мостовой.

— Идите в контору, — велел ей торговец. — Теперь все в порядке, вам нужно отдохнуть.

Из предосторожности он запер дверь.

Анжелика опустилась на скамью перед столом, голова ее безжизненно поникла. Мэтр Габриэль поставил перед ней стакан с вином.

— Выпейте, госпожа Анжелика. Вам станет легче.

Она не шевельнулась. Тогда он поднял ее голову и поднес стакан к губам. Она сделала несколько глотков и закашлялась. Щеки ее снова порозовели.

— Ужасно, что оба они умерли... Как всегда, на моем пути одни мертвые...

Глава 9

Онорина спала на животе прямо на полу, раскинув руки, как маленькое животное, собравшееся встретить смерть.

— Она искала вас весь день, — объяснила Ребекка, — не могла найти себе места и заглядывала под все шкафы, под все кровати. Она заставила открыть все окна и двери...

— Она не называла вас по имени, но иногда издавала такие страшные крики, что у меня волосы становились дыбом. А когда мы хотели отвлечь ее сладостями, она наотрез отказалась их принять, — вздохнула госпожа Анна.

— Может быть, она заболела?

— Но что задержало вас так долго? — спросила тетушка Анна.

— Ничего важного, — Анжелика подняла девочку и прижала ее к себе. — Вот и я, моя славная, вот и я.

«Онорина почувствовала, что мне угрожает опасность. Должно быть, она уже давно чувствует, что над домом нависли тучи», — подумала она.

Девочка проснулась и улыбнулась ей. Мать усадила ее на стул и дала тарелку с кашей. А сама пошла поскорее сменить порванное платье, прикрытое накидкой, которую ей дал мэтр Габриэль.

Анжелика принялась быстро готовить ужин. Ей надо было продолжать своя обязанности служанки, и она была рада, что работа отвлечет ее от гнетущих мыслей.

Как только все сели за стол и она поставила посредине стола дымящуюся супницу с супом из устриц, звонок в дверь оповестил об очередном посетителе.

Воцарилось напряженное молчание. В комнате стоял полумрак, тусклое мерцание свечей освещало встревоженные лица. Когда колокольчик снова неторопливо зазвонил, хозяин медленно поднялся.

— Пойду посмотрю, кто это, — сказал он, — Если мы не откроем, это покажется подозрительным.

— Позвольте мне, — поднялась Анжелика, коснувшись рукой плеча мэтра Габриэля. — Никто не удивится, если откроет ваша служанка. Я сначала спрошу в окошечко и, если потребуется, позову вас.

Через окошечко ей отозвался голос, который она не сразу узнала.

— Это вы, госпожа Анжелика? Я хочу с вами поговорить. Вы меня не узнаете? Генерал-лейтенант де Бардань.

Тревога Анжелики возросла еще больше:

— Вы пришли арестовать меня?

— Арестовать вас?! — изумленно повторили вопрос. — Вы ничего другого от меня не ждете? Вы считаете, что я ни на что больше не гожусь, как арестовывать кого-то?

— Извините, что обидела вас, господин де Бардань, — смягчилась Анжелика. — Вы один?

— Один ли я?! Ну конечно, один, милое дитя. И замаскирован. На мне огромный серый плащ. Видите ли, человеку моего положения приходится избегать встреч, когда он идет на свидание к чужой служанке... Если меня кто-нибудь узнает, я буду скомпрометирован навсегда. Но мне необходимо с вами поговорить, это очень важно.

— Но в чем дело?

— Не могли бы вы впустить меня во двор или выйти ко мне на боковую улочку, где нет прохожих? Пожалуйста, госпожа Анжелика, войдите в мое положение! Представитель королевской власти Ля Рошели приносит вам на дом сообщение, а вы держите его под дверью, как собачонку!

— Я очень сожалею, но, кто бы вы ни были — губернатор или матрос — после вашего прихода я рискую испортить свою репутацию. Вы должны понимать, что мое положение в этой семье слишком ненадежно, чтобы отягощать его лишними подозрениями...

— Но я для того и пришел, чтобы вырвать вас из этого гугенотского гнезда, где вам угрожает большая опасность.

— Что вы хотите этим сказать?

— Откройте мне, и вы узнаете.

— Я не буду называть вас, но мне надо как-то объяснить свое отсутствие, каким бы коротким оно ни было.

— Хорошо, но поторопитесь... О! Звук вашего голоса и запах ваших духов меня сведут с ума!..

Анжелика встретила на лестнице торговца.

Она наскоро объяснила ему, почему Бардань хочет видеть ее. Брови торговца опасно сдвинулись, как несколько часов назад, когда он расправился с посланцами Бомье.

— Папистская каналья! Я сам пойду объясниться с ним! Не хватало, чтобы он стал совращать моих служанок прямо у меня под крышей!

— Не трогайте его! Он сказал, что хочет сообщить что-то важное...

— Что за важные новости и почему именно вам? Однако ни для кого уже не секрет, что он намерился приударить за вами и хочет сделать вас

своей любовницей.

— Возьмите себя в руки, — сказала она сурово. — Не забывайте о власти, которой обладает Бардань. По-моему, сейчас не время пренебрегать его поддержкой. Подумайте о том, что вас ждет завтра.

Не столько слова, сколько маленькая кисть Анжелики, стиснувшая запястье мэтра Габриэля, смягчила его гнев.

— И все-таки мне это не нравится, — пробормотал он. — Я доверял вам до сих пор...

Она грустно улыбнулась:

— До сих пор, сказали вы... А теперь...

Никогда прежде он не замечал, насколько ее голос может быть теплым и проникновенным. Может быть, потому что сейчас она стояла в полумраке совсем близко? Этот голос потряс его, он виновато опустил голову.

— Забудем об этом, — сказала она мягко, — и будем, как прежде, верить друг другу. Нас ждет нелегкая борьба...

— Хорошо, — сказал он. — Идите. Но будьте кратки.

Бардань тем временем изнемогал от нетерпения. Она отворила небольшую дверь во двор и впустила его.

— Наконец-то! Не совестно вам насмехаться надо мной? Что вы ему сказали?

— Он такой подозрительный...

— Не любовник ли он ваш? Честно говоря, я в этом не сомневаюсь.

— Вы заходите слишком далеко!

— Но это было бы вполне естественно. Он вдовец, вы живете уже несколько месяцев в его доме, все время у него на глазах... Не могу себе представить, чтобы он остался равнодушным к вам. Вашего очарования и красоты не вынесет никакая протестантская мораль... Правда, это могло бы привести к скандалу...

— Точно так же, как и ваше посещение!

— Ну, конечно! Это одно и то же. Я не скрываю, что люблю вас. Можно ли мне поцеловать вас?

Голос его был искренний, и Анжелика решила, что надо хоть чем-то утешить самолюбие губернатора.

— Хорошо, я разрешаю.

— О! Моя дорогая! — воскликнул он, захлебываясь от радости. — Вы будете моей!

— Господин губернатор, речь шла только о поцелуе.

— Будь по-вашему, обещаю не позволять себе ничего лишнего.

Ему едва удалось сдержать свое обещание и взять себя в руки. Он попытался вложить в этот поцелуй всю силу своей страсти, но губы дамы его сердца были холодны и спокойны.

— Итак, наше свидание окончено? — насмешливо спросила Анжелика, — Это все, для чего вы приходили?

— Нет, нет, что вы... Придется заняться менее приятным делом. К сожалению, не только пламенное желание видеть вас заставило меня искать встречи. Меня серьезно беспокоит ваша участь... Зачем только я увидел вас?! Напрасно вы солгали мне.

— Я? Но...

— Да, вы сказали мне, что сюда вас устроила одна набожная женщина, но это неправда. Бомье стал разнюхивать и выяснил, что ни одна из верующих жительниц Ля Рошели вас не знает.

— Это всего-навсего доказывает, что Бомье недостаточно хорошо осведомлен. .

— Нет! — тон Барданя стал мрачным. — Это доказывает, что вы говорили неправду. Наоборот, эта крыса всегда превосходно осведомлена, у него полно шпионов. Вот почему я часто вынужден обращаться к нему за помощью. Мне было тяжело видеть, как он занимается вашим делом, но я ничего не мог предпринять. Я знаю также, что он пытается выяснить, кем вы являетесь на самом деле.

— Кто я такая? Это странный вопрос. Я всего лишь простая...

— О, вы не доверяете мне! За кого вы меня принимаете? Да где вы еще встречали таких простых служанок, которые могли бы так умело выражать свои мысли в письме, поспешно написанном мне? Я, конечно, был счастлив получить его, но в то же время оно заставило меня задуматься...

— Бомье тоже заподозрил неладное, как только увидел вас, — продолжил губернатор после паузы, так как Анжелика от страха потеряла дар речи. — Мне кажется, я сейчас слышу, как сильно бьется ваше сердце! Я напугал вас, извините. Но это только подтверждает мои догадки. Вот видите, вы не решаетесь мне возразить... Но почему бы вам не довериться мне, мой ангел? Я готов на все, чтобы спасти вас. Прежде всего вам надо уехать от этих гугенотов, вас компрометирует их соседство. Настанет день, когда их придут арестовывать, и, если вас найдут в их доме, вам не удастся избежать тщательного дознания. Я мог бы спрятать вас и вашу дочь в своих владениях в Берри. Когда все эти религиозные волнения улягутся и Бомье займется другими делами, я верну вас в Ля Рошель... Чтобы сделать вас своей женой, разумеется.

Он повторил значительным тоном, чтобы она прочувствовала значительность его решения:

— Я женюсь на вас, несмотря на то, что не знаю даже, кто вы на самом деле!

Анжелика все еще была не способна произнести ни единого слова. Правда, этот день был слишком насыщен ошеломительными событиями. Так и не ответив, она повернулась, чтобы уйти.

— Вы уходите? Поистине вы необыкновенная женщина... Ответьте хотя бы: вы обдумаете мое предложение?

— Да, я обещаю, что обдумаю все...

— От этого зависит ваша судьба.

— Хорошо, я постараюсь.

Он еще раз попытался добиться поцелуя, но она решительно отстранилась и захлопнула перед ним дверь. Некоторое время она стояла в нерешительности, затем как безумная побежала в дом.

Мэтр Габриэль ждал Анжелику на лестнице.

— Что он сказал вам? Почему вы так долго с ним разговаривали? Он убедил вас уехать к нему, не так ли?

Она хотела проскочить мимо него, но он преградил ей дорогу.

— Отвечайте!

— Что я должна вам ответить? Вы все обезумели! Вы, мужчины, потеряли рассудок, вы хуже детей. Это смерть заклеила вас, и она еще придет! Ваши враги уже чистят оружие, а вы думаете только о ревности и поцелуях.

Она снова сделала попытку проскочить мимо него, и ему пришлось с еще большей силой ее удерживать. Он был в отчаянии, ему казалось, что его дом стал для нее чужим.

— Куда вы бежите? Вы переполошите всех домашних.

— Я должна забрать свою дочь и Лорье. Надо немедленно уезжать.

Эти простые, но твердо произнесенные слова потрясли его с новой силой.

— Уезжать?.. Вы хотите уехать прямо сейчас, среди ночи? Да это вы, а не я, сошли с ума!

— А, по-вашему, я должна дожидаться, когда сюда придут драгуны короля? Или когда Бомье добьется расследования по установлению моего настоящего имени? Я должна подождать, чтобы маленького Лорье посадили в повозку и увезли на галеры? Нет, я заберу детей, и мы уплывем на корабле. Да, за морем лежат неосвоенные земли, где меня не смогут настичь люди короля. Даже если у меня там ничего не будет, кроме

солнечного неба и цветов, я буду счастлива. Пустите меня, я тороплюсь в порт, — попросила она.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Отправляйтесь... Но мы едем вместе! Да, мы уедем вместе с вами. Мы покинем все: родной город, дом наших предков, все плоды нашего труда и попробуем начать все сначала на тех далеких землях, о которых вы мечтаете. Земля давно уходит у нас из-под ног. Мы не имеем права жертвовать нашими детьми, которые только начинают жить...

Глава 10

Прошло два дня, но к ним никто не пришел — ни один стражник, ни один посланец королевской власти. Казалось, пережитые волнения были напрасны, и дому не угрожает опасность. Но маленькая Онорина каждый вечер не могла уснуть, пока в доме наглухо не закроют все ставни. Она вела себя настороженно и капризно.

Город стал их ловушкой. Каждый корабль в порту подвергался строгому осмотру.

Вечером голос мэтра Габриэля оборвал ее созерцание:

— Ехать решено сразу несколькими семьями, нас будет сопровождать пастор Босер. Все те, кто дал согласие, решились попытать счастье на новых землях. Но не все уверены, что смогут применить там свое ремесло. Например, адвокат Каррер и бумажник Марсель не уверены, что смогут заниматься там своей работой.

Рыбак Гассертон говорит, что на островах Новой Франции разводят плантации табака, какао и сахарного тростника, но рыбной ловлей не занимаются.

— Как же мы уедем? — спросила она. Суровое лицо торговца посветлело:

— Представьте себе: нам взялся помочь Маниголь. Несмотря на то, что он самый решительный противник нашего бегства из Ля Рошели, он обещал нам предоставить корабль. Вот его план, он кажется мне удачным: скоро в порт прибудет его корабль из Африки, который привезет рабов. Перед отплытием за океан рабов будут держать на берегу, а перед самым отплытием под именами рабов на корабль проведут нас.

— Таким образом, смелость Маниголя заключается в том, что свой доход от торговли рабами он получит чуть позже, — заметила Анжелика.

— Нет, ему тоже придется многое потерять, но большая часть его капитала вложена в суда, которые он заберет с собой, если все же решится уехать. Он наладит свое дело там так же, как в Ля Рошели. У меня есть некоторый капитал в Голландии и Англии. Кроме того, за те дни, которые мы вынуждены провести здесь, я постараюсь продать часть имущества, но это надо делать осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Наши партнеры-католики знают, что мы, протестанты, продаем излишки, чтобы не платить за них двойные налоги.

— Когда, когда же мы отплываем? — спросила она.

— Через две или три недели.

— Три недели? Как долго! — вскричала она.

— Это не такой уж большой срок, когда собираешься покинуть землю своих предков, — тихо заметил он.

Анжелика, лишенная последних корней, связывающих ее с этой страной, не могла понять сомнений скромных, но зажиточных протестантов, не решающихся покинуть насиженное место. Похоже, их корбила сама мысль о счастливой жизни на свободных солнечных островах.

— Да, я отвожу на сборы три недели, — повторил мэтр Габриэль. — Хотя хорошо знаю, что опасность близка. Надо завершить несколько важных дел, которые сопряжены с риском. Через три недели в порт придет торговый караван из Голландии. Дело не только в том, что у берегов скопится большое количество кораблей и нам легче будет затеряться, но и в том, что солдаты будут предельно заняты и у них не хватит времени на долгие поиски. У Маниголя есть друзья среди голландских купцов. Они примут нас в свои ряды, и адмиралтейский флот не осмелится требовать нашей выдачи, если что-то сорвется.

Глава 11

Подготовка к отъезду шла полным ходом. Чернокожие рабы, прибывшие с берегов Гвинеи, томились в ожидании часа, когда решится их участь.

Возможность путешествия на невольничьем корабле больше всего приводила в негодование тетушку Анну.

— Мы задохнемся от их запаха, — возмущалась она. — Не говоря о том, что дети могут погибнуть от цинги.

Несколько раз на дню она перекладывала в дорожной сумке книги, которые собиралась взять с собой: Библию, курс математики и астрономии...

Со стороны могло показаться, что, действительно, все идет хорошо. Но инстинкт подсказывал Анжелике, что скоро грянет беда. Нужно ли считать недобрым знаком задержку возвращения из Парижа губернатора или то, что исчезновение двух подсланных Бомье шпионов никак не отразилось на жизни семья Бернов? Между тем, у всех ворот города усиленные патрули тщательно осматривали всех.

В один из дней Анжелика решила попытаться навестить на острове Ре Марсиала и Северину: она хотела вызволить их до дня отплытия.

Но вот город наводнили слухи, что голландцы близко. Анжелика вдыхала горький запах полыни и морской соли. Дюны были покрыты мелкими желтоватыми цветами. Онорина, бежавшая рядом, иногда срывала их, составляя букетик. После случая убийства двух шпионов Анжелика не решалась оставлять дочку одну.

Она присела, чтобы ребенок мог взобраться к ней на спину.

— А теперь спой мне песенку, — попросила девочка, обвив шею матери своими ручонками.

Анжелика улыбнулась и немного погодя запела любимую песенку Флоримона о Зеленом Молине, которому пришлось сражаться с самим дьяволом.

Напевая, она удалилась от берега довольно далеко. Теперь ей следовало найти тропинку, которая срезала широкий выступ в море и вела прямо к небольшой пристани Ля Паллис.

— Посмотри туда, — сказала Онорина, — я вижу дьявола, с которым сражался Зеленый Молин.

Мать неосознанно повернула голову туда, куда показывала девочка, в

внезапно вскрикнула.

На том месте, где она бы оказалась, если бы продолжала идти вдоль берега, возвышался черный силуэт. Анжелика с этого расстояния не могла разглядеть черт его лица, но это был очень высокий мужчина, одетый во все черное, а его огромный черный плащ развевался по ветру. Глядя на незнакомца, она вспомнила Рескатора, но встретить его здесь, у берегов Франции, было немыслимо.

Незнакомец поднял руку и навел на город подзорную трубу, неторопливо разглядывая его. Опустив трубу, он подал кому-то знак.

Анжелика сразу поняла, что те, кому предназначался этот знак, не хотят, чтобы их кто-то видел. На вершине дюны появились трое людей, они что-то обсуждали. Ветерок донес до нее знакомый запах смолы, которой пропитываются днища кораблей.

— Не шевелись, — сказала она Онорине.

Девочка и не думала шевелиться. Повинуясь инстинктам своей чувствительной натуры, она забилась в ямку на песке и замерла в ней, точно испуганный кролик.

Из рощицы она заметила над холмом три мачты без опознавательных знаков. Это могло быть голландское или английское судно, очень большое, водоизмещением около 250 тонн. Оно было слишком грозным для торгового корабля: двухпалубное, с длинным рядом пушек.

Корабль мягко покачивался на волнах недалеко от берега, поражая размерами и мощностью. На борту она различила надпись золотыми буквами: «Гульдсборо».

Двумя часами позже Анжелика была уже в Сен-Мартине. На улицах было полно ярко разодетых горожан и королевских офицеров. Без труда она нашла дом госпожи Демюри, сестры мэтра Берна. Усталый, измотанный вид Анжелики как нельзя лучше подходил для ее роли: господин Габриэль тяжело болен и передает через свою служанку, что хотел бы повидать детей перед возможной кончиной.

Анжелике стало совестно, настолько близко к сердцу почтенная женщина приняла это известие. Ее так потрясла весть о близкой смерти любимого брата, что она тотчас же отпустила вверенных ей детей, забыв о запрете отсылать их куда-либо без особого разрешения.

Хозяин баркаса, который перевозил их с острова, обеспокоенно посматривал на небо, затянутое тучами. Приближалась буря. Баркас колыхался на черных, пенящихся гребнях, начал моросить мелкий дождь. Но они благополучно добрались до берега, где Анжелике удалось нанять до города повозку.

Часовой, охранявший проезд через башню Сен-Николя, поленился выйти из будки и пропустил повозку без осмотра. Но в этот момент из башни вышли два стражника и преградили путь лошади. Один из них заглянул под полог фургона и сказал:

— А вот и она!

— Вы — госпожа Анжелика, служанка господина Берна? — спросил другой.

— Да, это я.

— У нас есть приказ задержать вас и доставить во Дворец правосудия...

Глава 12

Возница, услышав о Дворце правосудия, изменился в лице. Но ему пришлось повиноваться и везти задержанную в указанном направлении.

Весь путь Анжелика успокаивала себя мыслью о том, что из Парижа вернулся господин де Бардань и пожелал сразу увидеть ее. Но, к ее огорчению, повозке не дали остановиться у парадного подъезда.

Вместе с тремя детьми ее повели по темным коридорам и ввели в мрачную залу, где за столами, заваленными бумагами, трудились клерки.

Один из чиновников поднялся из-за стола, внимательно посмотрел на нее и открыл дверь в соседнюю комнату.

Пропуская Анжелику, он взял ее за локоть и вынул из ее пальцев руку Онорины.

— Дети останутся здесь.

— Они вполне могут пойти со мной, — возразила она.

— Запрещено, Вас будет допрашивать господин Бомье.

Анжелика посмотрела на Северину и Маршала и увидела, как они взволнованны. Дети уже побывали здесь до того, как попасть на остров Ре. Ей хотелось шепнуть им: «Ни о чем не рассказывайте!» Но сейчас ей пришлось ограничиться словами:

— Будьте молодцами, дети. Я надеюсь на вас.

Дверь закрылась за ней, и она услышала громкие крики своей дочери, не желавшей расставаться с матерью. Их заглушили грубые голоса мужчин, которые, видимо, вывели детей из канцелярии.

— Подойдите ближе.

Анжелика вздрогнула: она не заметила присутствия Бомье, сидящего сбоку за большим столом. Он указал ей на табурет:

— Садитесь, госпожа Анжелика.

Бомье захлопнул толстую папку, которую только что изучал, выпустил изо рта дым и откинулся на спинку массивного стула. Глаза у него были близко посажены и слегка косили, в них мерцал неприятный инквизиторский огонек.

Анжелика твердо смотрела в его мрачные глаза, она приготовилась к схватке. Молчание длилось долго. Обычная тактика Бомье, приводившая в замешательство допрашиваемых, дала возможность Анжелике собраться с мыслями.

Наконец он решился и произнес вкрадчивым голосом:

— Скажите мне, красавица, куда же вы, в конце концов, дели тела? Не делайте невинного лица, мадам. Вы не держались бы так напряженно, если бы не знали, о чем идет речь. Я понимаю, что воспоминание не из приятных, тем более, что вам пришлось участвовать в сокрытии трупов.

Он помолчал немного и продолжил, не дождавшись ответа:

— Не станете же вы отрицать, что двое благородных мужчин, один из которых был одет в ярко-синюю куртку, встретили вас на улице в конце прошлого месяца и предложили составить им компанию?

— Извините меня я не сердитесь, — ей удалось мягко улыбнуться ему, — но я все еще не понимаю, о чем вы говорите.

Рот блюстителя порядка исказила зловещая ухмылка:

— Вы ничего не знаете об этих господах? Это было 3 апреля, ровно в полдень, когда вы возвращались из магазина господина Маниголя на улице Перш.

— Да, я припоминаю двух не особенно вежливых и к тому же пьяных мужчин, которые бродили по улицам с явным намерением повстречать сговорчивых девиц. Но неужели вы думаете, что я — служанка из благородного дома — стану разговаривать с такими людьми?

— Вот видите, вы начинаете вспоминать. Сделайте еще одно усилие. Итак, они шли за вами, а затем...

— Ну раз вы заявляете, что они шли за мной... то, по всей видимости, мне не оставалось ничего другого, как предложить найти подружку в другом месте.

— И после этого вы пошли дальше той же дорогой? То есть сразу после посещения магазина вы вернулись в дом господина Берна?

Ловушка была слишком очевидной. Анжелика сделала вид, что вспоминает, и стала придумывать правдивое объяснение.

— Нет, в тот день я могла зайти на склады моего хозяина, они находятся поблизости от того места, где меня повстречали ваши молодые люди. Кажется, у меня была записка от господина Маниголя к мэтру Берну.

— Я рад, что вы начинаете вспоминать события того дня. Если бы вы утверждали обратное, я усомнился бы в вашей честности. Как вы верно заметили, это были мои люди. Еще один человек следил в это время за домом господина Берна, и он вас не видел. А тех двоих... Они до сих пор не вернулись.

— И вы думаете...

— Бросьте притворяться! — тон его стал строже. — Вы прекрасно знаете, что их убили. И я знаю, кто это сделал. Вы наткнулись на своего

хозяина и его помощников, была схватка, и моих людей одолели.

— Вы хотите сказать, что мой хозяин — убийца?! Но это невозможно представить, господин Бомье. Он очень набожный человек, он не выпускает из рук Библию.

— Это ничего не доказывает. Эти еретики способны на все. Я заплатил слишком дорого, чтобы убедиться в этом, поверьте мне.

— Мой хозяин... — начала было Анжелика.

— Ваш хозяин! — передразнил ее Бомье. — Нетрудно догадаться, кто у вас кому подчиняется.

Раз уж затронута эта тема, решила она, время выложить самую сильную карту.

— Господин Бомье, — с достоинством сказала Анжелика, опуская глаза, — я думаю, для вас не секрет, что я имела честь быть замеченной господином де Барданем, несмотря на мое скромное положение. Я не думаю, что ему понравятся ваши надуманные обвинения и насилие, которое совершается надо мной.

Ее слова не произвели того впечатления, которого она ожидала. Наоборот, он злорадно ухмыльнулся.

— Смею вас уверить, — с нарочитой вежливостью проговорил он, — что господин де Бардань не вернется в Ля Рошель. В высших кругах считают, что он не подходит для возложенной на него задачи.

Губы Анжелики вздрогнули.

— Значит, он не вернется... — прошептала она.

— Нет. А вы, пожалуй, верно задумали бросить вашего торговца и пристроиться к этому богатому вдовцу...

— Но вы позволяете себе...

— Прежде всего я не позволю вам насмехаться надо мной! — провозгласил Бомье, изображая благородный гнев. — Может быть, вы еще скажете, что не являетесь его любовницей? Чем же вы с ним занимались на складе в тот злополучный день? Вас видели! На вас едва держалась одежда и волосы были распущены...

Он замолчал, удовлетворенно заметив румянец, заливший щеки Анжелики. Наконец-то ему удалось заставить ее опустить глаза.

— Пойдем дальше, — смягчился сыщик. — Скажите, зачем вы связались с гугенотами? Раньше, когда они были влиятельны и богаты, это имело бы смысл. Но вы достаточно проницательны, чтобы понять, что сегодня удача повернулась к ним спиной. Если бы они согласились отречься... Но вы предпочли участвовать в заговорах, даже в убийстве, вы поставили себя на одну доску с преступниками.

Он еще раз взглянул в свою пачку бумаг.

— Кюре ближайшей от дома мэтра Берна церкви показывает, что вы никогда не присутствовали на мессах.

Следующим движением пальцев он вытянул из пачки другой листок.

— А что вы думаете об этом списке?

Анжелике были знакомы почти все. Это был перечень ближайших друзей Берна и членов их семей.

— Все эти люди завтра будут арестованы, — сообщил Бомье. — За то, что они собираются сбежать из Ля Рошели.

Наконец Анжелика осознала, что дал ей Бомье. Это была копия списка лиц, собирающихся уплыть на корабле Маниголя. Ее имя тоже было внесено в него.

— Почему бы вам не сбежать со всеми из Ля Рошели, где оставаться становится опасно? Кроме того, вы соучастница преступления. Как видите, причин достаточно.

— Нет, господин Бомье! — воскликнула она. — Вы напрасно считаете меня причастной к чужим правонарушениям! Я докажу вам это.

— Наконец я услышу долгожданные слова, — восторжествовал сыщик. — Я весь внимание.

— Я хочу рассказать вам о встрече с теми двумя... Видите ли, я уже сказала, что вы ошибочно считаете моего хозяина распутником. Наоборот, он слишком строг, в его доме не терпят никаких развлечений, только молитвы и работа. Я согласилась жить в его доме из-за высокой оплаты.

Но мне было там тяжело... В тот день, когда этот молодой человек в синей куртке обратился ко мне... Не сердитесь, но я приняла его предложение...

— Чего уж тут сердиться, — пробормотал Бомье. — За это ему и платили... Дальше.

— Мне надо было заглянуть на склад мэтра Габриэля, чтобы передать ему записку. Поэтому я сказала своему кавалеру, что готова встретиться с ним немного позже. Тогда он заметил своему приятелю: «Нам для того и платят, чтобы мы могли немного развлечься. Не стоит упускать такой случай. Ступай и жди меня в таверне Сен-Николя».

— Значит, они посмели действовать в одиночку, хотя я приказывал им держаться все время вместе, — яростно прошипел Бомье.

Она поняла, что как только речь зашла о пикантных подробностях, он начал ей верить.

— Неожиданно мы наткнулись на моего хозяина, — продолжала Анжелика. — Он побледнел, накинулся на моего спутника и так напугал

его, что тот убежал. Мэтр Берн приказал мне пройти на склад и там долго кричал на меня...

— От ревности!

— Я боялась, что он вот-вот схватит палку и начнет меня бить!..

— Это все?

— Нет, еще не все, — сказала Анжелика, опуская глаза. — Мы все-таки встретились потом с этим красавцем в синей куртке.

— Где? Когда?

— Тем же вечером. Мне удалось незамеченной уйти из дома и поспеть на свидание, о котором мы раньше условились... А потом еще встретились на следующий день... Мне кажется, что он покинул город. По крайней мере, он говорил, что собирается сделать это.

Бомье с презрительной гримасой пожал плечами.

— Всегда одно и то же. Учишь сначала их делу, поручаешь важное задание, а они прикарманивают деньги и сбегают. Кому можно доверять в наше время?

— А теперь, господин Бомье, — вздохнула Анжелика, — после того как я вам все честно рассказала, вы не поступите со мной слишком жестоко? Я обещаю вам, что сегодня же покину дом этих гугенотов. Не знаю, куда мне придется уехать, но я сделаю то, что обещаю.

Он в первый раз за всю беседу поднялся из-за стола и прошелся по комнате. Казалось, он над чем-то раздумывает.

— Ответьте же мне, — она постаралась прервать ход его мыслей, — вы позволите мне вернуться и забрать с собой дочь?

— Да, я думаю, что так и будет... — решил он. — Всего одна небольшая проверка — и вы на свободе.

Он вышел из комнаты. Мысли Анжелики были так поглощены возможностью освобождения, что она не обратила внимания на его последние слова. Она закрыла глаза, и две слезинки покатались по ее щекам.

Вскоре открылась дверь, и в комнату вошел мужчина. Это был Франсуа Дегре.

Глава 13

Как давно это было! Он вошел совсем неизменившимся со времени их последней встречи в полиции Парижа: прямой и суровый взгляд, широченные плечи, черный сюртук с позолоченными пуговицами...

Дегре поклонился ей, будто они расстались вчера:

— Приветствую вас, мадам. Как поживаете?

Его голос напомнил ей минуты жарких споров, приступы страха и ненависти, которые испытывала она из-за него. Сейчас он был без парика, поэтому его черты приобрели особую строгость. Она отметила, что годы, проведенные в полиции, наложили на него печать высокой ответственности.

— Итак, дорогая маркиза ангелов, нам было предназначено свыше еще раз встретиться, несмотря на ту поспешность, с которой вы удрали от меня в последний раз. Когда же это было? Пять лет... Сколько событий произошло за эти годы! Я имею в виду события, случившиеся с вами. Вы не можете себе представить, как нынче вошли в моду отравления! Все отравляют друг друга, даже в Версале. Вот тут-то и приходится быть особенно осторожным... Я никогда не терял вас из виду. До меня доходили не очень приятные известия... Предводительница восстания в Пуату... К счастью, я не занимаюсь розыском по лесам осколков крестьянских банд, мне хватает своих дел в Париже... Потом ваш след затерялся. Вдруг мы получили донесение Бомье. Он сообщал, как в городе протекает религиозная война, а заодно просил разыскать сведения о некой женщине, которая... Не знаю, что сразу подсказало мне, что эта женщина — вы. Позднее мне пришлось беседовать с любезным губернатором Ля Рошели господином де Барданем, и мои последние сомнения рассеялись. Быстро, как только мог, я поспешил сюда, и вот — я рядом с вами, дорогая моя!

— А вы знаете, что помолодели с тех пор? — снова заговорил Дегре. — Это поразило меня, едва я переступил порог. У вас прежние честные зеленые глаза... Только в них стало гораздо больше опыта... Как вам удалось уберечь себя от морщин? О! Ваши глаза молят о помощи, я не ошибаюсь? А откуда взялись следы слез на ваших щечках? Это Бомье заставил вас плакать? Что же вы натворили в этот раз, из-за чего попали в грязные лапы полиции? Когда вы научитесь быть осторожной?! Но ответьте же мне наконец!

Он подался вперед, впившись в нее своими холодными глазами. Но

она была точно парализована, ее губы беззвучно шевелились, и лишь из глубины души неся немой крик: «Дегре, друг мой, спасите меня!»

— Итак, мадам, чем я могу помочь вам?

— Помочь мне? — едва вымолвила она. — Вы хотите помочь мне, Дегре?

— Мне уже случалось выручать вас, мадам. Даже арестовав вас в Марселе, я сделал это для вашего же блага. Чего бы я не дал тогда, чтобы удержать вас от того путешествия, за которое вы так дорого заплатили!

— Но ведь вы приехали с приказом арестовать меня.

— Верно, но на этот раз я не арестую вас... — он сокрушенно покачал головой, — потому что это был бы для вас последний арест. На этот раз вам не удалось бы избежать тюрьмы. Я даже не уверен, остались бы вы в живых...

— У вас будут неприятности, Дегре.

— Не будем о них говорить. Я не могу представить себе маркизу ангелов пожизненно заключенную в темницу. Вы созданы, чтобы покорять мир... Кстати, это правда, что вы собрались уплыть из Ля Рошели?

Анжелика колебалась, стоит ли выдавать себя. У этих полицейских масса уловок, чтобы получить необходимые сведения у допрашиваемого. Ведь от ее слов зависит судьба друзей... Но она решила рискнуть:

— Да, это верно.

Дегре облегченно вздохнул:

— Я рад, что вы доверяете мне, и очень ценю это. Можно пренебречь всем, кроме некоторых вещей, которые имеют цену золота. Ваша дружба — из их числа. Я позволю себе сказать вам об этом, так как, судя по всему, мы никогда больше не увидимся.

— Вы отпускаете меня?

— Да. Но мне надо не только освободить вас, но и убедиться, что вы в безопасности. Ибо ваше положение исключительно тяжелое. Почему вы до сих пор не бежали? Уехать в Новую Францию — это действительно для вас лучшее решение. Но вы сами знаете, как сейчас трудно выбраться из города.

— Когда арестуют тех, с кем я собираюсь бежать?

— Завтра утром.

Анжелика побледнела. Никто из ее друзей не догадывается о том, что после короткой ночи в их дома нахально вломятся стражники.

— Дегре, вы сказали, что поможете мне... — начала Анжелика.

— А вы воспользуетесь этим, чтобы предупредить своих сообщников, — перебил он. — Нет, этому не бывать. Вы погубите и их, и себя. Не

забывайте, что еще не решен вопрос о вашем собственном спасении.

— Всего двадцать четыре часа... Дайте мне двадцать четыре часа. Употребите всю свою власть, чтобы арест перенесли на послезавтра или, в крайнем случае, на завтрашний вечер.

— Да вы с ума сошли! Вы забыли, что ваша голова оценена в пятьсот ливров?

— Двадцать четыре часа, Дегре!.. Я обещаю вам, что сумею спастись вместе с ними.

— Вы утверждаете, мадам, — недоверчиво переспросил парижский полицейский, — что до завтрашнего вечера вам удастся защитить от ареста, спрятать и помочь бежать пятидесяти приговоренным гугенотам?

Он долго смотрел на нее в полном молчании.

— Я узнаю вас, — сказал он наконец. — Знаете, когда с такой убежденностью обещают совершить невыполнимое, трудно отказать. Но в вашем распоряжении не более суток. Я использую все свое влияние, так как я являюсь правой рукой господина де ля Рейни, главы королевской полиции. Правда, обращением протестантов в Ля Рошели занимается эта крыса Бомье, и ему, естественно, не понравится, что я вмешиваюсь в его дела.

— Я поняла, — нетерпеливо сказала Анжелика.

— Идемте через эту дверь, — он указал ей на другую дверь в глубине комнаты. — Я не хочу, чтобы вас видели выходящей отсюда.

Внезапно Анжелика остановилась и повернулась к нему:

— Но где же дети? Я не могу вернуться без них!

— Я уже отослал их домой. Пока вы разговаривали с Бомье, рыжеволосая малышка — я полагаю, ваша дочь — подняла такой крик, что мне пришлось забрать ее и детей у стороживших их стражников и вывести на улицу. Там я сказал мальчику: «Бегите домой к отцу, ни с кем по дороге не разговаривайте и ждите госпожу Анжелику».

Он провел ее по узкому коридору и вывел на улицу. Была уже глубокая ночь. Вдоль улицы текли потоки воды, но дождь прекратился. Дегре остановился под козырьком подъезда и задержал ее руку. — Теперь не имеет смысла скрывать; я люблю вас долгие годы...

Он не выпускал руки Анжелики, она была похожа на пойманную птицу, все мысли которой устремлены в далекие высоты. В ее бунтарской жизни никогда не было места для него, одинокого чиновника.

— Прощай, маркиза ангелов...

Она сделала несколько шагов и обернулась. В темноте он уже не видел ее, только слышал голос:

— Прощай, друг мой Дегре... Спасибо.

Она побежала по мокрым улицам ночного города и, когда достигла дома мэтра Габриэля, едва могла перевести дух. Вся семья ждала ее возвращения.

— Рассказывайте! — потребовал торговец. — За что вас арестовали? Что произошло?

— Ничего серьезного не произошло, — старалась казаться веселой Анжелика.

Она пыталась улыбаться, но губы не слушались ее. Чтобы скрыть волнение, она вынуждена была пойти на кухню и попросить у Ребекки стакан вина. Служанка предложила ей на выбор все сорта, которые хранились в подвале.

— Они узнали о корабле? — спросил мэтр Габриэль. — Они задержали вас из-за корабля? Что еще им известно?

— Они почти ничего не знают.

— Вы утверждаете, что не произошло ничего серьезного, а сами бледны, как полотно. Говорите всю правду. Мне нужно предупредить Маниголя?

Он подошел к ней и положил руку на ее плечо.

— Я так боялся за вас, что готов был бежать во Дворец правосудия.

— Это было бы ошибкой, мэтр Габриэль. Эти люди подозревают что-то, но у них нет доказательств. Если только Марсиал с Севериной им ничего не сказали.

— Но нас и не спрашивали ни о чем, — сказал Марсиал. — Нас сразу отпустил высокий господин в черном.

— По-моему, он прибыл из Парижа, — добавила Северина. — Все относились к нему с таким почтением...

— Этот господин действительно прибыл из Парижа, — подтвердила Анжелика. — Это мой друг, и он заверил меня, что нам нечего бояться.

— У нас есть друзья в полиции Парижа? — удивленно спросил торговец.

Анжелика устало положила руку на лоб:

— Да, но только один. Однако, как вы убедились, это принесло нам некоторую пользу... Извините меня, мэтр Габриэль, уже поздно, и детей надо укладывать спать.

Оставшись одна, когда в доме все, кроме старой Ребекки, уснули, Анжелика тихо прошла в кладовую и выбрала самый плотный плащ, крестьянскую одежду и грубый платок. Вернувшись на кухню, она позвала старую служанку.

— Я не хотела ничего рассказывать мэтру Габриэлю, чтобы не волновать его заранее, — сказала она Ребекке. — Он все равно не смог бы ничего предпринять, но, сам того не ведая, повредил бы нашему делу. Вы же должны знать обо всем, потому что, если я не вернусь сегодня ночью, кто-то должен предупредить его...

По строгому лицу Ребекки Анжелика поняла, что та догадалась о несчастье.

— Да, нас предали, но я не знаю кто. Скорее всего кто-то из людей Маниголя. Как бы то ни было Бомье знает имена всех, кто собирался бежать. Завтра всех нас ждет арест.

— Вы хотите покинуть дом сейчас, когда на улице буря? — ровным голосом спросила служанка.

— Часы наши сочтены. Если завтра утром мы не сядем на корабль, нас уже ничто не спасет.

— На корабль? Но вы сами сказали, что о нем полиция все известно. Кроме того, порт закрыт, все остальные корабли под охраной.

— Все, кроме одного... — тихо произнесла Анжелика. — Нужно попытаться счастье... А вы должны собрать за ночь все необходимое для бегства.

Она уже готова была тронуться в путь.

— Ребекка, — Анжелика остановилась в дверях, — если я не вернусь на рассвете, позаботьтесь об Онорине...

Единственным для нее выходом из города теперь была небольшая дверца в крепостной стене, охраняемая часовым Ансельмо, который был свидетелем схватки мэтра Габриэля со шпионами Бомье. Она постучала в его будку.

— Вы?! Госпожа Анжелика! — воскликнул, увидев ее, часовой, впуская в свою комнатку.

— Я пришла просить вас об очень важном для меня одолжении, — сказала она. — Вы должны выпустить меня из города через вашу дверь.

— Но это запрещено, — нахмурился Ансельмо. — Зачем вам нужно под таким ливнем покидать город?

У Анжелики был готов убедительный ответ:

— Я должна отнести важное сообщение одному человеку, который прячется на хуторе Сен-Морис. Он приговорен к смерти, это пастор...

— Понимаю, — пробормотал солдат. — Как бы вы сами не попали в тюрьму из-за этих историй. Да и я сам теперь рискую головой.

— Об этом никто не узнает. Я сразу же вернусь обратно, меня никто не увидит в темноте... К кому же мне еще обратиться, кроме вас? —

воскликнула она с отчаянием.

Вздохнув, часовой поднялся и пошел за ключами.

— Я так благодарна вам, Ансельмо! Так благодарна...

Она бежала в кромешной тьме, ни одного огонька не светило на побережье, дождь слепил ее. Только по шуму волн приблизительно можно было определить направление. Выбившись из сил, она споткнулась и поползла по грязи на четвереньках. Осознав, что может заблудиться, Анжелика решила повернуть к пляжу и идти вдоль моря, несмотря на то, что эта дорога была намного дальше. Она запомнила только одну приметку: деревянный крест на берегу, возле которого они с Онориной свернули на тропинку. Недалеко от этого креста они и заметили Рескатора. Теперь она знала наверняка, что это был он.

Несколько раз волны обрушивались с такой силой, что Анжелику отбрасывало водой, угрожая смыть ее в море.

Вдали забрезжил огонек — это был фонарь, горевший на одной из мачт «Гульдсборо». Вскоре она могла различить другие огни и даже часового на корме. Корабль стоял в небольшой бухточке, и волны здесь были значительно слабее. Она не заметила, как сзади к ней кто-то подошел. Когда стальной хваткой сжала ее талию и руку, она резко вскрикнула:

— Позовите Рескатора! Я должна видеть Рескатора!

...Когда за Анжеликой закрылась дверь, первым ее ощущением было, что она ступила на мшистый ковер, покрытый цветами. Под ее ногами действительно был восточный ковер, пушистый и очень пестрый. В комнате было жарко натоплено. Ее одежда была насквозь промокшей, и она не могла унять дрожь во всем теле.

Перед ней стоял человек, который своим гигантским ростом, казалось, занимал почти всю комнату. Это был властелин морей грозный Рескатор. Как и раньше, выражение его лица было недоверчивым, даже презрительным. На нем была его постоянная кожаная маска, опускающаяся низко на губы, из-под которой торчала черная борода, свидетельствующая об испанском происхождении пирата.

Пират, наконец, пошевелился, и она увидела, что он улыбается:

— Француженка из Канди! — изрек он.

— Что тут смешного? — слабым голосом спросила она.

— Мне показалось забавным, что женщина, за которую когда-то я готов был отдать все свое состояние, превратилась в жалкую нищенку, за которую теперь никто не даст и ста пиастров.

Анжелика поняла, в каком жалком виде предстала она перед ним: вся в грязи, в промокшем крестьянском платье, со спутанными, слипшимися

волосами.

— Что же, тем лучше. Значит, вы не сожалеете о том, что когда-то я убежала от вас.

— У вас хватает наглости напоминать мне о вашем бегстве? — удивился он. — А как вам удалось разыскать меня?

— Я заметила вас вчера днем на берегу, когда вы наблюдали за городом.

Пират вдруг затрясся от гнева:

— Когда это кончится? — воскликнул он. — Вы снова ускользнули у меня из-под носа! Я должен был вас заметить, никому еще не удавалось так легко уходить от меня!

Некоторое время он расхаживал по каюте, потом снова остановился перед ней.

— Итак, вчера, когда вы были рядом, вы предпочли избежать встречи, а сегодня ночью в ливень вы явились...

— Я пришла просить вас взять на борт людей, которые должны уехать из Ля Рошели, и отвезти их в Новую Францию. Они хорошо заплатят вам.

— Но что заставляет их плыть на корабле корсаров?

— Это беженцы, монсеньор. Это протестанты, которых ожидает тюрьма. У них нет иного пути для бегства.

Анжелика никак не могла понять реакции пирата, голос его ничего не выражал, кроме любопытства.

— Их несколько семей? Вместе с женщинами и детьми?

Она знала, что упоминание о женщинах повлечет незамедлительный отказ. На корсарские корабли вообще старались не пускать посторонних, а о женщинах-пассажирах вообще не могло быть и речи: драк, раздоров хватало и без них. Анжелика слишком хорошо знала обычаи и нравы корабельной жизни, чтобы понимать, насколько мала у нее надежда на выполнение просьбы.

— Замечательно! — отозвался Рескатор. — А сколько же всего будет пассажиров?

— Около сорока, — Анжелика не решилась назвать истинное число беженцев.

— Да вы шутите, моя дорогая! Но оставим шутки... Скажите, почему маркизу дю Плесси-Белльер так волнуют приговоренные к смерти протестанты? У вас есть родственники среди них? Или любовник? А может быть, вы нашли среди еретиков нового мужа?

— Ни того, ни другого, — ответила она.

Как она могла объяснить ему, что от чистого сердца хочет помочь

своим друзьям и их детям. Этот морской волк, поставивший себя вне закона, не верил ни в дружбу, ни в справедливость, если вообще верил во что-то доброе.

— Ну, а если взяли в мужья одного из еретиков, то это означает, что вы пали слишком низко, — продолжал упорствовать он.

Анжелика устало покачала головой. Было очевидно, что попытка ее не удалась, у нее не было больше доводов, которые заставили бы пирата изменить решение.

— Видите ли, — подвел он черту, — у меня нет места для сорока пассажиров. Кроме того, я далеко не уверен, что сумею отойти от этих берегов без столкновения с королевским флотом. И вдобавок, Американские острова, о которых вы говорили, лежат совсем в другой стороне от моего пути. Короче... Я не желаю продолжать разговор на эту тему. А что касается вас... Вы останетесь на борту в качестве компенсации за те тридцать пять пиастров, которые я потерял когда-то из-за вас. Конечно, в Америке женщина стоит дешевле, чем на Средиземноморье, но все же я смогу кое-что выручить за вас.

Несмотря на то, что в каюте было жарко натоплено, Анжелику пронзил холод. Ледяной пот выступил на ее висках.

— Ваши угрозы не производят на меня впечатления, — дрожащим голосом вымолвила она. — Я знаю, что...

Но тут она задохнулась в долгом кашле, причиной которого, вероятно, была мокрая одежда, в которой она находилась в последние сутки. Она долго не могла успокоиться, дыхание ее стало тяжелым, голова раскалывалась, лицо горело.

— Вот что случается, когда ночью под проливным дождем бежишь на свидание к пирату, — усмехнулся он. — Что скажете о чашечке настоящего турецкого кофе? Только снимите, пожалуйста, ваши башмаки, вы перепачкаете мне все ковры.

Он снял с ее плеч тяжелый промокший плащ и выбросил его за дверь. Потом взял свой.

— Один вы мне уже задолжали. Помните, как без зазрения совести вы прихватили его с собой в ту ночь пожара?

Рескатор накинул на нее плащ и, придерживая за плечи, подвел к дивану. Потом прошел в глубь каюты, и она услышала, как снаружи зазвенел колокольчик.

Рескатор сидел на диване рядом с Анжеликой и задумчиво наблюдал, как она осторожно, двумя пальцами — по восточному обычаю — взяла крохотную чашечку с дымящимся напитком, добавила в нее несколько

капель холодной воды, чтобы осадок оказался на дне, и поднесла ее к губам.

— Откуда кровь? Вы ранены?

Она поднесла к глазам ладони, на них было много ссадин.

— Я даже ничего не почувствовала. Наверное, ободрала их, когда упала. О! Это пустяки по сравнению с дорогами Рифа! — глаза ее загорелись.

— Знаете ли вы, что из всех пленников-христиан вы единственная, кому удалось пересечь эту пустыню. Я считал, что ваши косточки белеют где-то в песках.

— А правда, что вы искали меня в Микенах? — спросила она.

— Там, где прошла француженка с зелеными глазами, остаются развалины и трупы.

— Вы предпочитаете эту поговорку, как новую восточную мудрость...

— Думаю, что память о вас не уйдет в забвение, — произнес Рескатор.

— По крайней мере, в ближайшее время.

Помолчав, он снова спросил ее о путешествии по пустыне:

— Из Микен вы отбыли в сопровождении девяти спутников. Сколько же вас пришло в Сеут?

— Двое.

— Кто же был вашим спутником?

— Колин Патурель — вожак местных рабов.

Анжелика увидела, что кулаки пирата в подступающей ярости сжимаются, и поспешила отвлечь его от опасных воспоминаний.

— Мы столько можем вспомнить... — проговорила она низким, проникновенным голосом.

— Столько, сколько вы не можете себе представить, — внезапно усмехнулся он и подал ей свой платок. — Вытрите наконец свою кровь.

— Я бежала по берегу, чтобы не заблудиться, — сказала она, притрагиваясь кончиком платка к ссадинам. — Мне казалось, что волны вот-вот смоют меня. Но, к счастью, я нашла вас...

Рескатор поднял руку и дотронулся пальцами до ее подбородка, до щеки. Он притрагивался к ее лицу осторожно и нежно, как слепой, старающийся вообразить невидимую внешность.

— Вы так хотели увидеть меня?

— Вы единственный, кто пока еще может помочь нам...

— О, дьявол! Вы все еще думаете о своих гугенотах!

— Как я могу их забыть? Вы только что мне сказали, что я оставляю за собой только трупы. Тогда помогите мне спасти, по крайней мере, этих

несчастливых!

— Этих гугенотов... Чем они занимаются? Каково их ремесло?.. Не торжествуйте заранее, — словно прочел ее мысли Рескатор. — Если я и соглашусь помочь им, то вы от этого не выиграете.

— Мне будет уже достаточно того, что эти несчастные избегают смерти.

— Это всего лишь красивые слова! Вы ведь не знаете, чем вам придется заплатить. Ответьте, что за людей вы хотите навязать мне, кроме набожных старушек и сопливой мелюзги?

— Среди них есть крупный судовладелец Ля Рошели и другие купцы, связанные с морской торговлей...

— Есть ли среди них ремесленники? — нетерпеливо перебил пират.

— Плотник с учеником...

— Это уже лучше.

— Булочник, рыбаки...

— Ладно, довольно, Возьму всех, раз вы не можете жить без них! Хотя я сам не очень-то понимаю, как вам удалось переубедить меня... Теперь к делу, маркиза... Я собирался уходить отсюда с утренним приливом, и у меня нет никакого желания подплывать близко к Ля Рошели.

— Договоримся встретиться где-нибудь поблизости на берегу. Я приведу их.

Глава 14

Часовой Ансельмо уловил легкий стук в дверь и прислушался.

— Это вы, госпожа Анжелика?

Он повернул ключ и впустил ее.

— Как долго вы не возвращались, я боялся, что вы не успеете до рассвета.

В то же мгновение горло его сжала чья-то железная пятерня, и тяжелый удар по затылку свалил его.

— Ничего другого нам не оставалось, мадам, — ответил один из моряков.

Рескатор дал ей в сопровождение трех самых надежных своих помощников.

Во дворе дома мэтра Габриэля горела лампа, и сам он в темном плаще стоял на лестнице, ожидая ее возвращения.

— Я нашла капитана, который согласен забрать нас всех, — быстро сообщила Анжелика и кивнула в сторону пиратов. — Эти люди будут сопровождать меня, пока я не вернусь к их капитану. Вы должны дать им подходящую одежду, в которой они не вызовут подозрений. Речь идет о корсарском корабле. Через несколько часов он отходит. Мы встречаемся у хутора Сен-Морис. Пусть каждый добирается до места, как сможет, а вас с семьей, мэтр Габриэль, я провожу через запасную калитку в крепостной стене, которая будет открыта до новой смены еще три часа.

У мэтра Габриэля хватило здравого смысла не задавать лишних вопросов. Ребекка уже сообщила ему о провале плана.

...Умывшись и переодевшись в чистое, Анжелика вышла во двор.

Прошло не более получаса с момента ее прихода. Она взяла на руки Онорину, укутанную в теплый плащ. В молчании все спустились во двор, у каждого в руках были громоздкие сумки. Когда они достигли запасной двери в крепостной стене, небо светлело. Анжелика передала Онорину Ребекке.

— Мне нужно предупредить остальных наших друзей. Вы сами будете добираться до хутора Сен-Морис. Там должны собраться и остальные. Скажите рыбакам, что вы пришли на тайное погребение одного из своих единоверцев.

— Ты знаешь дорогу, Марсиал? — спросил мэтр Габриэль у сына. — Сможешь ли ты довести женщин до хутора? Мне надо остаться с госпожой

Анжеликой.

С большим трудом ей удалось уговорить его. Она объяснила, что только такой человек, как он, сможет успокоить и защитить всех тех, кого ей удастся направить к хутору.

...Ей оставалось предупредить еще три семьи. В это время на крепостной стене забегали, громко переговариваясь, солдаты.

— Заметили исчезновение стражника, — сказала Анжелика сопровождавшим ее пиратам.

— Красные мундиры... Это драгуны... — бормотал булочник, семью которого они хотели вывести через знакомую калитку. — Откуда они здесь?

— Наверное, по случаю прибытия голландского флота.

— Это все из-за тебя, — начала плакать жена булочника. — Если бы ты немного поторопился, мы бы уже были на свободе...

— Попробуем пройти через городские ворота, их, должно быть, уже открыли.

Семья булочника скрылась из виду, направляясь к городским воротам, а Анжелика поспешила к Маниголю.

Она застала его семью за ранним завтраком в той же роскошной гостиной, что и в тот день, когда она впервые попала сюда, разыскивая Барданя.

Она торопливо рассказала им о раскрытии заговора и о необходимости немедленно покинуть город. Анжелика предложила им разбиться на группы и выходить порознь под вымышленными именами.

— По-моему, эта девица сошла с ума! — вскричала госпожа Маниголь. — Она предлагает нам бросить все и бежать неизвестно куда...

— Как называется ваш корабль? — перебил жену Маниголь.

— «Гульдсборо».

— Я согласился бы плыть только на корабле, капитану которого доверяю.

— Тем хуже для вас, — спокойно ответила Анжелика. — Раз вы предпочитаете оказаться в тюрьме...

— Меня выпустят, у меня большие связи.

— Нет, господин Маниголь. На этот раз вас не выпустят.

Один из матросов взял ее за руку и пробасил на ломаном французском языке:

— Мадам, капитан велел нам торопиться. Скоро день наступит...

Анжелика с негодованием смотрела на это умиротворенное семейство, вкушающее лакомства и не подозревающее о том, что скорее всего это

последний их совместный завтрак. Оставить их здесь — значило не только подвести друзей мэтра Габриэля, но и лишить беженцев сторонника, обладающего самым тяжелым кошельком. Кто будет расплачиваться с Рескатором?

— Тем хуже для вас, — повторила она. — Мне только жаль, что я рисковала жизнью, добираясь сюда, чтобы предупредить вас. За это время я была бы уже на хуторе Сен-Морис... Вы ждете чуда, которое поможет вам сберечь все, что имеете: деньги, веру, родину...

Она увидела, что Маниголь задумался. Внезапно он поднялся из-за стола и сказал сыну:

— Иди одевайся, Жереми.

— Куда вы собрались? — воскликнула госпожа Маниголь.

— На корабль.

— Берите только самое необходимое! — обрадованно крикнула Анжелика.

Городские ворота они миновали благополучно. Женщины приняли беззаботный вид и намеренно не откликнулись на окрик солдат, вызвав этим веселые реплики стражи.

Наконец показались строения Сен-Мориса. Их встретили возгласами облегчения.

Все, кто прибыл на хутор, высыпали во двор. Мэтру Габриэлю едва удалось успокоить перепуганные семьи. Когда он прочитал вслух список беженцев, оказалось, что на месте все, кроме госпожи Маниголь и двух ее дочерей.

— Отплываем немедленно, — сказал моряк с «Гульдсборо», — Начинается прилив. Пассажирам надо успеть подняться на борт. Один из наших останется и приведет к кораблю остальных, если они не слишком задержатся.

Группа пошла по берегу. Вдруг из леса раздался отчаянный вопль. Все обернулись — к ним бежал слуга Маниголя, негр по имени Сирики.

— Господин! Не уезжайте без вашего слуги, иначе Сирики умрет!

— О, мой верный друг! — Маниголь раскрыл ему объятия. — Я думал, что тебе лучше остаться в этой стране, где нет рабства.

Вскоре все услышали шум — это был стук колес. К берегу скатывалась небольшая телега, в которую вместо осла впряглась раскрасневшаяся госпожа Маниголь. На телеге в беспорядке были нагромождены ковры, одежды, сервизы. Две ее дочери и служанка подталкивали телегу сзади, но, как только госпожа Маниголь увидела своего супруга, она бросила оглобли и закричала ему:

— С меня хватит, теперь вата очередь! А ты, бездельник, — обратилась она к Сирики, — лучше бы помог мне, чем лететь со всех ног к своему хозяину.

— Вы в таком виде проехали через ворота Сен-Николя? — разъярился Маниголь. — И вас не остановили?

— Нас попробовали спросить, куда мы едем, но я живо заткнула рты этим болтунам. Могли бы сообразить, что мы торопимся!

Через каждые десять шагов Анжелика останавливалась и вглядывалась в видневшийся вдалеке город. Стены Ля Рошели белели в лучах солнца, издали крепость напоминала корону. Анжелика с волнением заметила облачко пыли, которое возникло под одной из башен.

— Если бы я знала, что Маниголи прикатят полную телегу со скарбом, я бы тоже нагрузила свой фургон, — ворчала проходящая мимо нее жена булочника.

— Телега Маниголей погубит нас, — сухо бросила Анжелика. Она побежала в конец колонны и сказала мэтру Габриэлю:

— Посмотрите туда. Что вы там видите?

— Пыль поднял отряд всадников, — ответил торговец, обладавший очень острым зрением. — Всадники в красных мундирах.

В следующую минуту их заметил моряк с «Гульдсборо». Он подхватил на руки двух маленьких детей и крикнул людям, чтобы все пригнулись и повернули к дюнам. Анжелика была уже возле судовладельца.

— Бросайте вашу телегу, за нами гонятся драгуны.

Маниголь благоразумно бросил оглобли и стал отталкивать от телеги плачущую супругу. Анжелика взяла за руки двух его младших дочерей и побежала с ними к кораблю.

...Заметив среди дюн беглецов, драгуны издали торжествующий клич. Солдаты выхватили из ножен клинки и пустили лошадей галопом. Проносясь мимо брошенной повозки Маниголей, они сшибали с нее пожитки, и копыта лошадей затаптывали их в песок.

«Мы пропали, это конец», — подумала Анжелика. Но в тот момент, когда ей уже чудились занесенные над ней клинки, раздались сухие выстрелы мушкетов. Рядом оказался один из матросов, охранявших ее, он взял Анжелику за руку, чтобы помочь бежать.

Остановленные мушкетным огнем всадники сгруппировались в кучу, что-то решая, потом стали укрываться за дюнами.

— Госпожа Анжелика, вы не ранены? — рядом с ней появился мэтр Габриэль с пистолетом в руке.

— Где Лорье? — спросила она, не отвечая.

— Он уже на корабле. Матросы принимают на борт детей, потом подойдет очередь остальных. Как видите, капитан корабля распорядился об обороне.

Драгуны спешили и стали, укрываясь от огня дюнами, пробираться к гугенотам. Они воспользовались затишьем, вызванным тем, что пираты должны были перезарядить мушкеты, и широко окружили место погрузки беглецов. К счастью, у них было мало мушкетов» а пули их пистолетов на таком расстоянии не могли причинить вреда.

Увидев, что укрывшимся за сопками пиратам пока нельзя нанести решительного удара, лейтенант драгун приказал стрелять по шлюпке, перевозящей беженцев на корабль, которая была хорошей мишенью. Первый залп не дал результатов, но лейтенант велел перезарядить мушкеты и ждать возвращения шлюпки.

Другая часть солдат снова попыталась прорваться сквозь цепь пиратов. Анжелика подняла голову и увидела недалеко от себя драгуна, размахивающего саблей. Мэтр Берн поднялся ему навстречу и свалил солдата выстрелом из пистолета. Но в тот же миг сам был сражен несколькими пулями.

— Убит!.. — простонала Анжелика, пытаясь приподнять окровавленную голову, — Мой бедный друг...

Чья-то рука внезапно схватила ее за талию. Это был Рескатор, державший на руках Онорину.

— Вот вы где! И, конечно, хотите спастись последней! О, безумная женщина!

Голос его заглушил залп пушек с «Гульдсборо». Первые ядра взметнули в воздух кучи песка и щебня, осыпав Анжелику и Рескатора.

Воспользовавшись смятением, вызванным среди солдат громом корабельных пушек, матросы без потерь подогнули шлюпку к берегу и погрузили в нее новую группу протестантов.

— Забирайте всех, — распорядился Рескатор, — Это последняя возможность.

Сам он влез в шлюпку последним и, взмахнув театрально рукой, воскликнул:

— Прощай, негостеприимный берег!

Ни одного выстрела не прозвучало им вслед: слишком велики были потери драгун. Лейтенанта тяжело ранило, поэтому некому было отдавать приказы.

— Быстрее в порт, надо предупредить гарнизон, чтобы корабль не

пропускали между островов! — крикнул один из солдат.

А на корабле уже скрежетала массивная цепь поднимаемого якоря, ветер надувал паруса.

— Обойдем остров Ре с севера, — сказал Рескатор.

Он велел всем пассажирам, кроме Анжелики, спуститься в трюм, так как предполагал, что ветер может отнести судно под пушки Ля Рошели.

— Вам нужен хороший лоцман, — нашла выход Анжелика. — Среди моих друзей есть рыбак, который отлично знает этот пролив.

— Прекрасная идея! Я пошлю за ним.

Привели рыбака, и пират поставил его рядом с матросом, стоящим у штурвала.

— Так это ваша дочь? — спросил он, возвращаясь на капитанский мостик, кивнув на Онорину, которая, как замороженная, смотрела на серую гладь залива. — Кто же из этих протестантов ее отец?

Под его непроницаемой маской Анжелика различила усмешку. Впрочем, вопрос был не слишком своевременным.

— Ее отец Нептун, повелитель морей. Представьте себе...

— Сбоку военный корабль! — раздался сигнал с мачты. — Он идет нам наперерез!

— Нас запрут в ловушке, как крыс, — пробормотал один из помощников капитана.

— Нет ничего проще, чем избавиться от него, — беззаботно произнес Рескатор. — Прикажите замедлить ход.

Он спустился к штурвалу и положил руку па плечо рыбака.

— Начинается отлив. Скажи, друг, успеем ли мы проскочить, не застряв на камнях?

— Мы успеем проскочить, капитан.

— А корабль противника, ведь он тяжелее нашего?

Анжелика, подошедшая к ним сзади, случайно взглянула на оголившуюся руку Рескатора. Ей показалось, что где-то она уже видела лгу мускулистую, но в то же время ласковую руку.

— Правильно, капитан! — вскричал рыбак, — Нам надо посадить их на мель!

— Если из порта начнут стрелять, — обратился Рескатор к рулевому, — направляй корабль так, чтобы между нами оказался военный фрегат.

Экипаж расторопно и слаженно готовился к бою. Каждый занял свое место: у пушек, на снастях, вдоль борта. Пираты держали в руках клинки и топоры, готовые броситься на abordаж.

— Может, стоит посыпать палубу песком? — спросил помощник

капитана.

Анжелика знала об этой уловке: палубу посыпали песком, чтобы во время боя ноги не скользили по залитым кровью доскам.

— Я думаю, до стычки дело не дойдет, — спокойным голосом ответил пират. — Они не успеют выпустить ни одного ядра, так как зацепятся за камни. А сейчас их позиция невыгодна для стрельбы.

Только он успел произнести эти слова, как неприятельский корабль внезапно накренился, будто остановленный невидимой силой, и послышался резкий треск.

— Сел! — вскричал помощник капитана.

Весь экипаж дружно заревел от ярости. Пираты размахивали шляпами и громко хохотали. С поврежденного судна неслись проклятия.

— Как бы и нам не сесть на эти камни, — Рескатор снова положил руку на плечо рыбака. — Мы верно движемся?

— Как только мы выйдем в открытое море, нас не догонит ни один корабль Его Величества.

Когда они были уже в проливе, от острова отделились еще два корабля.

— Мы в ловушке! Нас заперли! — закричал с мачты матрос, указывая в сторону открытого моря.

Все повернули головы и увидели у самого горизонта несколько парусников. Через несколько мгновений из дымки показались и другие корабли. У людей рухнули надежды на благополучное бегство. Пиратам предстояло дать последний бой, но никакие отвага и смелость не могли уже спасти корабль от гибели.

Анжелика бросила растерянный взгляд на Рескатора и с недоумением увидела, что плечи его вздрагивают от беззвучного смеха.

— Голландцы... — произнес он и засмеялся в полный голос. — Поднять английский коммерческий флаг! — приказал он помощнику.

Многочисленный голландский флот, сопровождаемый восьмью военными фрегатами, шел на полных парусах к Ля Рошели. Через некоторое время корсарский корабль, замаскированный английским флагом, растворился среди судов армады и стал совершенно недоступным для пушек преследователей.

— Спасены! — все беженцы высыпали на палубу и, стоя на коленях, обратили взоры в сторону своей бывшей родины. — Прощай, Ля Рошель! Прощай, Франция! Прощай, король!

— Берег еще виден, — сказал Рескатор Анжелике. — Вам не хочется в последний раз взглянуть на страну, в которую вы больше никогда не

вернетесь?

— Нет, — ответила она, прижимая к себе замершую от восторга Онорину. — Я увожу с собой единственное сокровище, которым обладаю. Кроме нее, у меня ничего не осталось.

Невыразимая радость переполняла сердце Анжелики. Сбылась ее заветная мечта: опасность позади, море спасло ее, впереди неизведанные, но такие желанные страны, новые приключения.

Грудь ее жадно вдыхала соленый морской воздух, глаза восторженно сверкали, а на губах застыла счастливая улыбка.

Впереди лежал океан.